

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ № 3(74) 2018

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук): психологические науки, педагогические науки, юридические науки

СОДЕРЖАНИЕ

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

- Караяни А. Г., Утлик Э. П. Саморегуляция функциональных состояний в боевой обстановке 5
- Поддьяев О. Л., Каримов А. А. Психологические особенности поведения людей в толпе и их учет сотрудниками правоохранительных органов при проведении массовых мероприятий 10
- Чуманов Ю. В., Лебедев И. Б. Принятие решения сотрудниками уголовного розыска в ситуациях неопределенности ориентиров поиска 17

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

- Цветков В. Л., Ануфриева Д. А. Психология имиджа сотрудника полиции: состояние и возможная положительная динамика 23

Воспитательная, правовая и профилактическая работа

- Заурова Э. В. Особенности психокоррекционной работы с осужденными пожилого и старческого возраста в исправительных учреждениях 28
- Бучакова М. А., Дизер О. А. Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел 34
- Чуносков М. А. Теоретические основания профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних 38

Теория и методика профессионального образования

- Федулов Б. А., Морозов В. А., Левченко А. А. Направления совершенствования управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции 43
- Бавсун И. Г., Ильин С. А. Организация дополнительного профессионального образования резерва руководящего состава территориальных органов МВД России 48

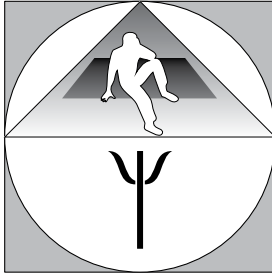
- Осинцева Л. М., Кузнецова Л. В. Портфолио как современная эффективная форма оценивания планируемых результатов (на примере Барнаульского юридического института МВД России) 53
- Сибирко М. А., Панферкина И. С. Психолого-педагогические аспекты подготовки сотрудников ОВД к профессиональным действиям с применением огнестрельного оружия 61
- Фишер И. В., Фишер Т. А. Психоэмоциональное состояние женщин-сотрудников органов внутренних дел в процессе учебной стрельбы из табельного оружия 68
- Веретенникова А. Е. Система развития навыков английской письменной речи курсантов 73

Психолого-педагогические аспекты в раскрытии преступлений

- Неупокоева И. А., Гроголева О. Ю. Учет возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего при проведении допроса .. 78
- Сидорова К. С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений 84

Отраслевые проблемы юридической науки и практики

- Кожевников В. В., Караваев А. Ф., Зверев В. О. Статус позитивной юридической ответственности в понятийно-категориальном аппарате общей теории права 88
- Бойко О. А., Куянова А. В., Юрицин А. Е. Административно-правовые основы деятельности полиции по профилактике правонарушений в сфере миграции 95
- Скиданова А. Е., Кошелев Е. В. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации 100
- Техаров А. К., Бойко О. А., Ревагин А. В. Характеристика личности ВИЧ-инфицированного осужденного 103
- Информация для авторов и подписчиков 107
- Information for authors and subscribers 108

PSYCHOPEDAGOGICS IN LAW ENFORCEMENT NO. 3(74) 2018

Has been published quarterly since 1995

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: psychological sciences, pedagogical sciences, juridical sciences

---

CONTENTS

Morally-psychological

and professional training and reliability

- Karayani A. G., Utlick E. P.** Self-regulation of Functional States by the Soldiers in Combat 5
- Podlinyaev O. L., Karimov A. A.** Psychological Peculiarities of Person's Behaviour in the Crowd and Law Enforcement Officers' regarding them during Mass Events 10
- Chumanov Yu. V., Lebedev I. B.** Making Decisions by Crime Detection Officers when Reference Points of Search are Indefinite 17

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

- Tsvetkov V. L., Anufrieva D. A.** Psychology of a Police Officer Image: State and Potential Positive Dynamics 23

Educative, legal and preventive work

- Zautorova E.V.** Peculiarities of Psycho-correction of Elderly Convicts in Correction Facilities 28
- Buchakova M.A., Dizer O.A.** Law Enforcement Officers' Spiritual and Moral Education 34
- Chunosov M. A.** Theoretical Basis for Preventing Juvenile Delinquent Behaviour 38

Theory and methods of professional education

- Fedulov B. A., Morozov V. A., Levchenko A. A.** Ways of Improving Management of Police Officers' Advanced Training 43
- Bavsun I. G., Ilyin S. A.** Providing Further Professional Education for Reserves of Chief Police Officers from the Russian MIA Law Enforcement Territorial Agencies 48

- Osintseva L. M., Kuznetsova L. V.** Portfolio as a modern Effective Means to Estimate the Outcomes (at Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs) 53
- Sibirko M. A., Panferkina I. S.** Psychological and Pedagogical Aspects of Training Cadets to Use Firearms ... 61
- Fisher I. V., Fisher T. A.** Psycho-emotional State of Female Police Officers when Mastering Service Weapon 68
- Veretennikova A.Ye.** Developing Cadets' English Writing Skills 73

Psychology-pedagogical aspects of crime solution

- Neupokoeva I. A., Grogoleva O. Yu.** Considering Juvenile Age and Individual Peculiarities in Interrogation 78
- Sidorova K. S.** IP address as one of Personal Identities in Criminal Investigation 84

The problems of legal science and practice

- Kozhevnikov V. V., Karavaev A. F., Zverev V. O.** Status of Positive Legal Responsibility in the Terminology Base of General Theory of Law 88
- Boyko O. A., Kuyanov A. V., Yuritsin A. Ye.** Administrative Law Principles of Police Activity in Preventing Migration Offences 95
- Skidanova A. Ye., Koshelev E. V.** The Problem of Correlation of Legal Categories of "Freedom of Conscience" and "Freedom of Religion" in the Russian Federation 100
- Teokharov A. K., Boyko O. A., Revyagin A. V.** Characteristics of an HIV-positive Convict 103
- Information for authors and subscribers** 108

Главный редактор

Караваев Александр Федорович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, доцент (Омск, Россия)

Редакционный совет

В. Л. Кубышко, кандидат педагогических наук — *председатель редакционного совета* (Москва, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, доцент — *заместитель председателя редакционного совета* (Омск, Россия)
Т. Ю. Базаров, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
Н. А. Батулин, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск, Россия)
Б. Б. Булатов, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Б. А. Вяткин, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член корреспондент РАО (Пермь, Россия)
Г. Г. Гонсалес, доктор педагогических наук, доцент, научный сотрудник (Гранада, Испания)
А. В. Глазков, доктор психологических наук, профессор (Иркутск, Россия)
Б. Ю. Дерешко, кандидат юридических наук, доцент (Москва, Россия)
А. А. Ендржеевский, консультант ДГСК МВД России (Москва, Россия)
Ф. К. Зиннуров, доктор педагогических наук, профессор (Казань, Россия)
А. Г. Караяни, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Москва, Россия)
В. М. Крук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор — *заместитель председателя редакционного совета* (Москва, Россия)
А. Г. Маклаков, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Н. А. Минжанов, доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Республика Казахстан)
А. Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор (Минск, Республика Беларусь)
Ю. Ф. Подлипняк, доктор педагогических наук, профессор (Москва, Россия)
В. М. Поздняков, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
А. А. Реан, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (Москва, Россия)
В. Ю. Рыбников, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С. Н. Федотов, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
Б. А. Федулов, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия)
Ян Инвэнь, доктор права (Чжэцзян, Китайская Народная Республика)

Редакционная коллегия

И. Ф. Андрущишин, доктор педагогических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)
Л. Н. Антилогова, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
Н. В. Астафьев, доктор педагогических наук, профессор (Тюмень, Россия)
Г. Д. Бабушкин, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор — *заместитель главного редактора* (Омск, Россия)

М. Блашкова, доктор психологических наук, профессор (Жилина, Словакия)
И. А. Вишняков, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
В. А. Губин, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Э. В. Зауторова, доктор педагогических наук, профессор (Вологда, Россия)
Э. Р. Исхаков, доктор медицинских наук, профессор (Уфа, Россия)
С. Г. Еремеев, кандидат психологических наук, доцент (Красноярск, Россия)
Т. М. Есаян, кандидат юридических наук (Ереван, Республика Армения)
А. Карпава, доктор социальных наук, доцент, научный сотрудник (Гранада, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
М. П. Клейменов, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
И. О. Котенев, кандидат психологических наук, профессор (Москва, Россия)
О. М. Красноярцева, доктор психологических наук, профессор (Томск, Россия)
В. Б. Куликов, доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)
И. Б. Лебедев, доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)
М. И. Марьин, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор — *заместитель главного редактора* (Москва, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. Е. Петров, кандидат психологических наук, профессор (Москва, Россия)
О. Л. Подлиняев, доктор педагогических наук, профессор (Иркутск, Россия)
Н. В. Сердюк, доктор педагогических наук, профессор (Москва, Россия)
Г. Ч. Синченко, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)
И. Н. Сорочотягин, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)
А. Н. Сухов, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Рязань, Россия)
П. Т. Тюрин, доктор психологических наук, профессор (Рига, Латвийская Республика)
В. Л. Цветков, доктор психологических наук, профессор — *заместитель главного редактора* (Москва, Россия)
Д. В. Четверяков, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
Г. С. Човдырова, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (Москва, Россия)
Е. В. Черный, доктор психологических наук, профессор (Симферополь, Россия)
Ю. А. Шаранов, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Шаров, доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)
Е. П. Щербаков, доктор психологических наук, профессор — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
М. С. Яницкий, доктор психологических наук, профессор (Кемерово, Россия)

Учредитель издания:

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Главный редактор А. Ф. Караваев

Редактирование, корректура и компьютерная правка М. В. Виноградова

Компьютерная верстка А. В. Евдокимов

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36632. Выдано Роскомнадзором 18 июня 2009 г.

Выход в свет: 28.09.2018. Тираж 200 экз. Уч.-изд. л. 13,3. Усл. печ. л. 12,5. Заказ №152.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Омская академия МВД России, 2018

Founder
Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»
Editor-in-chief

Karavaev Aleksandr Fedorovich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

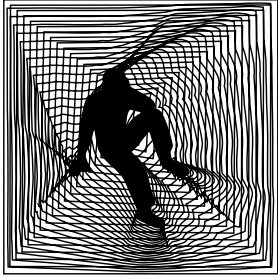
The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Pedagogical Sciences — **chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Associate-Professor — **Assistant chairman of the editorial council** (Omsk, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. A. Baturin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Chelyabinsk, Russia)
B. B. Bulatov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor, Research Staff member (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
A. A. Yendzheyevskiy, Chief of the Directorate of moral and psychological support management of the State Service and Personnel Department of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)
A. G. Maklakov, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
Yu. F. Podlipnyak, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. Yu. Rybnikov, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)

The Editorial Board

I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)

G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — **Assistant chief editor** (Omsk, Russia)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Žilina, Slovakia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gubin, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, (St. Petersburg, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)
S. G. Ereemeev, Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor (Krasnoyarsk, Russia)
T. M. Yesayan, Candidate of Sciences (Law) (Yerevan, Armenia)
A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor, Research Staff member (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
M. I. Mar'in, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Associate-professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)
I. N. Sorokotyagin, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)
A. N. Sukhov, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
V. I. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Psychology, Candidate of Medical Sciences, Professor (Omsk, Russia)
G. S. Chovdyrova, Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol)
Yu. A. Sharanov, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

УДК 159.9 © А. Г. Караяни, Э. П. Утлик, 2018

Саморегуляция функциональных состояний в боевой обстановке

Караяни Александр Григорьевич,

член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор,
профессор Военного университета Министерства обороны

Российской Федерации

Москва, Россия. e-mail: karayani@mail.ru

Утлик Эрнст Платонович,

доктор психологических наук, профессор, профессор Военного
университета Министерства обороны Российской Федерации

Москва, Россия. e-mail: e1937@yandex.ru

Анализируется влияние боя на психику и поведение воина. Описываются боевые стресс-факторы. Рассмотрены различные виды стресса — конструктивный, деструктивный, в том числе травматический, а также их симптомы. Для эффективного выполнения боевых задач воин должен находиться в определенном диапазоне психофизиологической мобилизованности, в соответствующем функциональном состоянии, в связи с чем важно умение воинов его регулировать. Раскрыты пути воздействия человека на свое функциональное состояние. Воины с интернальным и экстернальным локусами контроля различаются исходной эффективностью психической саморегуляции. Определены требования к методам, психотехникам и приемам психологической саморегуляции. Представлены конкретные приемы и техники психической саморегуляции, которые должны влиять на регулятивные психофизиологические и физиологические механизмы. Результатами психической саморегуляции являются успокоение, восстановление и активизация. Обосновывается методическая схема обучения военнослужащих приемам психической саморегуляции.

Ключевые слова: функциональные состояния; боевой стресс; психическая саморегуляция; методы саморегуляции.

Для цитирования: Караяни А. Г., Утлик Э. П. Саморегуляция функциональных состояний в боевой обстановке // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 5–9. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13001

Боевая деятельность, протекая в экстремальной обстановке, оказывает мощное влияние на психические познавательные (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, воображение) и эмоционально-волевые (воля, мотивация) процессы военнослужащих, вовлекает их психические свойства (темперамент, способности, характер, направленность), вызывает у воинов различные состояния. Участник Великой Отечественной войны Б. Момыш-Улы в своей книге «Психология войны» отмечал, что психология боя многогранна: нет ничего не задеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою находят предельное выражение и проявление все присущие человеку качества [1, с. 15–17]. Возникающие у воина под влиянием боевых стресс-факторов (опасность, неизвестность, неопределенность, напряженность, ответственность и т. д.) многообразные состояния могут как способствовать его эффективным боевым действиям (стенические состояния), так и существенно снижать его боевую активность, угнетать волю, подавлять мысль (астенические состояния). В

боевых условиях способность воина управлять своим состоянием является вопросом его жизни и смерти, боевой эффективности, долга и чести.

Однако анкетирование 60 военных психологов показало, что ни один из них не выделяет обучение военнослужащих методам управления своими состояниями в бою в качестве самостоятельной задачи. Более 80% из опрошенных не дифференцировали приемы психической саморегуляции на приемы эмоционально-волевой мобилизации и психической релаксации, считая, что любой из них может быть использован в условиях переживания стресса. Не знали, какие психофизиологические механизмы содержатся в тех или иных приемах и техниках психической саморегуляции, 85% из них.

Цель статьи — систематизировать научные представления о функциональных состояниях военнослужащих в боевой обстановке и методах самоуправления ими, выяснить, какими методами психической саморегуляции должен владеть военнослужащий, как, когда и в какой обстановке он должен их применять.

Для достижения данной цели используются *методы* экспертного опроса, контент-анализа документов, логико-семантического анализа.

Обсуждение результатов исследования. Контент-анализ 36 диссертаций, монографий, учебников, учебных пособий и научных статей, содержащих исследования по психологическим аспектам боевых действий, показал, что во второй половине XX в. в отечественной военной психологии складывается традиция исследования состояний участников боевых действий. Состояния военнослужащих в боевой обстановке в различных ракурсах анализировали Г. Д. Луков [2], М. И. Дьяченко [3], А. В. Ответчиков [4], П. А. Корчемный [5], А. М. Столяренко [6], Н. Ф. Феденко [7]. Чаще всего изучению подвергались такие состояния, как подъем, упадок, бодрость, уверенность, страх, различные виды напряжения. В конце XX — начале XXI вв. активно исследуются функциональные состояния участников боевых действий. Р. А. Абдурахмановым [8], Л. А. Китаевым-Смыком [9], А. Г. Караяни [10; 11] целенаправленно изучаются проявления боевого стресса у участников боевых действий.

Функциональным состоянием воина является психофизическое состояние, если оно рассматривается как фактор продуктивности боевой деятельности. Функциональные состояния характеризуются большей или меньшей устойчивостью. Состояния, возникающие периодически в ходе боевой работы, называют ситуативными. По критерию информационной насыщенности различают состояния информационной перегрузки и информационного дефицита, голода. По критерию разнообразия и сложности боевых действий состояния делятся на состояния максимальной вовлеченности (погруженности) и монотонии. И наконец, в зависимости от степени соответствия меняющейся обстановке и условиям деятельности выделяют состояния адаптированности, боевого стресса и дистресса.

Функциональные состояния военнослужащих в боевой обстановке (боевые состояния, разновидность психических состояний) разнообразны столь же, сколь сама боевая обстановка, решаемые задачи, продолжительность и характер боевых операций, уровень подготовленности людей, сила сопротивления противника и многие другие обстоятельства. В целом функциональные (боевые) состояния — это такие психические и физические состояния, которые позволяют выполнять определенный объем боевых задач и сохранять боевые возможности как можно дольше. Динамика боевого состояния обуславливается содержанием деятельности и ее продолжительностью. В общем случае боевые возможности воина на начальном этапе выполнения задачи несколько улучшаются («период вработывания», выхода на максимальный уровень), в течение более или менее продолжительного времени сохраняются на этом уровне, а затем снижаются. В какой-то момент деятельность человека должна быть прекращена для отдыха, восстановления сил.

Боевую деятельность нельзя сравнить с работой на производстве или в офисе, которая является ритмичной, упорядоченной, имеет заранее предусмотренные пере-

рывы. Боевая деятельность — это и непосредственное столкновение с противником, требующее особого тактического искусства, и работа, связанная с инженерным оборудованием боевого порядка в предвидении наступления противника или перехода в наступление, и совершение маршей, и др. [12]. Отсюда следует, что в боевой деятельности возможны продолжительные периоды максимального напряжения сил, а также и менее напряженные, например наблюдение за противником. Особенности свойственны боевым действиям авиаторов, танкистов, артиллеристов и других военных специалистов.

Учитывая заранее различный темп и ритм боевой работы, воин должен уметь управлять своим состоянием так, чтобы сохранять боевые возможности настолько долго, как этого потребует обстановка, включая возрастающую степень опасности.

Человек может управлять своими эмоциями и действиями, поступать разумно вопреки различным влияниям и внутренним искушениям, так как наделен волей и сознанием, что делает его сильным и способным преодолевать различные препятствия и трудности. Он регулирует свое состояние в значительных пределах с помощью слов, мысленных образов, изменения мышечного тонуса и дыхания и другими способами. Результаты саморегуляции — это успокоение, восстановление и активизация.

Проблема саморегуляции давно интересует психологов всех школ и направлений. В настоящее время этот интерес объясняется как ростом психологической культуры людей, так и сложностями современных видов деятельности, человеческих отношений, а также существенными переменами в характере и способах вооруженного противостояния между государствами, различными международными группировками экстремистского типа.

Появились различные теории, в том числе теория регулятивной функции речи (Л. С. Выготский и А. Р. Лурия) [13].

Эмоциональная саморегуляция имеет специфику, связанную, в частности, с тем, что эмоции (и инстинкты) упорно «сопротивляются» попыткам управлять ими. Для объяснения этой сопротивляемости была выдвинута гипотеза о положительной обратной связи. Так, эмоциональный процесс и биологические инстинкты развиваются взрывоподобно: возбуждение в этой области имеет тенденцию быстро достигать определенного критического уровня, который иногда называют порогом разрядки. Еще одно объяснение состоит в существовании замкнутых круговых процессов в эмоциональных структурах, из-за чего эмоции обладают «инерционностью» и не исчезают после того, как эмоциональный стимул прекратил свое действие. Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что эмоции сопровождаются значительными физиологическими процессами, которые также приводят к тому, что они приобретают сопротивляемость разумным попыткам привести эмоциональное состояние в норму.

Изложенное позволяет заключить, что саморегуляции необходимо целенаправленно учиться.

Одной из предпосылок овладения навыками саморегуляции является особенность личности, которая получила название «локус контроля». Это индивидуальная убежденность человека в способности управлять своим состоянием, своим поведением и, следовательно, предопределять достижения и успехи. Люди, которые верят в свои саморегуляционные возможности (их называют интерналами), лучше справляются со стрессовыми нагрузками. Напротив, индивиды, которые убеждены в том, что внешние обстоятельства сильнее их (экстерналы), имеют больше психологических проблем, они более тревожны и менее склонны развивать внутренние механизмы (навыки) саморегуляции. Они беспокоятся, потому что воспринимают реальность как некую непредсказуемую среду, которая в любой момент может как нанести ущерб, так и принести удачу. И то и другое — предпосылки стресса.

Разработано и испытано значительное число эффективных методов саморегуляции в повседневных условиях жизни и в сложных, экстремальных ситуациях. Многими из этих методов человек может овладеть и успешно ими пользоваться для оптимизации своего состояния.

Особенно необходима умелая саморегуляция, когда человек находится в боевой обстановке и подвергается воздействию специфических факторов, обуславливающих развитие сильного стресса. Важнейшей миссией военного психолога является расширение психологических возможностей воина, формирование у него способности активно и самоотверженно действовать в обстановке боя, сохраняя достигнутый уровень психологической готовности и боеспособности.

Функциональные состояния воина могут выражаться в виде адекватной боеспособности, боевого стресса, боевого утомления, монотонии, психического пресыщения. Осевым функциональным состоянием выступает боевой стресс.

Под **боевым стрессом** мы понимаем многоуровневый процесс неспецифической адаптационной активности человеческого организма в условиях боевой обстановки, сопровождающийся напряжением механизмов реактивной саморегуляции и закреплением специфических приспособительных психофизиологических изменений [10; 11].

В зависимости от силы и продолжительности боевых стресс-факторов, особенностей личности воина, его предварительной антистрессовой подготовки и закалки, конкретной ситуации боевой стресс может быть конструктивным или деструктивным и травматическим [10; 11].

Боевой **конструктивный** стресс — это такое функциональное (боевое) состояние, когда все познавательные, эмоциональные, волевые, психомоторные процессы нацелены на выполнение боевой задачи и воин действует на оптимальном уровне своих возможностей.

Увеличение силы и продолжительности воздействия боевых стрессоров может привести к развитию **деструктивного** стресса. Среди его симптомов выделяются ознобopodobная дрожь, повышенная утомляемость, учащение сердцебиения и дыхания, напряжение и боль

в груди, ощущение нехватки воздуха, головокружение, раздражительность, затруднение мышления, нерешительность, неуверенность в себе и др. Боевая эффективность воина, а также и его подразделения снижается; он становится более уязвимым перед противником, увеличивается вероятность ранения и гибели [10].

Дальнейшее нарастание стресса переводит его в *травматическую стадию*, которая манифестируется в боевой психической травме. Главные ее характеристики: резкое снижение или потеря способности воина ориентироваться в боевой обстановке и, как следствие, расстройство управления своим поведением и неадекватное реагирование на требования боевой обстановки. Воин утрачивает боеспособность, например, вследствие возникшей неспособности видеть, слышать, понимать, двигаться не может оставаться на поле боя [10].

Одним из эффективных направлений противодействия возникновению и развитию стресса, сохранения боеспособности воина является самоконтроль (саморегуляция) ряда физиологических функций, которые входят в психофизиологическую структуру стресса и которые доступны самонаблюдению и наблюдению извне. Если эти функции привести в норму, то и познавательные, психомоторные процессы, мотивация и боевой настрой нормализуются.

Как отмечает Дэйв Гроссман, если воин находится в состоянии физической и нервно-психической мобилизации, готовности сражаться с противником, то частота его сердечных сокращений будет в пределах 115–140 в минуту. Меньшие значения — показатель недостаточной мобилизованности (боевая апатия). Если частота сердечных сокращений в минуту выше 140, то имеет место боевая лихорадка, расстройство сложных боевых навыков, например навыков ведения огня по противнику [14]. Учитывая, что частота дыхания соотносится с частотой сердечных сокращений 1:4, оптимальный дыхательный ритм воина в бою должен составлять примерно 30–35 тактов «вдох-выдох». Все это формирует физиологическую основу высокого уровня активности, боевой бдительности, волевого напряжения, что позволяет воину вовремя обнаруживать маневр противника и энергично противодействовать ему.

В случае если эти показатели выходят из указанного диапазона, требуется целенаправленная, произвольная психологическая мобилизация или психологическая релаксация. *На удержание или восстановление важнейших соматических, психофизиологических и психологических параметров боеспособности и направляется психическая саморегуляция участника боевых действий.*

В ходе боя воин оценивает обстановку, перемещается по полю боя, ведет огонь по противнику, помня о личной безопасности и безопасности своих товарищей. От слаженности этих сторон сознательной деятельности в решающей степени зависит боевой успех. Если воин сосредоточивает внимание только на боевой обстановке, он может ухудшить эффективность действий из-за недопустимого снижения или повышения уровня психофизиологической мобилизованности. Если же он за-

трачивает слишком большие усилия на то, чтобы владеть собой, он отвлекается от выполнения задачи, неточно оценивает обстановку. Если мышление воина полностью поглощается ситуацией боя, а чувства целиком определяются воздействием боевых стресс-факторов, то его боеспособность понижается. Поэтому военнослужащий должен научиться вовремя замечать опасные изменения своих функциональных состояний и возвращать их в пределы нормы.

Безусловно, каждый военнослужащий должен уверенно владеть так называемыми «длинными» методами психической саморегуляции, например нервно-мышечной релаксацией по Э. Джекобсону, аутотренингом по И. Шульцу. Подобные методы могут применяться военнослужащими в перерывах между боевыми действиями для существенного изменения своих состояний. Однако реальная боевая деятельность востребует «короткие» или *экспресс-методы психической саморегуляции*, которые способны оптимизировать функциональные состояния в определенных пределах. Боевая обстановка предъявляет к таким методам конкретные и достаточно жесткие требования. Проведенный экспертный опрос участников боевых действий и военных психологов позволил сформулировать эти требования: безопасность (выполнение психотехник не должно способствовать обнаружению воина противником и отвлекать от наблюдения за ним), компактность (желаемые изменения функциональных состояний должны наступать в интервале от 1 до 3 мин), простота (психотехники должны быть понятны, доступны). Во всех случаях нельзя допускать, чтобы приемы саморегуляции сопровождались побочными явлениями (например, сонливостью).

Сегодня хорошо известны основные пути, с помощью которых человек может влиять на свое психическое состояние. К таким путям относятся: регуляция дыхания, управление тонусом скелетной мускулатуры, визуализация ресурсных состояний и успешных действий, вербализация желаемых состояний, действий, закрепление («якорение») ресурсных состояний [15].

В русле этих путей разрабатываются различные методы, психотехники и приемы психической саморегуляции. Так, эффективным приемом снижения гипермобилизованности воина, боевой лихорадки является прием «диафрагменного дыхания». Он позволяет за несколько секунд восстановить боеспособность. Это происходит благодаря тому, что в этот прием встроены психофизиологические и физиологические механизмы, позволяющие влиять на психическое состояние воина. Подобные механизмы должны быть в каждом приеме психической саморегуляции. Диафрагменное дыхание оптимизирует кислородно-углеводородный баланс, тонус кровеносных сосудов, снимает напряжение и боль в груди, прекращает головокружение, как результат, устраняются тревога, страх, неуверенность в своих силах. Перечисленные физиологические механизмы действуют и в приеме «успокаивающее дыхание». Для повышения уровня мобилизованности применяются приемы «мобилизующее дыхание» и «возбуждающее (волевое) дыхание» [15].

Высокой эффективностью обладает прием «рефлекторное расслабление», позволяющий снять мышечные зажимы, усилить снабжение мозга, сердца и мышц кислородом [10; 11], а также приемы, основанные на механизмах визуализации (представление решительных действий), вербализации (словесное побуждение себя к активному боевому поведению), «якорение» (рефлексное закрепление) ресурсных состояний.

В практике психологической подготовки выработана рациональная схема формирования навыков саморегуляции функциональных состояний. Она включает следующие этапы: 1) изучение приемов в аудитории; 2) отработку приемов в обстановке моделирования аудиовизуальных эффектов боя; 3) отработку приемов в процессе занятий по огневой подготовке в полевых условиях.

Только многократное выполнение этих приемов в процессе боевой учебы, вера в их эффективность могут побудить воина прибегнуть к ним в боевой обстановке.

Таким образом, вышеизложенное — это попытка конкретизировать боевые обязанности военного психолога, который содействует развитию военнослужащего как эффективного воина, способного выполнить боевую задачу и сохранить жизнь и психическое здоровье. Наряду со многими другими должностными обязанностями, он обучает военнослужащих методам саморегуляции функциональных состояний.

Список литературы

1. Момыш-Улы Б. Психология войны. Алматы, 1996. 176 с.
2. Луков Г. Д. Психология (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. 256 с.
3. Военная психология : учебник / под общ. ред. М. И. Дьяченко и Н. Ф. Феденко. М., 1967. 260 с.
4. Ответчиков А. В. Психические состояния военнослужащих в особых условиях ведения боевых действий : учеб. пособие. М., 1991. 98 с.
5. Корчемный П. А. Военная психология : учебник. М., 2005. 320 с.
6. Столяренко А. М. Психологические особенности деятельности личного состава полка (корабля) с началом войны // Военная психология / под ред. Н. Ф. Феденко. М., 1978. С. 255–273.
7. Феденко Н. Ф. Некоторые пути повышения эффективности психологической подготовки личного состава к активным боевым действиям в условиях современной войны. М., 1986. 61 с.
8. Абдурахманов Р. А. Боевой стресс и его психологические последствия // Военная психология: методология, теория, практика. М., 1998. С. 172–189.
9. Китаев-Смык Л. А. Стресс войны: наблюдения врача-психолога. М., 2001. 80 с.
10. Караяни А. Г. Военная психология : учебник и практикум для вузов : в 2 ч. М., 2016. Ч. 2. 280 с.
11. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологическая помощь военнослужащим в боевой обстановке. М., 2016. 212 с.
12. Барабанищikov А. В., Давыдов В. П., Утлик Э. П., Феденко Н. Ф. Военная педагогика и психология. М., 1986. 231 с.
13. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. 320 с.
14. Grossman D. On killing: The psychological Cost of Learning to Kill in War and Society. New York, 1996. 366 с.
15. Караяни А. Г. Приемы психической саморегуляции // Практическое пособие для телохранителей. М., 1992. 30 с.

Поступила 02.03.2018

Self-regulation of functional states by the soldiers in combat

Aleksandr G. Karayani,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology),
Professor, Professor at the Military University of Ministry of Defence of the Russian Federation
Moscow, Russia. e-mail: karayani@mail.ru

Ernst P. Utlik,

Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor at the Military University
of Ministry of Defence of the Russian Federation
Moscow, Russia. e-mail: e1937@yandex.ru

The authors analyse the influence fight has on the military serviceman psychic and behaviour. Combat stress-factors are described. Different types of stress and their symptoms are considered: constructive and destructive including traumatic. To effectively perform combat tasks a soldier must have a particular range of psycho-physiological mobilization, be in proper functional conditions, therefore, it is important for him to regulate it. The article reveals the ways of a person's influence on his functional state. Soldiers with internal and external loci of control vary in their original effectiveness of psychic self-regulation. The authors identify the requirements to the methods, psycho-techniques and means of psychological self-regulation. The paper contains specific means and techniques of psychic self-regulation which must influence regulative psycho-physiological and physiological mechanisms. The results of psychic self-regulation are peaceful state, recovery and activation. The grounds are given as to the methodical scheme of teaching militarymen means of psychic self-regulation.

Keywords: functional states; combat stress; psychic self-regulation; methods of self-regulation.

Citation: Karayani A.G., Utlick E.P. Self-regulation of Functional States by the Soldiers in Combat. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 5–9. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13001

References

1. Momysh-Uly B. Psychology of War. Almaty, 1996. 176 p. (In Russ.)
2. Lukov G. D. Psychology (Essays on Questions of Teaching and Educating Soviet Soldiers). Moscow, 1960. 256 p. (In Russ.)
3. Military Psychology. Ed. by Dyachenko M. I., Fedenko N. F. Moscow, 1967. 260 p. (In Russ.)
4. Otvetchikov A. V. Military Servicemen Psychic States in Extreme Combat Conditions. Moscow, 1991. 98 p. (In Russ.)
5. Korchemny P. A. Military Psychology. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.)
6. Stolyarenko A. M. Psychological Peculiarities of Activities Performed by the Regiment (Ship) Staff at the Beginning of War. *Military Psychology*. Ed. by Fedenko N. F. Moscow, 1978. Pp. 255–273. (In Russ.)
7. Fedenko N. F. Some Ways of Increasing Effectiveness of the Staff Psychological Training for Active Combat in Modern War. Moscow, 1986. 61 p. (In Russ.)
8. Abdurakhmanov R. A. Combat Stress and its Psychological Consequences. *Military Psychology: Methodology, Theory, Practice*. Moscow, 1998. Pp. 172–189. (In Russ.)
9. Kitaev-Smyk L. A. War Stress: Psychologist Observation. Moscow, 2001. 80 p. (In Russ.)
10. Karayani A. G. Military Psychology. In two parts. Part 2. Moscow, 2016. 280 p. (In Russ.)
11. Karayani A. G., Karayani Yu. M. Psychological Support to the Soldiers in Combat. Moscow, 2016. 212 p. (In Russ.)
12. Barabanshikov A. V., Davydov V. P., Utlick E. P., Fedenko N. F. Military Pedagogy and Psychology. Moscow, 1986. 231 p. (In Russ.)
13. Luriya A. R. Language and Mind. Moscow, 1979. 320 p. (In Russ.)
14. Grossman D. On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society. New York, 1996. 366 p. (In Russ.)
15. Karayani A. G. Means of Psychic Self-Regulation. Guidelines for Bodyguards. Moscow, 1992. 30 p. (In Russ.)

Submitted 02.03.2018

Психологические особенности поведения людей в толпе и их учет сотрудниками правоохранительных органов при проведении массовых мероприятий

Подлиняев Олег Леонидович,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Иркутского государственного университета Иркутск, Россия. e-mail: podlinyaev@inbox.ru

Каримов Альберт Амирович,

кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России Иркутск, Россия. e-mail: alkar@hotmail.ru

Наряду с общими правилами тактики охраны общественного порядка, при проведении массовых мероприятий сотрудникам правоохранительных органов необходимо знать психологические и поведенческие особенности людей, находящихся в толпе; представлять специфические характеристики толпы и ее разновидности; прогнозировать потенциальные угрозы, определяемые видом толпы. В социальных и психологических исследованиях отечественных и зарубежных ученых толпа классифицируется по таким характеристикам, как управляемость, природа формирования, способы психологического функционирования. В зависимости от изменения ситуаций, сопровождающих массовые мероприятия, изначально безопасные массовые скопления людей могут превращаться в агрессивно-действующие или панические виды толпы. В тех случаях, когда для предотвращения массовых беспорядков необходимо расформирование потенциально опасных видов толпы, сотрудники правоохранительных органов должны учитывать ее численность, плотность и структуру, что обеспечит выбор правильной стратегии профессиональных действий. В ближайшее время вероятен рост массовых акций, экологических и политических митингов на территории России, что усиливает актуальность профессиональных знаний и практических умений, позволяющих сотрудникам правоохранительных органов предвидеть и оперативно нейтрализовать возможные угрозы, порождаемые толпой.

Ключевые слова: толпа; классификация видов толпы; специфика потенциальных угроз при проведении массовых мероприятий; массовые беспорядки.

Для цитирования: Подлиняев О. Л., Каримов А. А. Психологические особенности поведения людей в толпе и их учет сотрудниками правоохранительных органов при проведении массовых мероприятий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 10–16. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13002

За последние десятилетия в нашей стране массовые мероприятия стали одной из распространенных форм выражения социальной активности и проведения досуга населения. Сегодня у людей есть конституционно закрепленное право реализовывать общественную активность в политической жизни, а также возможность принимать участие в различных спортивных, культурных и развлекательных мероприятиях, имеющих массовый характер.

Для сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность массового мероприятия, большое значение имеет правильная организация его проведения. Необходимо обеспечить такие условия, чтобы массовое мероприятие не привело к нарушению общественного порядка, не создало угрозу общественной безопасности, не помешало деятельности органов власти и управления, не повлияло на нормальную работу транспорта и систем жизнеобеспечения граждан [1, с. 359]. Важно, чтобы участники массовых мероприятий не превратились в бесструктурное и неуправляемое скопление людей со всеми признаками толпы, способной на непредсказуемые действия. Известно, что в ходе массовых мероприятий часто проявляются групповые нарушения общественного порядка. Различные правонарушители под прикрытием массовых мероприятий нередко осуществляют посягательство на жизнь и здоровье граждан, на собственность физических и юридических лиц.

Характерной чертой массовых беспорядков выступает то, что они совершаются на фоне неуправляемости толпы, ее коллективной эмоциональности, стремления к разрушительным действиям. Массовые беспорядки относятся к числу наиболее опасных чрезвычайных происшествий, создающих экстремальные условия для деятельности не только органов внутренних дел, но и других государственных учреждений. По своему характеру, направленности, последствиям они представляют серьезную опасность для общества и вызывают большой общественный резонанс.

За счет постоянного притока любопытствующих, особенно молодежи, толпа за короткий отрезок времени может возрасти от нескольких сотен человек до нескольких тысяч, а затем под воздействием зачинщиков и подстрекателей организационно оформиться и превратиться в грозную разрушительную силу.

В настоящий период существует противоречие между необходимостью обеспечивать силами правоохранительных органов личную и общественную безопасность при проведении массовых мероприятий и недостаточными научными знаниями сотрудниками ОВД теоретических и практических аспектов, касающихся психологии толпы и специфики ее разновидностей [2, с. 124]. Недостаток таких знаний может привести к неправильному принятию решений в экстремальных ситуациях и неверному выбору стратегии профессионально-

го поведения при обеспечении общественного порядка. Общие правила тактики охраны общественного порядка хорошо известны, но, по нашему мнению, сотрудникам полиции необходимо знать особенности того или иного вида массового мероприятия, характеризующегося рядом специфических черт, основными из которых являются следующие:

- характер проводимого мероприятия;
- площадь территории, на которой проводится массовое мероприятие, и ее соответствие возможному количеству людей, принимающих в нем участие;
- динамика и скоротечность происходящих событий;
- быстрота изменения оперативной обстановки, в зависимости от чего необходимо быстро и правильно принимать решения;
- специфический контингент присутствующих лиц (представители оппозиционных партий либо соперничающих блоков, агрессивно настроенные группировки болельщиков различных команд, «рок-фанаты», лица в нетрезвом состоянии и др.);
- особенности расположения спортивно-зрелищных и иных объектов проведения массовых мероприятий;
- необходимость приостанавливать работу некоторых предприятий и изменять схему движения городского транспорта на время проведения массового мероприятия;
- обязательный учет погодных условий на момент проведения мероприятия и др.

Кроме того, для обеспечения общественного порядка при проведении массовых мероприятий, наряду с вышеперечисленными общими правилами, сотрудники правоохранительных органов должны ориентироваться в психологии толпы, уметь классифицировать ее разновидности и понимать специфику потенциальных угроз в зависимости от них.

В психологической науке толпа определяется как временное бесструктурное скопление людей, как правило, не имеющих конкретно осознаваемой общей цели, но взаимосвязанных сходным эмоциональным состоянием и общими объектами внимания.

Первые теоретические подходы к пониманию психологии толпы принадлежат Гюставу Лебону и Зигмунду Фрейдю.

Г. Лебон описывал толпу как «агрессивную среду», способную растворить в своем пространстве любую индивидуальность: «В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятие, их характер и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы» [3, с. 298]. Здесь же Г. Лебон приводит утверждение, ставшее известным афоризмом: «Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

З. Фрейд, анализируя толпу как психологический феномен, характеризует ее как сообщество индивидов, где существует либидозная привязанность к вождю (лидеру), личность которого подменяет собственный разум, волю и ответственность. По его мнению, индивиды, являющиеся представителями цивилизованного общества, объединяясь в толпу, регрессируют к более ранней ступени развития цивилизации, «которую мы привыкли находить у дикарей, где индивидуальность человека полностью парализуется и замещается на культовые составляющие “Super Ego” вождя» [4, с. 257].

З. Фрейд первым в психологической науке описал такие специфические для толпы свойства, как заражаемость и внушаемость, которые рассматривались им как феномены суггестивного порядка: «Заражаемость есть... феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода. В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом» [4, с. 261]. Заметим, что создатель психоанализа считал поведение человека в толпе биологически обусловленным и унаследованным от животных предков. Воздействие толпы на оказавшегося в ее составе индивида, указывал он, сходно по эффекту с воздействием алкогольного или наркотического опьянения, поскольку ослабляет или же полностью «растворяет» внутренние цензоры и социальные императивы (в терминах З. Фрейда — «Super Ego»), сдерживающие агрессивные и иные асоциальные действия.

Представители современной отечественной и зарубежной психологии [5; 6; 7; 8; 9; 10] также исходят из того, что толпа образуется из совокупности отдельных индивидов, как правило, незнакомых между собой, объединенных в бесструктурную группу, имеющую общие объекты внимания или интереса и нередко находящуюся в состоянии эмоционального возбуждения.

Толпа может формироваться стихийно и возникать из организованных демонстраций, собраний, санкционированных митингов, но по ряду причин утративших управляемость и рациональность поведения: «Хорошо известны случаи, когда в театре во время спектакля возникает пожар и очень интеллигентная публика, впадая в панику, превращается в толпу обезумевших от страха людей» [8, с. 24].

Как социально-психологический феномен толпу можно дифференцировать по разным классификаторам. Например, по такой характеристике, как управляемость:

- стихийная (неуправляемая) толпа;
- ведомая толпа;
- организованная толпа.

Стихийная толпа формируется и проявляется без какого-либо организующего начала со стороны конкретных лидеров, организаторов и иных физических лиц, характеризуется непредсказуемостью и абсолютной неуправляемостью.

Ведомая толпа формируется под управлением и контролем конкретных физических лиц, играющих роль организаторов или лидеров. Поведение толпы

с определенной вероятностью можно предсказать, если заранее известны планы и цели организаторов. Как правило, ведомая толпа образуется вокруг «ядра» — организаторов (зачинщиков) и может увеличиваться за счет случайных людей, поддерживающих происходящее на эмоциональном уровне.

Организованная толпа возникает за счет заранее спланированного объединения индивидов, которые могут быть незнакомы между собой, но действуют по плану или предварительным объявлениям, рекламным кампаниям или политическим акциям. К таким видам толпы можно отнести флэшмобы, заранее объявленные распродажи, митинги и т. д.

Другим примером классификации может быть деление типов толпы по природе возникновения и психологического функционирования: окказиональная; конвенциональная; экспрессивная; действующая.

Толпа *окказиональная* (от лат. *occasio* — случай) — спонтанно образованная и временно объединяемая интересом или любопытством к неожиданному событию (дорожно-транспортное происшествие, пожар, флэшмоб и пр.). Изначально пассивно-нейтральная и не представляющая по психологической природе опасности окказиональная толпа в некоторых случаях может превратиться в иной, более агрессивный, подвид. Это возможно в тех ситуациях, когда окказиональную толпу пытаются разогнать неадекватно жесткими методами или она становится объектом манипуляций со стороны каких-либо заинтересованных лиц.

Еще одна опасность, которую представляет окказиональная толпа, заключается в том, что она может быть непредсказуемо подвержена панике, когда объект спонтанного интереса начнет представлять мнимую или реальную угрозу. Так, паническую атаку в окказиональной толпе может вызвать информация, что пожар (явившийся причиной случайного формирования массового скопления людей) в ближайшее время вызовет мощный взрыв или распространение отравляющих веществ. Паника в такой толпе возникает в большинстве случаев на основе психического заражения при дефиците информации, необходимой для разумного принятия решений. Паника может полностью блокировать способность адекватного отражения обстановки и ее рациональной оценки; действия людей приобретают хаотичный характер (сознание сужается, подчиняясь инстинктам [4]), нередко люди совершают крайне эгоистичные, даже асоциальные поступки. При этом своевременно доведенная до сведения людей информация помогает погасить зарождающуюся панику.

Так, в 1971 г. внимание многочисленных туристов и жителей итальянского города Катания, расположенного на восточном побережье острова Сицилия у подножия вулкана Этна, было привлечено выбросом черного дыма из жерла вулкана. Достаточно быстро сформировалась многочисленная окказиональная толпа, привлеченная этим природным явлением. В толпе распространился слух, что в ближайшие часы произойдет сильнейшее извержение вулкана, которое будет сопровождаться по-

токами лавы и мощным землетрясением. Возникла паника, грозившая захватить население всего города, но местные власти оперативно организовали выступление по всем каналам массовой информации авторитетного ученого, директора института вулканологии при местном университете Альфреда Ритмана. Профессор доказал несостоятельность возникших слухов, уверив горожан, что землетрясение, по его расчетам, исключено, а извержение Этны, по данным вулканологов, действительно ожидается, но оно будет незначительным. Обращение А. Ритмана неоднократно повторялось в течение дня, в том числе передавалось с помощью передвижных радиотрансляторов в разных точках города. В результате массовую панику в Катании удалось предотвратить. Извержение Этны в тот день на самом деле произошло, но, как и спрогнозировал Ритман, оно было незначительным и лишь повредило подъемник, расположенный на склоне вулкана. Этот пример показывает, какое большое значение для предотвращения панических проявлений толпы имеет достоверная, убедительная и своевременно поданная информация, причем из источников, вызывающих общее доверие.

Неправильная информационная политика во время каких-либо чрезвычайных ситуаций, напротив, может привести к усилению панических настроений или же к перерождению окказиональной толпы в экспрессивную, например в протестную. Так, после пожара в Кемерове, когда местные власти не донесли до населения сведений о реальной ситуации в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», под давлением слухов (в том числе целенаправленно брошенных провокаторами) около четырех тысяч жителей организовали стихийный протест, требуя правдивой информации о погибших.

Расформировывать окказиональную толпу силовыми методами нецелесообразно, так как в большинстве случаев ее составляют обычные законопослушные граждане, не имеющие каких-либо деструктивных или общественно опасных целей. Случайно образованная окказиональная толпа, как правило, и распадается при исчезновении объекта интереса. Поэтому задачей сотрудников правоохранительных органов является, прежде всего, работа с причиной формирования толпы, направленная на скорейшее ее устранение из зоны общего внимания.

В некоторых ситуациях быстро и эффективно разобщить случайно возникшую толпу возможно приемами психологического воздействия, в частности, призывая «добровольцев» из толпы выступить в качестве понятых или свидетелей. Подобный метод успешно использовал герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Остап Бендер для рассеивания окказиональной толпы, образовавшейся из-за происшествия, спровоцированного другим персонажем романа Паниковским: *«Когда великий комбинатор прибыл к месту происшествия, вокруг Паниковского колыхалась великая толпа, перегоревшая улицу. Автомобили нетерпеливо крякали, упершись в людской массив... Остап призвал граждан к спокойствию, вынул из кармана записную книжку и властно произнес:*

— Попрошу свидетелей указать фамилии и адреса. Свидетели, записывайтесь!

При слове «свидетели»... в толпе образовались промоины и воронки, она разваливалась на глазах... и в минуту улица приняла свой обычный вид»¹.

Принципиально иное по природе возникновения такое массовидное явление, как толпа *конвенциональная* (от лат. *conventio* — договор, объявление). Она образуется на основе привлечения людей к каким-либо заранее объявленным массовым развлечениям, распродажам, зрелищам или иным, как правило, официально санкционированным мероприятиям. Конвенциональной толпой можно считать карнавалы, шествия, масленицы, городские праздники, демонстрации, митинги, массовые спортивные состязания и т. д.

Конвенциональная толпа более организованное массовое образование, чем толпа *оказиональная*, но также разнородна и достаточно нестабильна. Особым подвидом конвенциональной толпы служит публика, представляющая собой общность людей, являющихся потребителями культурных, развлекательных или информационных продуктов (посетители театров, кино, стадионов и т. п.). Люди, образующие публику, менее «растворимы» в общей массе, отличаются определенной культурой и в поведении управляются социальными, этическими и нравственными императивами.

Как и *оказиональная*, конвенциональная толпа по психологической природе не представляет угрозы, но диффузность ее структуры также оставляет вероятность перерождения в другие несущие угрозу виды.

Объявленные распродажи, рекламные акции при неправильной организации (недостаточное количество товаров, на которые были объявлены скидки, отсутствие квалифицированной охраны и т. д.) могут закончиться давкой, актами воровства и вандализма². Известны случаи пьянства, драк в местах проведения массовых праздников при ненадлежащем обеспечении подобных мероприятий необходимым количеством сотрудников ОВД или профессиональной охраны.

Конвенциональная толпа способна оказывать эффект эмоциональной контаминации (или синдрома заражающего поведения), как и все иные виды толпы, что необходимо учитывать при организации и проведении любых массовых мероприятий, даже культурного, спортивного или патриотического характера. Ведь какой-либо инцидент на футбольном матче может превратить болельщиков на стадионе в неуправляемую и агрессивную толпу.

Конвенциональная толпа расформируется сама при завершении массовых мероприятий, и, как правило, специального вмешательства в этот процесс не предполагается. Однако сотрудники правоохранительных органов, обеспечивающие порядок при проведении санкционированных массовых мероприятий, должны осуществлять непрерывный мониторинг психологического состояния

и эмоционального настроения людей, составляющих данный вид толпы, уделять особое внимание поведению вызывающих подозрение лиц (находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, проявляющих агрессивность, провоцирующих нарушение порядка) и своевременно изолировать их из общей массы. Для гарантии безопасного проведения массового мероприятия сотрудникам ОВД необходимо заранее изучить особенности территории, на которой оно планируется, ее площадь, подъездные пути, рельеф местности.

Особым видом толпы является толпа *экспрессивная* (от лат. *expressio* — выражение чувств). Она образуется в результате массового выражения общего эмоционального переживания или отношения к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, социальный протест и пр.). Наибольшую потенциальную угрозу заключает в себе *экспрессивная* толпа, в которой преобладают негативные эмоции и агрессивное возбуждение. Известны случаи, когда политические митинги, стачки, забастовки переходили в акты гражданского неповиновения, в нападения на представителей закона, а в крайних случаях — в вооруженные попытки захвата власти в стране.

Специфическим подвидом *экспрессивной* толпы выступает толпа *экстатическая* (от греч. *extasis* — исступление), отличающаяся радикальной формой иррационального поведения и характеризующаяся состоянием общего экстаза на основе взаимного, быстро распространяющегося психического заражения (массовые религиозные ритуалы, протестные акции, рок-концерты и т. п.). В пространстве *экстатической* толпы у образующих ее индивидов интеллектуальные, волевые, а в большинстве случаев и сознательные составляющие психики полностью растворяются в поле массового экстаза. Толпа превращается в «либидозную массу, увлекаемую стадным инстинктом» (З. Фрейд). В таких ситуациях способность контролировать свои действия, нести личную ответственность за собственные поступки и поведение у людей утрачивается полностью.

Наибольшую опасность *экспрессивная* и *экстатическая* толпа представляет при переходе из стационарного состояния в действующее. Так называемая *действующая* толпа отличается активными действиями делинквентного характера и подразделяется на агрессивный и стяжательский подвиды [11; 12; 13].

Агрессивная толпа характеризуется иррациональной ненавистью к конкретному объекту (какому-либо религиозному или политическому движению, лидеру), нередко сопровождается беспорядками, погромами, поджогами и т. п.; вероятны ситуации, когда в агрессивную толпу преобразуется толпа конвенциональная или *экстатическая*.

Стяжательская толпа образуется путем вступления в непосредственный массовый конфликт за обладание какими-либо ценностями: взятие штурмом мест в отходящем транспорте, ажиотажный разбор продуктов

¹ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Кишинёв, 1972. С. 449–450.

² Словарь практического психолога. Минск, 1997. С. 701–702.

в предприятиях торговли, разгром продовольственных складов, осажение финансовых (например, банковских) учреждений. Такой подвид может формироваться в местах катастроф, стихийных бедствий (в крайних формах стяжательская толпа приобретает статус толпы мародерской).

Необходимо отметить, что любая толпа характеризуется общностью эмоционального состояния и спонтанно возникающей направленностью поведения; нарастающим самоподдерживающимся психическим заражением — распространением повышенного эмоционального состояния от одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта. Отсутствие ясных целей и организационная диффузность толпы могут превратить ее в объект манипуляций или в инструмент давления и противоправных действий.

Особую угрозу представляет наличие в толпе «профессиональных провокаторов», которые знают психологические особенности поведения людей при массовом скоплении; в этом случае возможны противоправные действия, направленные на разжигание расовой, политической, социальной, национальной, религиозной и иной ненависти.

Организаторы провокаций часто стремятся волевать в действующую толпу и последующие массовые беспорядки обычных людей (тех, кого принято называть «рассерженными горожанами»), имеющих социальные, экономические, политические претензии или расхождение во взглядах с властью. Среди таких людей могут оказаться подростки, лица пожилого возраста и даже родители с детьми, наличие которых в толпе ограничивает или исключает применение полицией таких специальных средств, как водометы или слезоточивый газ.

Когда для предотвращения массовых беспорядков требуется силовое расформирование агрессивно действующей толпы, сотрудникам правоохранительных органов необходимо учитывать не только специфику толпы, но и такие ее характеристики, как численность, плотность и структура.

Визуальное оценивание численности толпы в большинстве случаев дает неверный результат. Герберт Джекобс, профессор Калифорнийского университета в Беркли, установил, что полиция склонна преувеличивать численность толпы в несколько раз [9]. Имеют тенденцию гиперболизировать размер толпы и люди, которые относятся к ней позитивно. В то же время те, кто негативно относится к толпе, склонны значительно преуменьшать ее численность.

Г. Джекобс, используя методы аэрофотосъемок, установил, что при высокой плотности толпы на одного человека приходится четыре квадратных фута ($0,37 \text{ м}^2$), в менее плотной — пять футов ($0,46 \text{ м}^2$) [9]. Таким образом, в плотной толпе на одном квадратном метре находится приблизительно три человека, в толпе с меньшей плотностью — в среднем два. Исходя из этих расчетов, зная площадь территории, занимаемой толпой, и оценив ее плотность, можно с точностью до 20% определить численность толпы.

В отличие от окказиональной и конвенциональной, агрессивно действующая толпа имеет определенную структуру. Активные и готовые принять участие в действиях толпы лица, как правило, не располагаются на границе толпы, в том числе в ее первых рядах, они стремятся в центр толпы, где в большинстве случаев находятся организаторы и лидеры. В связи с этим «ядро» толпы, осуществляющее ее управление, выдает себя повышенной плотностью. Напротив, люди, не желающие участвовать в активных массовых акциях, а также те, кто попал в толпу из любопытства или случайно, стремятся выйти из нее и оказываются на периферии. Именно поэтому в случае силового расформирования толпы нецелесообразно производить задержания тех, кто стремится самостоятельно покинуть ее границы.

Пресечение массовых беспорядков приобретает в настоящее время особую остроту и актуальность для органов внутренних дел и требует совершенствования существующих технологий профессиональной подготовки сотрудников ОВД для успешного выполнения задач обеспечения правопорядка, личной и общественной безопасности.

На ближайшие годы прогнозируется рост протестного движения на территории России. При этом далеко не всегда тематика протестов будет носить политический характер. Все чаще возникают экологические протесты. Наиболее известный новостной резонанс вызвали стихийные протестные акции в Волоколамске, близ которого расположен мусорный полигон «Ядрово». Из-за выбросов свалочного газа в больницах оказались десятки детей и несколько взрослых. Один из протестных митингов жителей перешел в стадию действующей экспрессивной толпы, проявившей агрессию по отношению к главе Волоколамского района и губернатору Московской области, которым пришлось под прикрытием полиции бегством спасаться от разъяренной толпы.

Экологические протесты сегодня захватывают все большее количество регионов; эти акции стихийны, как правило, не имеют централизованного лидерства и практически неуправляемы, поскольку в их основе находятся угрозы базовым ценностям человека.

Нужно признать, что в основе многих случаев протестного движения экологического характера лежат ошибки, допущенные региональными и местными властями: отсутствие грамотной системы коммуникаций между властями и населением, неправильная информационная политика. Поэтому предотвращение стихийных массовых явлений, связанных с экологическими бедствиями, представляет не столько проблему органов внутренних дел, сколько местных властей.

Другие виды протестного движения, которые могут активизироваться в ближайшее время, — это акции обманутых дольщиков, людей, потерявших рабочие места. Высока вероятность того, что такие акции могут быть использованы лицами, представляющими политическую оппозицию, в качестве инструментов манипуляции общественным мнением, перевода протестов в политические сферы и превращения толпы из стихийной в ведомую для реализации собственных целей и интересов.

Таким образом, можно заключить, что в системе существующих профессионально важных компетенций сотрудников ОВД одними из приоритетных должны быть знания, касающиеся психологических особенностей толпы и ее разновидностей, умения и навыки эффективной нейтрализации угроз при возникновении массовых беспорядков и способность к правильному выбору профессиональных действий.

Список литературы

1. Каримов А. А., Подлиняев О. Л. Толпа и потенциальные угрозы, определяемые спецификой ее психологических разновидностей // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 2016. Т. I. С. 359–364.
2. Подлиняев О. Л. Психология толпы и специфика ее разновидностей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81). С. 124–130.
3. Лебон Г. Психология народов и масс // Психология народов. СПб., 1995. Кн. 1. 311 с.
4. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // По ту сторону принципа удовольствия / пер. с нем. Л. Гол-

лербах, А. Гутнин ; сост., послесл. и коммент. А. А. Гутнина. М., 1992. 569 с.

5. Чичерин В. С. Психология толпы и учет ее в деятельности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1995. № 2. С. 20–27.
6. Терриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. 16-е изд. СПб., 2004. 955 с.
7. Кун Д. Основы психологии: Все тайны поведения человека. СПб., 2002. 768 с.
8. Роцин С. К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 5. С. 23–26.
9. Jacobs H. How big was the crowd? — and a formula for estimates. Univ. of California. Berkeley, 1967. 177 p.
10. Janis I. L. Group identification under conditions of external danger // Brit. J. Med. Psychol. 1963. V. 36. P. 227–228.
11. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи : лекции по социальной и политической психологии. СПб., 2003. 192 с.
12. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании. М., 2005. 160 с.
13. Гладышев С. А. Как выжить в толпе и остаться самим собой. Ростов н/Д, 2004. 384 с.

Поступила 31.03.2018

UDC 159.922

Psychological Peculiarities of Person's Behaviour in the Crowd and Law Enforcement Officers' regarding them during Mass Events

Oleg L. Podlinyaev,

Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Professor of the Department of Pedagogy at Irkutsk State University
Irkutsk, Russia. e-mail: podlinyaev@inbox.ru

Albert A. Karimov,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Assistant-professor, Chief of Special Tactics and Firing Training Department, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Irkutsk, Russia. e-mail: alkar@hotmail.ru

Along with the general tactic rules of public order maintenance during mass events law enforcement officers are to know psychological behavioural peculiarities of people in the crowd, understand specifics of the crowd and its types, apprehend potential threats according to the type of crowd. In domestic and foreign social and psychological studies crowd is classified according to such features as manageability, the origin of formation, ways of psychological functioning. Due to the changing situations which surround mass events originally safe crowds can transfer into aggressively acting or panic types of crowd. In cases when it is necessary to disband potentially dangerous types of crowd to prevent riots law enforcement officers must take into account its size, density and structure, which will ensure the proper strategy of professional actions. The nearest future is likely to witness increasing mass actions, ecological and political rallies in Russia, which makes professional knowledge and skills more relevant for law enforcement officers who will be able to predict and immediately neutralize potential threats caused by the crowds.

Keywords: crowd; classification of crowd types; specifics of potential threats during mass events; riots.

Citation: Podlinyaev O. L., Karimov A. A. Psychological Peculiarities of Person's Behaviour in the Crowd and Law Enforcement Officers' regarding them during Mass Events. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 10–16. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13002

References

1. Karimov A. A., Podlinyaev O. L. Crowd and Potential Threats due to the Specifics of its Psychological Types. Improvement of Professional and Physical Training of Cadets, Trainees of Educational Organizations and Officers of Military and Policing Branch of Government: Materials of the 18th International Science-to-Practice Conference. In two volumes. Vol. 1. Irkutsk, 2016. Pp. 359–364. (In Russ.)
2. Podlinyaev O. L. Psychology of Crowd and Specifics of its Types. *Bulletin of East Siberia Institute of the Russian Interior Ministry*. No. 2(81) 2017. Pp. 124–130. (In Russ.)
3. Lebon G. Psychology of Peoples and Masses. *Psychology of Peoples*. (Book 1). St Petersburg, 1995. 311 p. (In Russ.)
4. Freud Z. Group Psychology and the Analysis of the Ego. On the other side of the Pleasure Principle. Transl. by Gollerbach L., Gugnin A. Moscow, 1992. 569 p. (In Russ.)

5. Chicherin V. S. Psychology of Crowd and Law Enforcement Officers' Regarding it in their Activity. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 2, 1995. Pp. 20–27. (In Russ.)
6. Gerrig R., Zimbardo Ph. *Psychology and Life*. 16th edition. St Petersburg, 2004. 955 p. (In Russ.)
7. Kun D. *Fundamentals of Psychology: all Mysteries of Human Behaviour*. St Petersburg, 2002. 768 p. (In Russ.)
8. Roschin S. K. Psychology of Crowd: Analysis of Past Researches and Present Problems. *Psychological Journal*. Vol. 11, No. 5, 1990. Pp. 23–26. (In Russ.)
9. Jacobs H. How big was the crowd? — and a formula for estimates. University of California. Berkeley, 1967. 177 p.
10. Janis I. L. Group Identification under Conditions of External Danger. *Brit. J. Med. Psychol.* 1963. V. 36. Pp. 227–228.
11. Nazaretyan A. P. Aggressive Crowd, Mass Panic, Rumours. *Lectures on Social and Political Psychology*. St Petersburg, 2003. 192 p. (In Russ.)
12. Nazaretyan A. P. *Psychology of Spontaneous Mass Behaviour: Crowd, Rumours, Political and Advertising Campaigns*. Moscow, 2005. 160 p. (In Russ.)
13. Gladyshev S. A. *How to Survive in the Crowd and Remain Oneself*. Rostov-on-Don, 2004. 384 p. (In Russ.)

Submitted 31.03.2018

Принятие решения сотрудниками уголовного розыска в ситуациях неопределенности ориентиров поиска

Чуманов Юрий Викторович,

адъюнкт кафедры психологии Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: yuc90@mail.ru

Лебедев Игорь Борисович,

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: i_leb53@mail.ru

Рассмотрены психологические особенности принятия решения сотрудниками уголовного розыска при выполнении профессиональных задач в ситуациях неопределенности ориентиров поиска. Проблема принятия решения проанализирована с позиций различных психологических направлений. Описаны виды принимаемых решений, представлена их краткая классификация. Обозначена важность принятия решения при выполнении профессиональных задач, предусмотренных оперативно-розыскной деятельностью. Приведена типология ситуаций неопределенности ориентиров поиска, возникающих в профессиональной деятельности сотрудников уголовного розыска, с акцентом на диапазоне информационной насыщенности в конкретном типе ситуаций. Обоснована целесообразность изучения процесса принятия решения в ситуациях неопределенности ориентиров поиска и указаны основные предпосылки для экспериментального исследования данной проблематики.

Ключевые слова: принятие решения; неопределенность ориентиров поиска; уголовный розыск; интуиция; профессиональная деятельность.

Для цитирования: Чуманов Ю. В., Лебедев И. Б. Принятие решения сотрудниками уголовного розыска в ситуациях неопределенности ориентиров поиска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 17–22. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13003

Актуальность темы исследования определяется высоким уровнем динамики экстремальности профессиональных условий в служебной деятельности сотрудников МВД России и необходимостью принимать решения при дефиците информации и времени в ситуации социальной напряженности и террористических рисков, от которых зависят жизни, здоровье людей, сохранность социально значимых материальных объектов.

Принятие решения является междисциплинарной научной категорией, оно изучается в контексте множества дисциплин: экономики, политологии, социологии, математики, менеджмента, философии, психологии и т. д. В социальных науках основной уклон сделан на внешние (социальные, экономические, демографические и пр.) предпосылки принятия решения, а в психологии — на внутренние (регулятивные, личностные, мотивационные, когнитивные составляющие) [1, с. 86].

В психологии нет общей дескриптивной теории принятия решения, однако существует ряд разработанных частных моделей, которые описывают и объясняют поведение человека в ситуациях выбора и принятия решения.

Проблеме принятия решений уделяли внимание ученые разных поколений в различных отраслях знания. Первым затронул ее Аристотель при описании «логических ошибок мышления»¹. Философия отождествляет проблему принятия решения с такими проблемами, как свобода выбора и свобода воли, способность к объективности, обнаружение и преодоление противоречий, поиск смысла, аморальность недодуманных решений,

аморальность решений при апелляции к рациональному и иррациональному основаниям [2, с. 45].

Одной из первых системно-психологических теорий принятия решений является концепция структуры мышления Ж. Пиаже [3]. Он указывает на важность изучения структуры принятия решения в связи с проблемой управления мыслительным процессом, отмечая, что человек более или менее знает, что он думает о какой-то проблеме или каком-то объекте. С позиций эмпирической субъективной психологии (Д. Ланге, Г. Мюллер, Р. Шуман и др.) процесс принятия решения ограничивался описанием динамики субъективных состояний, которые возникают посредством осуществления волевого акта. В контексте бихевиоризма (Э. Торндайк, Дж. Уотсон, У. Хантер, К. Эшли, П. Бриджмен и др.) процесс принятия решения заключается в описании стимулов, воздействующих на организм, и совершенствовании техники их регистрации, что позволяет находить некоторую корреляцию между стимулом и реакцией.

Представители социально-психологического подхода (Ж.-К. Абрик, С. Московиси и др.) считали, что на эффективность принимаемого решения влияют такие факторы, как авторитаризм, макиавеллизм, локус контроля, склонность к риску и догматизм, социальные установки и личностные ценности, социальные институты и малая группа, жизненный опыт, профессиональный стаж [4, с. 79]. Установлено, что выбор при принятии решения регулируется следующими социально-психологическими аспектами: стремлением к власти и мотивацией достижений, уровнем притяза-

¹ Аристотель // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1970. С. 195–196.

ний и уровнем культуры, ожиданием оценки со стороны референтной группы, угрозой социальному статусу и т. д. В рамках политической психологии (Р. Зиглер, Дж. Пост, Б. Глэд, Р. Кристи) установлены причины ошибок в решениях, возникающих в кризисных ситуациях из-за снижения гибкости мышления (неспособность отказаться от выдвинутых гипотез, ограничение временной перспективы и игнорирование отдаленных последствий решения); появления параноидного типа мышления (необоснованная подозрительность, враждебность, навязчивые идеи); снижения аналитичности мышления (усиление мышления по аналогиям, использование неподходящего прошлого опыта для обоснования решений) [5, с. 59–61].

Представители гештальтпсихологии (Э. Толмен, В. Келер, Э. Вертгеймер и др.) утверждают, что принятие решения является поэтапным процессом. Сначала выделяются основные части условий задачи, затем определяется связь между элементами проблемы, а в последующем происходит индуктивное образование гештальта — целостной модели проблемной ситуации. В рамках когнитивной психологии (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Осгуд) процесс принятия решения понимается как некий акт выбора («decisionmaking»), основывающийся на абстрактных моделях ожидаемой полезности и субъективной вероятности (условное название «модель лотерии»). Принятие решения обусловлено вероятностным прогнозированием и бинарным выбором.

В отечественной психологии (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Б. Г. Ананьев, Б. М. Теплов и др.) определяются позиции системного и деятельностно-личностного подходов, в которых процесс принятия решения исследуется в структурных, онтологических, генетических и функциональных аспектах. Проблема процесса принятия решения рассматривается со следующих позиций: психологии познания; психологии профессионализма и профессионального мышления; теории мотивации; психологии целенаправленного поведения; психологии риска; психологии профессиональных установок; психологии волевых и когнитивных процессов и пр. Проблема принятия решения изучается тогда, когда ей отводится ведущая роль в становлении личности в целом и освоении профессиональной деятельности в частном. В связи с этим появилась необходимость изучения основных психологических характеристик личности, принимающей решение; определения роли факторов среды, влияющих на принятие решения; исследования стратегий выбора и прогнозирования ситуации; изучения групповых особенностей принятия решения. Самыми успешными были исследования, направленные на изучение антиципации при принятии решения и процессов восприятия и переработки текущей информации и др. С методологической точки зрения наиболее приемлемы структурно-функциональная концепция принятия решения и системно-деятельностный подход [6, с. 3–14].

Вместе с тем можно констатировать недостаточную разработанность данной проблематики в условиях профессиональной деятельности сотрудников МВД России. В связи с этим целью настоящей статьи является теоретический анализ психологических особенностей принятия решения сотрудниками уголовного розыска при выполнении профессиональных задач в ситуациях неопределенности ориентиров поиска.

Анализ специальной литературы позволил сделать вывод о том, что оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) сотрудников уголовного розыска рассматривается в трех аспектах:

- 1) как вид профессиональной деятельности;
- 2) как выполнение функциональных и служебных обязанностей;
- 3) как определенный уровень профессионального мастерства, от которого зависит успешное/неуспешное выполнение служебных задач оперативно-розыскной деятельности.

В статье 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскная деятельность определяется как «вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их компетенции посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств»².

Деятельность сотрудников уголовного розыска относится к разряду психологически сложных видов профессиональной деятельности, которую нельзя четко регламентировать инструкциями и нормативными правовыми актами. Более того, именно в оперативно-розыскной деятельности залогом успеха служат самостоятельно вырабатываемые способы реализации индивидуальных особенностей при достижении профессиональных результатов.

На оперуполномоченных уголовного розыска возложены различные служебные задачи, спецификой которых являются неизвестность или высокая степень неопределенности самих объектов розыска, преодоление сопротивления отдельных лиц или преступных группировок и др. Решение указанных выше задач характеризуется скрытым конфликтным взаимодействием с преступной средой, лицами, замышляющими, подготавливающими или уже совершившими преступление. В связи с этим возникает необходимость использования профессионально-психологических знаний и умений в сфере оперативно-розыскной деятельности [7], а именно:

- 1) оперативное мышление, необходимое для построения оперативно-информационных моделей;
- 2) анализ и рефлексия профессиональной деятельности в целях психологического изучения преступников, подозреваемых лиц, свидетелей, оперативной обстановки и пр.;

² Рос. газета. 1995. 18 авг.

3) психологических методов и средств получения оперативной информации;

4) антиципации в процессе выдвижения версий и планирования ОРД;

5) разнообразных установок и социальных ролей в целях обеспечения конфиденциальности проводимых мероприятий.

При выполнении профессиональных задач сотрудниками уголовного розыска выступает процесс принятия решения, который представлен в виде сложной системы, объединяющей различные когнитивные процессы (память, смысловое восприятие, аналитическое мышление, прогнозирование) и оценку факторов окружающей среды, влияющих на реализацию оперативно-розыскных мероприятий.

В психологии выделяют три уровня психологических особенностей принятия решения:

1) общепсихологический, обусловленный категориальными основаниями «психологическое — непсихологическое» при принятии решения в нестандартных ситуациях;

2) психолого-ситуационный — психологическими особенностями, связанными с внешними условиями окружающей среды, которые влияют на процесс принятия решения;

3) психолого-продуктивный — особенностями профессиональной деятельности, которые непосредственно влияют на процесс принятия решения.

Процесс принятия решения является составной частью структуры профессиональной деятельности, в том числе и оперативно-розыскной. Принятие решения в ОРД — это выбор альтернативы, определение стиля поведения в конкретном случае, способов принудительного воздействия на преступные элементы общества для достижения поставленной цели, не выходящего за рамки закона.

В психологии рассматривается несколько видов принятия решения, систематизация которых зависит от различных критериев. Организационные решения, принимаемые должностными лицами в целях решения профессиональных задач, подразделяются на:

а) запрограммированные решения, принимаемые должностным лицом (в нашем случае сотрудником уголовного розыска) при ограниченном количестве альтернатив и последовательности выполнения задачи, соответствующей заранее определенному алгоритму;

б) запрограммированные решения, принимаемые должностным лицом в нестандартных условиях, в которых допустимо большое количество разнообразных выборов (альтернатив) (в нашем случае ситуация неопределенности ориентиров поиска).

В профессиональной деятельности, как правило, ситуации складываются таким образом, что принимаемые решения носят смешанный характер.

Принимаемые решения дифференцируются в зависимости от побуждения и делятся на следующие виды:

а) интуитивные — принимаются на основе интуиции, механизм которой включается, когда перестает

действовать логика, а мозг не в состоянии быстро переработать огромный массив внезапно появившейся информации [8, с. 108]. На принятие подобных решений влияет «инсайт», обусловленный внезапным, не выводимым из предшествующего опыта пониманием существенных отношений и структуры ситуации в целом [9, с. 69];

б) логические решения, основанные на суждениях, — такие решения принимаются на основе знаний, обусловленных жизненным и профессиональным опытом;

в) рациональные решения — при принятии подобного рода решения объективно анализируется имеющаяся информация, которая важна для конкретной профессиональной ситуации.

По мнению С. К. Крикалева, при реализации принятого решения возникает обратная связь, происходит включение системы отслеживания и контроля, оцениваются возможные последствия, сопоставляются наступившие результаты с прогнозируемыми. Именно благодаря обратной связи можно вносить своевременные коррективы в принимаемое решение, чтобы снизить возможный ущерб [10, с. 56–57].

Решения можно разделить на те, которые принимаются единолично (самостоятельно) и коллегиально.

Анализ психологической литературы по избранной тематике позволил выделить ряд факторов, влияющих на процесс принятия решения:

1) личностные качества сотрудника уголовного розыска, его опыт, знания, уровень профессиональной компетентности, ценностные ориентации, установки, мотивация, формирующие его представления об актуальной значимости конкретных служебных задач;

2) обстановка (обстоятельства, ситуация и т. д.), в которой принимается решение. Наиболее простой является ситуация, характеризующаяся определенностью, когда оперуполномоченный, принимающий решение, точно знает, что именно он должен делать с правовой точки зрения, и располагает возможностью прогнозировать достижение нужных ему результатов, наступление тех или иных правовых последствий.

Выбор принимаемых решений представляет собой сложный психологический процесс, в котором логические построения нередко служат внешним отражением более глубоких, скрытых не только от постороннего наблюдения, но и от самого субъекта психических явлений, влияющих на выбор им тех или иных приемов и методов принятия решений [11, с. 39]. Кратко рассмотрим некоторые из них.

1. *Метод мысленного моделирования.* Модель — это представление объекта, какой-то системы или даже идеи в некоторой форме, отличающейся от изучаемого явления, но воспроизводящей отдельные существенные свойства системы-оригинала. По мнению Т. А. Индиной и В. И. Моросановой, с помощью созданной модели возможно принятие объективных решений в ситуациях, в которых наблюдается слишком сложная причинно-следственная оценка возможных альтернатив [12, с. 41]. Для сотрудников оперативных подразделений такой моделью, представляющей профессиональный инте-

рес, может служить модель того или иного конфликта (конфликтной ситуации) правового характера, в который вовлечены различные субъекты правоотношений. Например, метод мысленного моделирования помогает оперуполномоченному уголовного розыска полноценно составить информационную картину совершенного (готовящегося) преступления, выдвигать предположения о месте нахождения подозреваемых (разыскиваемых) лиц и т. д. Процессу мысленного моделирования нередко сопутствует метод проигрывания ролей с последующим прогнозированием действий конкурирующих сторон в условиях воздействия на них различных вариантов принимаемых решений (альтернатив).

2. *Метод «дерево решений»*. Данный метод состоит в схематичном представлении процесса поэтапного принятия решения с последующей оценкой влияния его возможных результатов на дальнейшие решения. Он широко применяется, например, при задержании подозреваемого лица, когда необходимо выстроить диалог в целях получения оперативно значимой информации. Данный метод может быть составной частью метода прогнозирования.

3. *Метод экспертной оценки*. Использование названного метода дает сотруднику возможность учитывать мнения различных лиц с разным опытом работы, специализирующихся в той или иной области применения правовых знаний, прежде чем ими будет принято окончательное решение [13].

Однако какой бы из описанных выше методов ни избрал оперуполномоченный, он обязан помнить, что решения, принимаемые им, по содержанию и форме всегда должны строго соответствовать положениям закона.

В психологических исследованиях *принятие решения* почти всегда связано с *неопределенностью и риском*. Ситуация риска предполагает существование как объективных, так и субъективных предпосылок его восприятия. Субъективная сторона риска связана с выбором альтернатив, расчетом вероятностей их исхода, неодинаковым восприятием различными субъектами одной и той же величины риска [14, с. 57]. Вместе с тем риск объективен, поскольку является формой количественного и качественного выражения реально существующей неопределенности для сотрудника уголовного розыска.

Наибольшую сложность в профессиональной деятельности сотрудника уголовного розыска представляют проблемные ситуации или же ситуации неопределенности ориентиров поиска, которые побуждают активно анализировать многообразную, нередко противоречивую информацию, оценивать возможные последствия принятых решений, прежде чем какое-либо из них будет принято.

Под *ситуацией неопределенности ориентиров поиска мы понимаем* служебную ситуацию, в которой: 1) ориентиров поиска для принятия правильного решения недостаточно; данные ориентиры носят неопределенный характер; 2) ориентиры поиска определены, но их недостаточно для принятия решения с помощью формально-логического мышления; 3) ориентиров поиска достаточно, но все они носят неопределенный характер.

Ориентир поиска представляет собой объективный ориентир или признак проблемной ситуации (информативный признак), который в совокупности с другими признаками направляет поиск решения профессиональной задачи. Определенный ориентир поиска однозначен в своей трактовке, т. е. один информативный признак выражается определенным знаком (совкупностью знаков), и ему принадлежит (приписывается) одно значение.

Ситуации неопределенности ориентиров поиска являются профессионально значимыми в служебной деятельности сотрудников оперативных подразделений полиции. К характерным чертам ситуаций неопределенности ориентиров поиска для оперуполномоченных уголовного розыска относятся:

— количественно-качественное несоответствие информации, находящейся в распоряжении оперуполномоченного, минимальным данным, необходимым для логически обоснованного решения стоящей перед ним задачи (дефицит информации, профицит информации, противоречивость информации);

— высокий уровень сложности процедуры диагностирования сотрудником уголовного розыска сложившейся при реализации оперативно-розыскных мероприятий ситуации, а именно как ситуации неопределенности;

— объективно существующая невозможность уменьшить неопределенность путем применения логического способа обработки наличной информации при принятии решения.

Нередко описание психологического механизма принятия решения имеет формальный вид, состоящий из следующей структуры:

— осознание проблемы (возникновение проблемы, понимание наличных фактов, постановка вопроса);

— разрешение проблемы (выработка гипотезы, развитие решения, вскрытие принципа, выработка суждения, фиксирующего решение);

— принятие решения.

Психологический механизм принятия решения не является абсолютной формулой, как часто представляется в психологических исследованиях, а зависит от информационной характеристики ситуации, в которой сотруднику уголовного розыска приходится принимать решение. В деятельности сотрудников уголовного розыска присутствуют четыре типа ситуаций неопределенности ориентиров поиска:

1-й тип — ситуация, близкая к полной определенности ориентиров поиска, диапазон информативности от 75 до 100% (заранее жестко заданный алгоритм принятия решения);

2-й тип — ситуация, частично близкая к полной определенности ориентиров поиска, диапазон информативности от 50 до 75% (формально-логическое мышление);

3-й тип — ситуация, частично близкая к полной неопределенности ориентиров поиска, диапазон информативности от 25 до 50% (интуиция или антиципация (процесс, когда следствие опережает причину));

4-й тип — ситуация полной неопределенности ориентиров поиска, диапазон информативности от 0 до 25% (метод проб и ошибок или случайный успех).

Сотрудники уголовного розыска чаще всего выполняют профессиональные задачи в ситуациях второго и третьего типов. В ситуациях второго типа на процесс принятия решения влияет формально-логическое мышление. В ситуациях же третьего типа, где информационная насыщенность минимальная, на процесс принятия решения доминирующее воздействие оказывают интуиция и антиципация. При этом психологический механизм принятия решения при выполнении профессиональных задач в ситуациях неопределенности ориентиров поиска в каждой из перечисленных ситуаций будет различным.

В заключение необходимо отметить, что при раскрытии психологических механизмов принятия решения сотрудником уголовного розыска в ситуации неопределенности ориентиров поиска важную роль играет понимание бессознательных и сознательных компонентов психики, выступающих в качестве взаимодополняющих и взаимодействующих многоуровневых детерминант мышления оперуполномоченного при принятии решения. Анализ психологических особенностей принятия решения сотрудниками уголовного розыска в ситуациях неопределенности ориентиров поиска послужит основой для дополнительных экспериментальных исследований в данном направлении.

Список литературы

1. Забродин Ю. М. Процессы принятия решения на сенсорно-перцептивном уровне // Психологические проблемы принятия решения. М., 1976. С. 85–94.

2. Гурова Л. Л. Принятие решений как проблема психологии познания // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 45–58.

3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. 246 с.

4. Moscovici S. La Psychanalyse, Son Image et Son Public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 139 p.

5. Шестопал Е. Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 57–72.

6. Карпов А. В. Проблемы принятия решения в психологии труда // Психологический журнал. 1993. № 3. С. 3–14.

7. Марьин М. И. Научно-практические проблемы повышения эффективности психологической работы в ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 80–86.

8. Медушевская Н. Ф., Милукова Ю. Д., Чуманов Ю. В. Психологические аспекты интуиции как внерационального метода познания // Проблемы науки. 2016. № 12(13). С. 106–110.

9. Лебедев И. Б., Чуманов Ю. В. Интуитивное мышление как феномен человеческой психики // Человеческий капитал. 2014. № 8(68). С. 67–70.

10. Крикалев С. К. Психологические особенности принятия решения госслужащими в экстремальной ситуации // Акмеология. 2007. № 4. С. 54–66.

11. Гурова Л. Л. Соотношение осознаваемых и неосознаваемых ориентиров поиска в интуитивных решениях // Вопросы психологии. 1976. № 3. С. 26–38.

12. Индина Т. А., Моросанова В. И. Регуляторные и личностные аспекты рациональности принятия решений // Прикладная психология. 2006. № 5. С. 38–46.

13. Гранат Н. Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973. 23 с.

14. Терехов В. А. Исследование механизмов регуляции поиска решения задачи (эвристик) : дис. ... канд. психол. наук. М., 1967. 150 с.

Поступила 11.02.2018

UDC 159.96

Making Decisions by Crime Detection Officers when Reference Points of Search are Indefinite

Yuri V. Chumanov,

post-graduate student at the Department of Psychology,
V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
Moscow, Russia. e-mail: yvc90@mail.ru

Igor B. Lebedev,

Doctor of Sciences (Psychology), Professor at the Department of Psychology,
V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
Moscow, Russia. e-mail: i_leb53@mail.ru

The authors consider psychological peculiarities of making decisions by crime detection officers when performing professional tasks with indefinite reference points of the search. The problem of decision-making is studied from different psychological aspects. The article describes types of the decisions and their brief classification, outlines the importance of making decisions when performing professional tasks related to crime detection. There is a typology of situations of indefinite reference points of search arising in crime detection officers' professional activity with regard to the range of informational abundance in a certain type of situations. It is proved reasonable to study decision-making when reference points of search are indefinite. The article contains main prerequisites to experimental research of the problem under study.

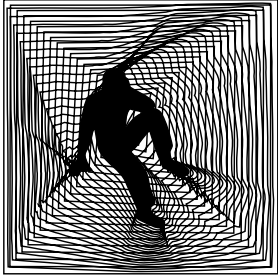
Keywords: decision-making; indefinite reference points of the search; crime detection; intuition; professional activity.

Citation: Chumanov Yu. V., Lebedev I. B. Making Decisions by Crime Detection Officers when Reference Points of Search are Indefinite. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 17–22. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13003

References

1. Zabrodin Yu. M. Decision-making on Sensor-Perceptive Level. *Psychological Problems of Decision-making*. Moscow, 1976. Pp. 85–94. (In Russ.)
2. Gurova L. L. Decision-making as a problem of Psychology of Cognition. *Issues of Psychology*. No.1, 1984. Pp. 45–58. (In Russ.)
3. Piaget G. Selected Works on Psychology. Moscow, 1969. 246 p. (In Russ.)
4. Moscovici, S. La Psychanalyse, Son Image et Son Public. Paris, 1976. 139 p.
5. Shestopal Ye. B. Leader Personality Viewed by Citizens. *Policy*. No. 6, 1997. Pp. 57–72. (In Russ.)
6. Karpov A. V. Problems of Decision-making in Psychology of Labour. *Psychological Journal*. No. 3, 1993. Pp. 3–14. (In Russ.)
7. Maryin M. I. Scientific and Practical Problems of Increasing Effectiveness of Psychological Work in Law Enforcement Agencies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(56), 2014. Pp. 80–86. (In Russ.)
8. Medushevskaya N. F., Milyukova Yu. D., Chumanov Yu. V. Psychological Aspects of Intuition as an Irrational Method of Cognition. *Problems of Science*. No. 12(13), 2016. Pp. 106–110. (In Russ.)
9. Lebedev I. B., Chumanov Yu. V. Intuitive Thinking as a Phenomenon of Human Psyche. *Human Capital*. No. 8(68). Pp. 67–70. (In Russ.)
10. Krikalev S. K. Psychological Peculiarities of Decision-making by Public Officers in Extreme Situations. *Acmeology*. No. 4, 2007. Pp. 54–66. (In Russ.)
11. Gurova L. L. Correlation between Perceived and Extramental Reference Points in Intuitive Decisions. *Issues of Psychology*. No. 3, 1976. Pp. 26–38. (In Russ.)
12. Indina T. A., Morosanova V. I. Regulative and Personal Aspects of Rational Decisions. *Applied Psychology*. No. 5, 2006. Pp. 38–46. (In Russ.)
13. Granat N. L. Characteristics of Investigative Tasks and Psychological Mechanisms of Solving them. Extended Abstract of the Candidate of Sciences Dissertation (Psychology). Moscow, 1973. 23 p. (In Russ.)
14. Terekhov V. A. Study of Mechanisms Regulating Solution of the Task (Heuristics). Candidate of Sciences Dissertation (Psychology). Moscow, 1967. 150 p. (In Russ.)

Submitted 11.02.2018

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

УДК 159 © В. Л. Цветков, Д. А. Ануфриева, 2018

Психология имиджа сотрудника полиции: состояние и возможная положительная динамика

Цветков Вячеслав Лазаревич,

доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры
юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: Romashka1957@inbox.ru

Ануфриева Дарья Александровна,

слушатель Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: darja1993@inbox.ru

Негатив восприятия гражданами полицейского в наибольшей степени сосредоточен в сфере правосознания и профессиональной ответственности сотрудников, а иные факторы (личностные, социальные) уходят на второй план. Имидж является одной из главных составляющих профессионализма полицейского и представляет собой обобщенный образ, отражающий его параметры психологических и профессиональных характеристик. Поэтому формированию положительного имиджа существенно будет способствовать разработка психологических и профессиональных характеристик должного восприятия, создание обобщенного образа идеального полицейского — профессионала высокого уровня подготовки, обладающего развитыми морально-нравственными качествами, высокими коммуникативными навыками. Анализ теоретического материала по проблеме имиджа в целом и имиджа сотрудника полиции в частности позволил сделать вывод о его взаимосвязи с «Я-концепцией». Эмпирическим путем проверено, насколько сильно самовосприятие участниками эксперимента особенностей своей личности соотносится в их представлении с понятием имиджа. Результаты показали, что одну из ключевых ролей в формировании имиджа сотрудника полиции играет его самоопределение, то, как он видит себя и как соотносит свое «Я» с окружающим его миром.

Ключевые слова: имидж сотрудника полиции; «Я-концепция»; уровень притязаний; самокритичность; самооценка; личностные качества.

Для цитирования: Цветков В. Л., Ануфриева Д. А. Психология имиджа сотрудника полиции: состояние и возможная положительная динамика // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 23–27. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13004

Социально-экономические и политические изменения, происходящие в последние годы в нашей стране, определенным образом повлияли как на правоохранительные органы, так и на общественные институты, которые способствовали их развитию. Актуальность обращения к проблемам имиджа сотрудников полиции обусловлена целым рядом обстоятельств.

Во-первых, эффективность выполнения функций органами внутренних дел во многом зависит от взаимодействия с населением и органами местного самоуправления.

Во-вторых, сами органы внутренних дел предназначены для защиты интересов граждан и государства в целом.

В-третьих, негативный имидж сотрудников полиции усугубляется отрицательными откликами и оценками событий, связанных с деятельностью полицейских, в средствах массовой информации, что вызывает недоверие со стороны граждан. Другими словами, су-

ществует необходимость укрепления авторитета полиции, повышения доверия населения к сотрудникам и правоохранительной деятельности, престижа самой службы.

Имидж сотрудника полиции может быть определен как обобщенный образ, отражающий параметры психологических и профессиональных характеристик субъектов правоприменительной деятельности, которые наделены полномочиями представителей исполнительной власти и призваны исполнять определяемые законом нормы в области обеспечения правопорядка. Это главная составляющая профессионализма, которая непосредственно зависит от системы отношений и оценок, доминирующих в обществе в отношении полицейских и сотрудников органов внутренних дел в целом. Личностные, психологические и профессиональные характеристики, составляющие имидж современного сотрудника полиции, могут быть установлены на основании результатов эмпирических исследований мнений граждан.

Обобщая представления граждан о сотрудниках полиции, следует указать типичные характеристики:

— личностные: человек средних лет, со средним уровнем заработной платы, со славянской внешностью, имеющий семью, сосредоточенный, серьезный, в меру общительный, с чувством юмора, но в то же время хитрый, раздражительный, медлительный, обладающий мягким характером;

— социальные: человек, безразличный к патриотическим ценностям и склонный к неадекватным действиям;

— профессиональные: недостаточно профессиональный человек, действующий по инструкции.

В наибольшей степени негативное отношение граждан к полицейским сосредоточено в сфере правосознания и профессиональной ответственности сотрудников полиции. При негативном восприятии статусно-профессионального аспекта имиджа полицейского иные факторы (личностные, социальные) уходят на второй план. Низкий уровень профессионализма отдельных сотрудников полиции способен интегрировать негативный образ полиции в целом, складывающийся на основе доминирующих социальных стереотипов.

Определенный вклад в разрушение имиджа вносят современные средства массовой информации. Так, А. И. Дубнякова, исследовав образ сотрудника полиции в сознании граждан, отметила, что «мониторинг материалов центральных и региональных СМИ показал: более половины публикаций имеют критическую направленность» [1, с. 19]. При наложении отрицательных оценок на имидж сотрудников создается эффект «психологического резонанса», получающий в общественном сознании негативный отклик.

Итак, средства массовой информации способствуют ухудшению фона для восприятия сотрудников полиции. Однако они преподносят социальные представления более лояльно по сравнению с оценками населения. Существует ряд эффектов, отражающих негативность социальных представлений об имидже сотрудников полиции, такие как недоверие, презрение, продажность, глупость, демонизация. Справедливо указывает А. А. Семик, что «служебная форма, принадлежность к властным государственным структурам обуславливают повышенную требовательность и критичность граждан в отношении к сотрудникам, а также тенденцию влияния поведения отдельных сотрудников на обобщенный имидж, представление обо всех. Это накладывает повышенную ответственность на каждого за свое поведение и действия и, вместе с тем, взаимной требовательности, контроля и помощи в коллективах ОВД» [2, с. 3–4].

В последнее время отмечается значительный рост исследований, направленных на изучение проблем имиджа, в том числе на формирование имиджа конкретных организаций и их сотрудников (А. Ю. Панасюк [3], Е. Б. Перельгина [4], А. И. Дубнякова [1], А. Ю. Кобленков [5], А. Т. Бозиев [6], З. И. Дадова [7], А. А. Семик [8] и др.).

Несмотря на то что существует обширная база исследований в сфере формирования имиджа, вопросам фор-

мирования позитивного имиджа сотрудников органов правопорядка уделяется недостаточно внимания.

Формированию положительного имиджа сотрудников полиции будут способствовать разработка психологических и профессиональных характеристик должного восприятия, создание обобщенного образа идеального полицейского, к которому необходимо стремиться при проведении различных мероприятий, нацеленных на модернизацию сложившегося имиджа. Образ идеального полицейского — это профессионал высокого уровня подготовки, обладающий развитыми морально-нравственными качествами, высокими коммуникативными навыками. Сотрудник правоохранительных органов, как и каждый индивид, желает, чтобы формирующийся в сознании внешней и внутренней аудитории образ своего «Я» был максимально положительным [9, с. 120].

Проанализировав теоретический материал по проблеме имиджа в целом и имиджа сотрудника полиции в частности, мы пришли к выводу о его взаимосвязи с «Я-концепцией» сотрудников полиции. Поэтому решили опытным путем проверить, насколько самовосприятие участников эксперимента особенностей своей личности соотносится в их понимании с понятием имиджа. Сначала им была предложена методика У. Фитса «Шкала Я-концепции» для исследования динамики развития самооценки у взрослых, которая позволяет выявить особенности развития самоотношения. Через показатели «Физическое Я», «Моральное Я», «Личностное Я», «Семейное Я», «Социальное Я» с помощью этой методики определена степень самоактуализации испытуемых в таких конкретных областях, как восприятие своего физического облика, своих моральных и личностных качеств, а также своего отношения к семье и обществу.

Область «Физического Я» демонстрирует, насколько индивид доволен своей внешностью и своим телом. Низкий уровень свойствен закомплексованным и неуверенным в себе людям с низкой самооценкой. Средний уровень является нормой и отражает адекватное восприятие индивидом своей внешности и своего тела. Высокий уровень свидетельствует о нарциссизме, эгоцентризме и сосредоточенности на своей внешности.

Показатель «Моральное Я» отражает степень моральной удовлетворенности индивида, то, насколько он считает себя духовно развитым, как оценивает свое поведение в обществе. Низкий уровень говорит о неспособности индивида отождествлять себя с высокоморальной личностью. Следует отметить, что данный критерий не выявляет действительного уровня нравственности человека, а только его отношение к самому себе. Средний уровень наблюдается у людей с адекватным видением себя, в то время как высокий уровень, наоборот, у людей с недостаточным пониманием о морали.

«Личностное Я» касается восприятия индивидом собственных личностных качеств и интеллекта. Как и в предыдущих областях, низкий уровень является индикатором неудовлетворительной самооценки, средний присущ личностям, адекватно воспринимающим свой внутренний мир, высокий — личностям с завышенной самооценкой.

«Семейное Я» указывает на восприятие индивидуума своей роли в жизни своих друзей и близких, а также уровень актуальности семейных отношений. Низкие значения свойственны лицам, имеющим проблемы в общении со своими родственниками, высокие позволяют судить либо о чрезмерной озабоченности сферой семейных отношений, либо, наоборот, о проблемах в семье, которые респондент сознательно или бессознательно маскирует.

Область «Социального Я» отражает, насколько индивид считает себя приспособленным к социальным отношениям и насколько общение приносит ему удовольствие. Низкий уровень характерен для интровертов, высокий — для экстравертов.

Результаты исследования свидетельствуют, что в целом критерии «Самокритичность», «Самоудовлетворение» и «Поведение» находятся в диапазоне от среднего до высокого уровня. У большинства опрошенных они имеют достаточно высокие значения, однако по количеству баллов они относятся к категории «Средний», поэтому оценкой «Выше среднего» мы будем обозначать высокую степень того или иного компонента «Я-концепции», которая, тем не менее, находится в пределах нормы.

Значения полей «Физическое Я», «Моральное Я», «Личностное Я», «Семейное Я» и «Социальное Я» у большинства респондентов находятся в пределах нормы, но, как правило, один или несколько критериев наиболее выражены. Далее по каждому критерию был высчитан средний балл для всех 80 испытуемых.

Показатели по всем критериям средние, т. е. выражены достаточно и без патологий. Более высокие значения «Физического Я», «Морального Я» и «Личностного Я», что свидетельствует о важности для сотрудников физической выносливости, высокого уровня морали, а также интеллектуальных и личностных качеств.

Второй методикой, использованной нами, был тест Дембо-Рубинштейна, позволяющий определить уровень притязаний испытуемых, а также адекватность их самооценки. Так, большинство испытуемых расположило свои отметки в верхней части шкал, преимущественно в диапазоне от 60 до 75. При этом шкала ума и шкала характера были ключевыми у 72 из 80 респондентов. Полученные данные еще раз подтверждают значимость для испытуемых их интеллектуальных способностей и волевых качеств.

Следует отметить, что сотрудники с высоким уровнем притязаний в тесте «Я-концепции» имеют высокий уровень самокритичности.

Большинство респондентов относительно имиджа сотрудника полиции указали такие ключевые элементы, как «сила», «стойкость духа», «храбрость», «ум», «сообразительность», «выносливость», «честность» и «порядочность». Преимущественно использовались положительные характеристики, из 80 только четверо указали отрицательные: «жадный», «трусливый» либо «глупый». По их мнению, такому отношению общественности способствуют фильмы про «нечистых на руку полицейских». Следует отметить, что респонденты, считающие имидж сотрудника полиции недостаточно авторитетным,

имеют высокий уровень притязаний по шкале Дембо-Рубинштейна и высокий уровень самокритичности по тесту «Я-концепции». Сотрудники с низким уровнем притязаний предъявляют заниженные требования к имиджу сотрудника полиции в целом.

Таким образом, подавляющее большинство качеств, описанных респондентами, как ключевые элементы имиджа сотрудника полиции выступают основополагающими «Я-концепции» основной части опрошенных сотрудников (рис.).

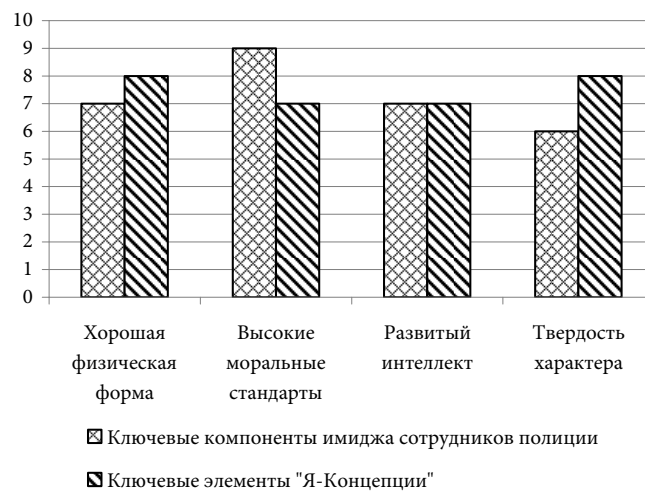

Рис. Соотношение ключевых компонентов имиджа сотрудника полиции и элементов «Я-Концепции»
(Fig. Key components of the image of the police officer and the elements "I-Concept")

Физическую силу и выносливость назвали в качестве основополагающего элемента имиджа сотрудника полиции наряду с силой духа и твердостью характера 17 респондентов.

По результатам теста «Я-концепции» выяснилось, что у 15 из 17 испытуемых, выделивших данные качества, уровень «Физического Я» находится в пределах отметки «выше среднего» либо «высокий».

Как ключевые характеристики имиджа «честность», «верность», «неподкупность» и «справедливость» отметили 19 опрошенных, при этом у 12 из них уровень «Морального Я» достиг значения «высокий», в то время как семеро других наибольший показатель имеют по критерию «Личностное Я» («высокий» либо «выше среднего»).

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. По мнению 87% опрошенных сотрудников полиции, наиболее значимыми элементами их имиджа являются сила (как физическая, так и сила воли, духа) и порядочность. Для них эталоном выступает человек справедливый, неподкупный и непоколебимый при любых обстоятельствах.

2. Сотрудники с высоким уровнем «Физического Я» наиболее значимым элементом имиджа считают силу, в то время как сотрудники, для которых «Моральное Я» и «Личностное Я» более релевантно, — именно нравственные аспекты. Это еще раз подтверждает, что

восприятие сотрудниками своего «Я» отражается на их видении имиджа сотрудника полиции в целом. Развитие «Я-концепции» у них будет способствовать улучшению имиджа сотрудника полиции в целом.

3. Сотрудники с более высоким уровнем самокритичности имеют высокий уровень притязаний, но при этом считают, что имидж сотрудника полиции далек от идеала и не пользуется достаточным авторитетом у общественности. Чем более завышенные требования сотрудник предъявляет к своему личностному «Я», тем, соответственно, больше он ожидает и от своего профессионального «Я».

4. Сотрудники с высоким показателем «Семейное Я» имеют низкий уровень притязаний и предъявляют заниженные требования к имиджу сотрудника полиции в целом. 6 из 8 испытуемых с высоким показателем «Семейное Я» использовали максимально нейтральные формы характеристик имиджа сотрудника полиции. Возможно, это связано с привычкой к компромиссному общению.

Таким образом, те качества, которые респонденты считают ключевыми в имидже сотрудника полиции, развиты в них самих в наибольшей степени. Имидж сотрудника правоохранительных органов зависит от многих факторов, таких как средства массовой коммуникации, кинематограф, литература, стереотипное отношение, складывающееся десятилетиями, но одну из главных ролей в его формировании играет самоопределение сотрудника полиции, то, как он видит себя и как соотносит свое «Я» с окружающим его миром.

Имидж сотрудника полиции — понятие многоаспектное, его психологическое содержание зависит от общественных установок, идеологических и экономических отношений, которые отражают, помимо реальной деятельности по противодействию преступности сотрудников полиции, исторически сложившееся мнение общества о представителях силовых структур.

На наш взгляд, целесообразно разработать комплекс упражнений и тренингов, направленных на улучшение имиджа сотрудников полиции. Такой комплекс должен предполагать помощь в становлении адекватной «Я-концепции», а также стабилизации уровня притязаний через каждый компонент посредством психотерапевтических приемов, а также на основе телесно-ориентированного подхода, который способен особенно эффективно повлиять на критерий «Физическое-Я» респондентов.

Список литературы

1. Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55). С. 18–23.
2. Семик А. А. Психологическая характеристика имиджа сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2000. 26 с.
3. Панасюк А. Ю. Имидж. М., 2012. 769 с.
4. Перельгина Е. Б. Психология имиджа. М., 2002. 224 с.
5. Кобленков А. Ю., Логачев О. В. Взаимоотношения общества и полиции (милиции): отражение в кинематографе общественного мнения и отношения граждан к сотрудникам органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1. С. 116–120.
6. Бозиев А. Т. Информированность граждан как фактор взаимодействия общества с органами внутренних дел // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 8, № 2. С. 63–67.
7. Дадова З. И. К вопросу о поддержании престижа профессии полицейского // Успехи современной науки и образования. 2017. № 5. С. 144–147.
8. Семик А. А. Психологическая природа имиджа сотрудников органов внутренних дел (анализ письменной и обыденной ментальности, экспертного опроса, изучения личных дел, тестирования и наблюдения) // Теория и практика общественного развития. 2007. № 7. С. 80–85.
9. Караяни А. Г., Цветков В. Л. Психология общения и переговоров в экстремальных условиях. М., 2014. 256 с.

Поступила 27.02.2018

UDC 159

Psychology of a Police Officer Image: State and Potential Positive Dynamics

Vyacheslav L. Tsvetkov,

Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Chief of the Department of Juridical Psychology, V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs Moscow, Russia. e-mail: Romashka1957@inbox.ru

Daria A. Anufrieva,

student of V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs Moscow, Russia. e-mail: darja1993@inbox.ru

A negative perception of a police officer by citizens mostly focuses on the sphere of officers' legal consciousness and professional responsibility but not other factors (personal, social) which become secondary ones. An image is one of the main elements of a professional policeman and it comprises a generalized image reflecting its parameters of psychological and professional characteristics. Therefore for a positive image it is important to develop psychological and professional characteristics of a proper perception, create a generalized image of an ideal policeman, a highly qualified professional with developed moral qualities and communicative skills. The analysis of theoretical material on the problem of an image in general and image of a policeman in particular allows the authors to prove its connection with "Self-concept". It is empirically proved how much self-perception of the participants of the experiment devoted to peculiarities of their personality correlates with the concept of an image in their minds. The results show that one of the key roles in building an image of a policeman is played by his self-identification, how he perceives himself and correlates himself with the surrounding world.

Keywords: image of a police officer, "self-concept", level of demands, self-criticism, self-esteem, personal qualities.

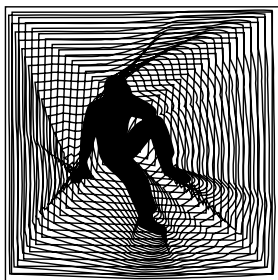
Citation: Tsvetkov V. L., Anufrieva D. A. Psychology of a Police Officer Image: State and Potential Positive Dynamics. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. 23–27. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13004

References

1. Dubnyakova A. I. An Image of a Police Officer as Viewed by Citizens. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 4(55), 2013. Pp. 18–23. (In Russ.)
2. Semik A. A. Psychological Characteristics of a Law Enforcement Officer Image. Extended Abstract of the Candidate of Sciences Dissertation (Psychology). Ryazan, 2000. 26 p. (In Russ.)
3. Panasyuk A. Yu. Image. Moscow, 2012. 769 p. (In Russ.)
4. Pereyagina Ye. B. Psychology of an Image. Moscow, 2002. 224 p. (In Russ.)
5. Koblenkov A. Yu., Logachev O. V. Society and Police (Militia) Relationship: Public Opinion and Citizens' Attitude to Law Enforcement Officers in Cinematography. *Legal Science and Practice. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. No. 1, 2017. Pp. 116–120. (In Russ.)
6. Boziev A. T. Citizens' Awareness as a Factor of Interaction between Society and Law Enforcement Agencies. *Achievements in Modern Science and Education*. No. 2, Vol. 8., 2017. Pp. 63–67. (In Russ.)
7. Dadova Z. I. To the Issue of Maintaining Prestige of Police Profession. *Achievements in Modern Science and Education*. No. 5, 2017. Pp. 144–147. (In Russ.)
8. Semik A. A. Psychological Nature of a Law Enforcement Officer Image (analysis of written and common mentality, expert poll, personal record studies, tests, observance). *Theory and Practice of Social Development*. No. 7, 2007. Pp. 80–85. (In Russ.)
9. Karayani A. G., Tsvetkov V. L. Psychology of Communication and Negotiations under Extreme Conditions. Moscow, 2014. 256 p. (In Russ.)

Submitted 27.02.2018

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ, ПРАВОВАЯ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Educative, legal and preventive work

УДК 343.825 © Э. В. Зауторова, 2018

Особенности психокоррекционной работы с осужденными пожилого и старческого возраста в исправительных учреждениях

Зауторова Эльвира Викторовна,

доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России
Москва, Россия. e-mail: elvira-song@mail.ru

Знание особенностей поведения пожилых осужденных является особо актуальным, так как наблюдается рост преступности лиц указанной категории. При этом сотрудники исправительных учреждений, в том числе и психологической службы, значительно в меньшей степени обращают внимание на осужденных данного возраста. Вместе с тем последние могут создавать определенные трудности в воспитательной работе, своим поведением способствовать нарушению дисциплины, режима содержания в местах лишения свободы, развитию конфликтных ситуаций и формированию напряженной обстановки в коллективе и др. Изучение особенностей поведения пожилых осужденных осуществлялось на базе ФКУ ИК № 1 УФСИН России по Республике Карелия, в эксперименте участвовало 30 пожилых осужденных от 60 до 75 лет. Названная категория осужденных демонстрирует высокие показатели конфликтности (12 человек), проявляя низкую мотивацию к избеганию напряженности в отношениях и поиску оптимального решения в спорных вопросах. В связи с этим возникает необходимость проведения специальной работы с осужденными пожилого и старческого возраста по формированию у них эмоциональной устойчивости, развитию эмпатии, психологической готовности принимать адекватно различные жизненные обстоятельства, уметь находить общий язык с окружающими людьми, проявлять терпение и выдержку. При этом важно использовать разнообразные формы и методы воздействия на осужденных, применять различные психолого-педагогические средства в психокоррекционной работе с ними.

Ключевые слова: исправительные учреждения; характеристика лиц пожилого и старческого возраста; особенности поведения пожилых осужденных; психокоррекционная работа в местах лишения свободы; формы и методы психологического воздействия.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Особенности психокоррекционной работы с осужденными пожилого и старческого возраста в исправительных учреждениях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 28–33. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13005

Для организации эффективного исправительного процесса, а также в целях профилактики правонарушений осужденных важным является изучение индивидуальных социально-психологических особенностей личности. При этом целесообразно выделить категорию осужденных пожилого и старческого возраста. В соответствии с классификацией Всемирной организации здравоохранения к пожилому возрасту относится население в возрасте от 60 до 75 лет, к старческому — от 75 до 90 лет*.

Это самая быстро растущая группа населения. Увеличение удельного веса пожилых лиц, безусловно, должно сказываться на активизации представителей указанной когорты практически во всех сферах жизни. Совершение преступлений не является исключением. Вместе с тем на осужденных данной категории значительно в меньшей степени обращается внимание.

При этом лица пожилого возраста могут создавать определенные трудности в воспитательной работе, своим поведением способствовать нарушению дисциплины, режима содержания в местах лишения свободы, развитию конфликтных ситуаций и формированию напряженной обстановки в коллективе и др.

По мнению Е. И. Холостовой [1], у пожилых людей изменяются привычные жизненные стереотипы, возникают не только материальные, но и психологические трудности. Порой это ведет к возникновению чувства одиночества, ненужности. К тому же в пожилом возрасте отмечаются существенные изменения в самых разных сферах жизни, происходит смена социальных ролей и положения в обществе, что вызвано, прежде всего, прекращением или ограничением трудовой деятельности, пересмотром ценностных ориентиров и т. д. Человек начинает ощущать себя менее сильным, у него сни-

* *Возрастная классификация Всемирной организации здравоохранения.* URL: <https://citifox.ru/2016/05/05/vozrastnaya-klassifikaciya-vsemirnoy/> (дата обращения: 16.12.2017).

жаются память и внимание, ухудшается самочувствие, и это не может не сказываться на настроении и психическом состоянии.

М. Д. Александрова [2] называет старость «возрастом плохой адаптации», которая происходит вследствие различных соматических и психических изменений личности, а также в связи с переменами в семейной жизни и окружающей обстановке. Кроме того, с возрастом у человека ослабевают контроль над своими эмоциями и поведением, снижаются способности понимать чувства и настроения других людей, наблюдается общая эмоциональная неустойчивость. В этот период человек может становиться агрессивным, взрывным и подозрительным, у него возникает тенденция к перекладыванию на других людей собственных претензий и приписыванию им вины за все свои неудачи. Данные состояния усугубляются сложной для жизнедеятельности человека средой исправительного учреждения (однообразие и бедность атмосферы, строгая регламентация жизни, отсутствие общения с близкими людьми и т. д.), вследствие чего пожилые осужденные часто являются участниками конфликтных ситуаций или сами становятся объектом насилия, что создает определенные сложности в исправительном процессе.

Изучением различных аспектов личности пожилых людей занимались В. Л. Ефименко (депрессивные состояния лиц пожилого возраста) [3], О. В. Краснова (психология старения) [4], И. Г. Малкина-Пых (кризисное состояние пожилых людей) [5]. Среди немногочисленных работ в данной предметной области можно отметить исследования М. Э. Елютиной и Т. В. Темаева (поведенческие особенности пожилых осужденных, чей криминальный опыт отмечен многократностью преступных актов и сроков пребывания в исправительном учреждении) [6].

По мнению А. И. Ушатикова и Б. Б. Казака, осужденные пожилого возраста часто имеют большой преступный опыт, консервативную систему взглядов и убеждений. У них происходит существенная перестройка мотивации в связи с ожиданием старости или сопротивлением ее наступлению. Среди них много инвалидов, поэтому цель их жизни сводится, как правило, к удовлетворению физиологических потребностей и заботе о своем здоровье. Они стремятся к жидивенчеству, сами устанавливают себе запреты: «мне нельзя носить тяжести», «мне нельзя далеко ходить» и т. д. Пожилой и старческий возраст характеризуется гипофункцией половых желез, которая сказывается на всех сторонах деятельности организма, в том числе на снижении двигательной активности. Усиливается стремление к сохранению привычной обстановки, негативно воспринимаются перемены [7].

Осужденный самостоятельно не может справиться с различными затруднениями, возникающими у него в соответствии с возрастом. Попадая в места лишения свободы, осужденные постоянно находятся в ожидании отрицательных событий, внутренних противоречий, испытывают сильное психоэмоциональное напря-

жение, способствующее развитию дезадаптации, что в значительной степени осложняет исправительный процесс [8, с. 76].

В связи с этим появляется необходимость проведения специальной работы с осужденными пожилого и старческого возраста по снижению у них уровня конфликтности, формированию эмоциональной устойчивости, развитию эмпатии, психологической готовности принимать адекватно различные жизненные обстоятельства, уметь находить общий язык с окружающими людьми, проявлять терпение и выдержку. При этом важно использовать разнообразные педагогические формы и методы, применять различные психологические средства в психокоррекционной работе с лицами данной категории.

В целях изучения поведения пожилых осужденных, а в дальнейшем психологической его коррекции нами было проведено исследование на базе ФКУ ИК № 1 УФСИН России по Республике Карелия. В колонии содержатся лица, которые уже неоднократно отбывали наказание в местах лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, осужденные при рецидиве преступлений и опасном рецидиве преступлений. Исследование проходило в период с 11 января по 20 февраля 2016 г.; на момент проведения исследования в колонии отбывало 896 осужденных, из них 93 осужденных пожилого возраста; в эксперименте участвовали 30 пожилых осужденных от 60 до 75 лет.

На начальном этапе работы нас интересовали пожилые, обнаруживающие явные признаки деструктивного поведения. Так, на первой ступени исследования проводился анализ личных дел и возрастных особенностей осужденных в целях отбора их в экспериментальную группу. На второй — анкетный опрос по изучению поведения пожилых осужденных. На третьей ступени осуществлялись психодиагностическое исследование с помощью методики «ЛАК» («Личностная агрессивность и конфликтность»; авторы-разработчики Е. П. Ильин, П. А. Ковалев [9]) и опрос осужденных. Четвертая ступень включала изучение полученных данных. Пятая — это подбор и апробация различных психолого-педагогических средств, форм и методов воздействия на осужденных.

Исследование по методике «ЛАК» (табл. 1) обнаружило высокие показатели конфликтности пожилых осужденных по таким шкалам, как «вспыльчивость», «обидчивость», «бескомпромиссность» и «подозрительность», что говорит о готовности испытуемых к проявлению негативных эмоций при малейшем возбуждении (раздражение, гнев, грубость), пониженном самоконтроле, повышенной чувствительности к действительной или мнимой несправедливости, к критике и замечаниям со стороны окружающих, недостаточному вниманию и признанию личных заслуг и достижений. У них отсутствует стремление урегулировать несогласие, уступая в чем-то в обмен на уступки другого, проявляется низкая мотивация к избеганию напряженности в отношениях и поиску оптимального решения в спорных вопросах, они не доверяют людям и не верят в их искренность и честность.

Таблица 1. Результаты исследования по методике, определяющей личностную агрессивность и конфликтность (n = 30), баллы
(Table 1. The results of the research methodology, defining personal aggressiveness and conflict (n = 30))

Испытуемые (осужденные 60–75 лет)	Шкалы										
	Вспыльчивость	Наступательность	Обидчивость	Неуступчивость	Бескомпромиссность	Мстительность	Нетерпимость к мнению других	Подозрительность	Позитивная агрессивность	Негативная агрессивность	Конфликтность
1	4	5	4	7	6	2	6	6	6	4	5
2	5	5	5	5	7	5	5	7	5	5	6
3	7	6	4	3	7	4	6	6	5	5	6
4	5	6	8	6	6	5	5	7	6	5	7
5	6	7	9	6	6	5	6	8	6	6	7
6	6	9	7	4	5	2	4	4	7	3	5
7	8	8	10	8	5	3	7	8	8	5	8
8	6	7	7	5	4	7	8	7	6	7	6
9	7	7	5	2	3	6	8	8	6	7	6
10	9	7	9	9	5	7	4	8	8	6	8
11	8	7	6	5	8	6	6	8	6	6	8
12	3	4	4	5	6	4	4	5	5	4	5
13	6	4	7	7	6	2	6	5	6	4	6
14	9	6	8	9	8	6	7	9	8	7	9
15	5	6	8	7	5	4	5	6	6	5	6
16	6	6	5	2	2	3	6	5	4	5	5
17	5	5	9	6	9	6	9	9	6	8	8
18	6	7	7	7	6	5	5	5	7	5	6
19	5	5	8	3	5	3	8	3	4	6	5
20	9	9	10	3	8	2	5	10	10	4	9
21	5	6	6	6	2	6	8	7	6	7	5
22	8	5	6	5	4	7	6	7	5	7	6
23	4	5	5	4	6	3	5	6	5	4	5
24	5	4	4	3	6	5	6	5	4	5	4
25	9	7	7	6	7	7	9	9	7	8	8
26	8	5	9	6	9	7	7	10	6	7	9
27	5	6	5	4	3	4	4	5	5	4	5
28	9	4	10	8	9	6	6	9	6	6	9
29	6	5	6	4	7	8	5	4	5	6	7
30	9	6	10	8	4	8	4	10	7	6	9

Для выяснения того, что побуждает пожилых осужденных к деструктивному поведению, был проведен опрос (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что респонденты (17 чел.) чаще отмечали «ругань, брань, оскорбления». Это значит, что большая часть осужденных в связи с режимными требованиями демонстрирует готовность к проявлению негативных чувств, вступает в конфликт при помощи вербального выражения негативных эмоций, самого используемого способа в среде исправительного учреждения. Вариант ответа «физическое насилие» выбрали 4 человека. Это свидетельство того, что испытуемые проявляют недоверие к людям и убеждены в том, что

другие люди приносят вред; они чаще всего отстаивают свои интересы и убеждения, любыми способами стараются достичь желаемого, в том числе применяя физическую силу. Ответ «отчуждение (уход в себя)» отметили 4 человека. Это говорит о том, что они не готовы приносить в жертву собственные интересы ради интересов другого человека, не намерены эффективно разрешать конфликтную ситуацию. Ответ «неоказание помощи (безразличие)» указали 3 осужденных, которые не готовы ущемлять свои права и идти на уступки оппоненту, даже при неоказании им помощи. Ответ «негативное отношение к окружающим» выбрали 2 человека, что позволяет судить о проявлении упорства и настойчивости

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие виды конфликтных проявлений Вам приходилось чаще всего наблюдать в местах лишения свободы?»
(Table 2. Distribution of answers to the question: «What types of conflict manifestations You had often to observe in places of deprivation of liberty?»)

Варианты ответов	Количество
Физическое насилие	4
Ругань, брань, оскорбления	17
Неоказание помощи (безразличие)	3
Негативное отношение к окружающим	2
Отчуждение (уход в себя)	4

в отстаивании своих интересов, о стремлении всеми возможными способами добиваться своих целей, они не идут на уступки и не пытаются сгладить напряженную ситуацию, а лишь усугубляют ее.

На вопрос: «Удовлетворяет ли Вас эффективность управления и профилактики конфликтов в учреждении?» — 14 человек ответили «нет», 11 — «частично удовлетворяет», всего лишь 5 — «да». Отсюда можно констатировать, что в исправительном учреждении недостаточно развита профилактика деструктивного поведения лиц пожилого возраста.

В связи с этим нами были отобраны и частично апробированы различные психокоррекционные формы и методы работы с пожилыми осужденными. Так, эффективным оказалось использование диалоговых методов (групповая беседа, дискуссия). Общение в ходе дискуссии побуждает пожилых осужденных искать различные способы для выражения своих мыслей, повышает восприимчивость к новым сведениям, новой точке зрения, побуждает стремление к пониманию позиции собеседника и аргументации собственного мнения. В коррекционной работе с осужденными представляется целесообразным использовать такие методы, как творческая визуализация (для анализа причин того или иного поведения), мозговой штурм (при поиске альтернатив), автоматическая запись (для выяснения собственных реакций на те или иные возможности), мысленное представление (может помочь спросить самого себя и получить от внутреннего голоса совет в отношении выбора), мысленный контроль или техника волевого мышления (для выработки достаточной внутренней мотивации или контроля в целях реализации новых решений).

Эффективным является и метод медитации. Миссия медиатора (посредника) — оказать помощь в восстановлении отношений. Метод помогает людям высказывать свои претензии, обиды, проанализировать причины сложившейся ситуации, оценить свою позицию. Положительным результатом этой деятельности будет выработка устраивающего обе стороны оптимального решения по существу спора [10].

Аутогенная тренировка включает в себя комплекс упражнений, направленных на повышение возможности саморегуляции исходно произвольных функций организма пожилого осужденного. Здесь первоначально путем самовнушения достигается расслабление тону-

са мускулатуры — релаксация, затем в этом состоянии проводятся самовнушения, направленные на различные функции организма; нормализуются высшая нервная деятельность, эмоциональная сфера, усиливаются волевые способности человека. Умение расслабляться поможет снять или уменьшить эмоциональное напряжение пожилому осужденному, а также получить полноценный отдых за короткий промежуток времени.

В работе с пожилыми людьми эффективно применение методов когнитивно-поведенческой психотерапии (или моделирование поведения), базирующихся на внутренней переработке информации и являющихся обучающим процессом, обеспечивающим клиента новым опытом. Психотерапевтическая работа с пожилыми людьми осложняется тем фактом, что их иррациональные установки, обусловленные депрессивным состоянием, накладываются на социальные стереотипы восприятия, характерные для старости. В связи с этим полезен прием моделирования ситуаций в ролевых играх. С помощью ролевых игр у пожилых людей формируются новые модели поведения в ситуациях межличностного взаимодействия, расширяется гибкость поведения благодаря возможности принимать на себя роли разных участников в конкретных ситуациях общения, создаются условия для осознания и коррекции собственных неадекватных поведенческих моделей. Ролевая игра — это одно из средств, дающих толчок развитию социально-психологической компетентности личности [11], она представляет собой метод воздействия, при котором пожилой человек расширяет функции общения, обеспечивает реализацию личностных потребностей.

Здесь можно рекомендовать разработанную С. Г. Прокопьевой психокоррекционную программу для людей пожилого возраста, цель которой — восстановление и поддержка утраченных возможностей пожилых людей, помощь в сохранении активности, адаптации к происходящим событиям [12]. Это важно в работе с лицами пожилого возраста, когда они менее адаптированы к условиям изоляции, более раздражительны и ощущают состояние безысходности. Участие в мероприятиях позволяет приобрести душевное равновесие, осуществить профилактику имеющихся заболеваний сердечно-сосудистой, дыхательной и нервной систем, а также привести в гармонию душевное и психическое состояние. Оздоровительные мероприятия, особенно если они связаны с общением людей, не только сохраняют физическую форму, но и создают предпосылки высокой социальной активности, что в свою очередь способствует снижению уровня деструктивного поведения пожилых людей.

Одна из острых проблем пожилых людей — одиночество. Под воздействием психологических и социальных травм блокируется возможность проявления коммуникативной компетентности пожилого человека. Блокировка нарушает проявление субъективности личности в общении, ведет к фрустрации, деформации отношений пожилого человека с другими людьми. Устранение деструкции может обеспечить комплексная

психотерапия, синтезирующая все три основных уровня общения: межличностный, личностно-групповой и личностно-социальный. Для этого необходимо, чтобы психика пожилого человека перешла в режим рефлексивного функционирования.

Эта технология работает, если включается в действие механизм рефлексии, но для его ввода необходима аффективная разрядка — катарсис. Методом, формирующим катарсис личности через импровизационно-ролевое взаимодействие личности с группой, является психодрама. Использование психодрамы корректирует коммуникативные нарушения пожилого человека, делая его жизнь полноценной [13]. Кроме того, представляется эффективным применение метода сказкотерапии, использующего форму для интеграции личности, развития творческих способностей, расширения сознания, совершенствования взаимодействия с окружающим миром; это процесс самостоятельного написания сказок и обсуждение существующих [14]. В ходе работы со сказкой проявляются социальные установки и архетипы, выходят наружу переживания и тревоги, а также выявляются и активизируются актуальные желания и намерения человека на данном этапе жизни (т. е. можно увидеть, какие в настоящий момент у осужденного тревоги, основные переживания). В результате создаются благоприятные условия, в которых клиент практически самостоятельно находит решение своих жизненных трудностей и проблем.

Как считает М. К. Тутушкина, увеличение количества положительных впечатлений — главное направление регуляции эмоционального состояния пожилого человека. Прослушивание музыкальных произведений, чтение, интерес к окружающей действительности — все это источники повышения тонуса мозга, а следовательно, работоспособности и настроения. Самое сильное тонизирующее влияние оказывают эмоции, полученные от интеллектуальной работы [15]. При этом желательно использовать различные приемы психогимнастики: физические упражнения, дыхательную гимнастику, массаж и т. д. Во время несложных физических упражнений у участников появляется чувство независимости и, как следствие, повышение самооценки, поднимается общий фон настроения, что благоприятно сказывается на общем самочувствии [16].

Подводя итог, отметим следующее.

1. Сегодня в местах лишения свободы отбывают наказание осужденные пожилого (60–75 лет) и старческого (75–90 лет) возраста. При этом наблюдается рост преступности среди лиц данной категории, в связи с чем особо актуальным является знание особенностей их поведения.

2. Такие осужденные требуют повышенного внимания со стороны сотрудников исправительного учреждения, так как могут создавать определенные сложности в воспитательной работе в связи с индивидуально-психологическими особенностями, обусловленными возрастом (конфликтность, агрессивность, тревожность, неадекватная самооценка и др.).

3. Результаты изучения особенностей поведения пожилых осужденных (эксперимент осуществлялся на базе ФКУ ИК № 1 УФСИН России по Республике Карелия) демонстрируют высокие показатели их конфликтности, низкую мотивацию к избеганию напряженности в отношениях и поиску оптимального решения в спорных вопросах. Опрос показал, что большинство осужденных не удовлетворяет эффективность управления и профилактики конфликтов в исправительном учреждении. В связи с этим появляется необходимость проведения специальной работы с осужденными изучаемой категории.

4. Психокоррекционная работа с осужденными пожилого и старческого возраста должна быть направлена на обучение их социально адаптивным формам поведения и адекватным способам эмоционального реагирования, уменьшения социальных страхов в различных жизненных ситуациях. Для этого необходимо использовать разнообразные психологические средства, формы и методы, что будет способствовать повышению эффективности исправительного процесса в местах лишения свободы.

5. В целях коррекции негативных проявлений у осужденных указанного возраста целесообразно использовать диалоговые методы, приемы психогимнастики, аутогенной тренировки, методы медитации, психодрамы, сказкотерапии и т. д. Целесообразно также включать осужденных в специально разработанные психокоррекционные программы для восстановления и поддержки утраченных возможностей пожилых людей, оказания помощи им в сохранении активности и адаптации к происходящим событиям.

Список литературы

1. Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2003. 295 с.
2. Александрова М. Д. Старение: социально-психологический аспект // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М., 2003. С. 177–182.
3. Ефименко В. Л. Депрессии в пожилом возрасте. Л., 1975. 184 с.
4. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Психология старости и старения : хрестоматия. М., 2003. 416 с.
5. Малкина-Пых И. Г. Возрастные кризисы пожилого. URL: http://www.studmed.ru/malkina-pyh-ig-vozzrastnye-krizisy-spravochnik-prakticheskogo-psihologa_a3f020dc206.html (дата обращения: 11.12.2016).
6. Елютина М. Э., Темаев Т. В. Поведенческие особенности пожилых осужденных. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_4/Elutina.pdf (дата обращения: 19.11.2015).
7. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии. URL: http://www.studmed.ru/ushatikov-ai-kazak-bb-osnovy-penitenciarnoy-psihologii_c81e0ccf9_8f.html (дата обращения: 18.11.2017).
8. Бабуринов С. В., Зауторова Э. В. Работа пенитенциарного педагога-психолога с негативными эмоциональными состояниями осужденных в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 76–79.
9. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность». URL: <https://psy.wikireading.ru/65040> (дата обращения: 14.12.2017).

10. Ricard M. L'Art of meditation. URL: <https://lsmusic.ru/download/iZwnXj0Ck1k/matthieu-ricard-the-art-of-meditation> (дата обращения: 14.12.2017).

11. Mead G. H. Play, the Game, and the Generalized Other // Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist (Edited by Charles W. Morris). Chicago: University of Chicago, 1934. P. 152–164.

12. Прокопьева С. Г. Опыт применения здоровьесберегающих технологий для граждан пожилого возраста и инвалидов в условиях дома-интерната // Вестник социального обслуживания Югры. 2017. № 1(11). С. 26–29.

13. Шутценбергер А. А. Психодрама. М., 2007. 448 с.

14. Логинова О. И. Сказкотерапия в работе с детьми и взрослыми. URL: <http://olga29011.narod.ru/skazkoterap.html> (дата обращения: 18.03.2016).

15. Тутушкина М. К. Психологическая помощь и консультирование в практической психологии. URL: http://www.studmed.ru/tutushkina-mk-psihologicheskaya-pomosch-i-konsultirovanie-v-prakticheskoy-psihologii_7c4d7122d16 (дата обращения: 18.03.2016).

16. Захарченко А. О. Групповая психологическая работа с людьми пожилого возраста // Социальное обслуживание детей и семей : науч.-метод. сб. 2016. Вып. 9. С. 209–216.

Поступила 20.11.2017

UDC 343.825

Peculiarities of Psycho-correction of Elderly Convicts in Correction Facilities

Elvira V. Zatorova,

Doctor of Pedagogical Sciences, leading researcher, federal state budgetary institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service Moscow, Russia. e-mail: elvira-song@mail.ru

Knowledge of elderly convicts' behavioural peculiarities is particularly relevant as the crime committed by people of this category has increased. Officers of correction facilities including psychology departments pay less attention to the convicts of this age group. Meanwhile the latter can create certain difficulties in educative work, their behaviour can cause violations of discipline, regime regulations in prisons, develop conflict conditions and tense atmosphere in the unit etc. Behavioural peculiarities of elderly convicts was studied in penal colony No. 1 of the Russian Federal Penitentiary Service in Karelia. The experiment was conducted among thirty elderly convicts aged 60-75. This category of convicts shows high level of conflict inclinations (12 people), they are not motivated to avoid tense relations and seek for an optimal decision in disputes. In this regard it is necessary to carry out special work among elderly convicts to build emotional stability, develop empathy, psychological state to adequately accept various life circumstances, learn to find common language with the people around, acquire patience and self-control. It is significant to employ various forms, methods of influencing convicts and different psycho-pedagogical means in psycho-correction.

Keywords: correction facilities; characteristics of elderly people; behavioural characteristics of elderly convicts; psycho-correction conducted in correction facilities; forms and methods of psychological influence.

Citation: Zatorova E.V. Peculiarities of Psycho-correction of Elderly Convicts in Correction Facilities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. 28–33. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13005

References

1. Kholostova Ye. I. Social Work among Elderly. Moscow, 2003. 295 p. (In Russ.)
2. Aleksandrova M. D. Aging: Social and Psychological Aspect. Psychology of Old Age and Aging. Krasnova O. V., Liders A. G. Moscow, 2003. Pp. 177–182. (In Russ.)
3. Efimenko V. L. Depressions in Old Age. Leningrad, 1975. 184 p. (In Russ.)
4. Krasnova O. V., Liders A. G. Psychology of Old Age and Aging. Moscow, 2003. 416 p. (In Russ.)
5. Malkina-Pykh I. G. Age-related Crises of an Old Age. http://www.studmed.ru/malkina-pyh-ig-vozzrastnye-krizisy-spravochnik-prakticheskogo-psihologa_a3f020dc206.html. (accessed 11.12.2016).
6. Elyutina M. E., Temaev T. V. Behavioural Peculiarities of Elderly Convicts. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_4/Elutina.pdf (accessed 19.11.2015).
7. Ushatkov A. I., Kazak B. B. Basics of Penitentiary Psychology. http://www.studmed.ru/ushatkov-ai-kazak-bb-osnovy-penitenciarной-psihologii_c81e0ccf98f.html (accessed 18.11.2017).
8. Baburin S. V., Zatorova E. V. Work of Penitentiary Pedagogue-Psychologist on Convicts' Negative Emotions in Correction Facilities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(66), 2016. Pp. 76–79. (In Russ.)
9. Ilyin E. P. Motivation and Motives. Method “Personal Aggressiveness and Proneness to Conflict”. <https://psy.wikireading.ru/65040>. (accessed 14.12.2017).
10. Ricard M. L'Art of Meditation. <https://lsmusic.ru/download/iZwnXj0Ck1k/matthieu-ricard-the-art-of-meditation>. (accessed 14.12.2017).
11. Mead G. H. Play, the Game, and the Generalized Other. Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist (Edited by Charles W. Morris). Chicago, 1934. Pp. 152–164.
12. Prokopieva S. G. Experience of Using Health-friendly Technologies among Elderly People and Disabled in Nursing Homes. *Bulletin of Yugra Social Service*. No. 1(11), 2017. Pp. 26–29. (In Russ.)
13. Shutsenberger A. A. Psychodrama. Moscow, 2007. 448 p. (In Russ.)
14. Loginova O. I. Fairy-tale Therapy for Children and Adults. <http://olga29011.narod.ru/skazkoterap.html>. (accessed 18.03.2016).
15. Tutushkina M. K. Psychological Support and Consulting in Practical Psychology. http://www.studmed.ru/tutushkina-mk-psihologicheskaya-pomosch-i-konsultirovanie-v-prakticheskoy-psihologii_7c4d7122d16. (accessed 18.03.2016).
16. Zakharchenko A. O. Group Psychological Work with Elderly People. Social Maintenance for Children and Families. Issue No. 9, 2016. Pp. 209–216. (In Russ.)

Submitted 20.11.2017

Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел

Бучакова Марина Александровна,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: bm290163@mail.ru

Дизер Олег Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: dizer77@mail.ru

Вопросы духовного и нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел неразрывно связаны с формированием личности в целом. На мировоззрение оказывают воздействие не только существующие социальные институты в виде семьи, школы, образовательных учреждений правоохранительных органов, но и трансформация общественных отношений, проблемы в различных сферах жизнедеятельности общества. Актуальность проблематики возрастает в условиях глобализации общества, возникновения новых угроз и вызовов, возникающих в современном мире. Совокупность нравственных принципов есть сокровенная область человеческого существования, не допускающая и не терпящая прямого вмешательства в нее государственной власти. Однако это не означает, что государство не должно касаться этой сферы. Деятельность, осуществляемая органами публичной власти во взаимодействии с гражданским обществом по воспитанию и формированию поведения граждан, проводится в соответствии с определенными требованиями, включающими устранение последствий факторов, негативно влияющих на нравственную сферу личности.

Ключевые слова: органы внутренних дел; нравственное воспитание; патриотизм; формирование поведения.

Для цитирования: Бучакова М. А., Дизер О. А. Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 34–37. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13006

Духовное и нравственное воспитание будущего сотрудника органов внутренних дел является составной частью формирования личности в целом. Становление сотрудника органов внутренних дел происходит в условиях функционирования конкретного государства. На формирование его мировоззрения оказывают воздействие не только существующие социальные институты в виде семьи, школы, специализированных учебных учреждений, но и трансформация общественных отношений, имеющиеся проблемы в различных сферах жизнедеятельности общества: экономической, социальной, культурной и иных. Справедливо замечает А. А. Тогин: «Нравственность наиболее полно отражает уровень развития конкретной нации, народности, общества и государства, поскольку ее нормы складываются на протяжении многих веков под воздействием исторических, культурных, национальных, религиозных и иных условий. Выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, указанные правила выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующую функции» [1, с. 13].

Актуальность проблематики нравственного и духовного воспитания усиливается в условиях глобализации общества, развития системы Интернет и возникновения новых угроз и вызовов, возникающих в современном мире. Усиливающаяся международная напряженность, рост преступлений террористической и экстремистской направленности неразрывно связаны с воздействием на

мировоззренческие и нравственно-духовные устои, прежде всего, молодежи. Президент РФ В. В. Путин подчеркнул: «От того, как мы воспитываем молодежь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить себя саму. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, в то же время сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке»¹. В связи с этим проблемы формирования духовно-нравственных основ общества являются одним из важных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере духовных отношений. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности (далее — Стратегия), где приоритетным направлением государственной культурной политики России обозначено «укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Применительно к личности сотрудника органов внутренних дел устанавливаются повышенные требования к его нравственным качествам, что обусловлено характером выполняемых функций, необходимостью постоянного взаимодействия с населением, обязанностью обеспечивать защиту прав и свобод граждан. На законодательном уровне установлены особые требования к сотрудникам, проходящим службу в органах внутренних дел, к их личным качествам. Одновременно сотруд-

---

¹ URL: <https://topwar.ru/18871-vladimir-putin-zadaetsya-voprosami-nravstvennosti-i-patriotizma-v-rossii.html> (дата обращения: 15.01.2018).

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ники полиции добровольно возлагают на себя обязанность соответствовать предъявляемым требованиям, добросовестно исполнять установленные обязанности и соблюдать запреты. В частности, согласно ст. ст. 10, 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти³.

Как нами неоднократно отмечалось, честь, достоинство, репутация для сотрудника правоохранительных органов важные качества, которые выступают нравственными, этическими категориями. Нравственность, мораль, обладая качествами социально-правового феномена, характеризуют уровень развития социума, выступают объяснительной моделью поведения в обществе, основополагающей парадигмой цивилизационных процессов. Они, будучи видами социальных норм, являются регуляторами общественных отношений [2; 3].

В российском законодательстве отсутствует определение понятий «нравственность», «мораль», «патриотизм», и в то же время несколько десятков федеральных законов регулируют вопросы, касающиеся нравственности. Следует согласиться с А. А. Гогиним в том, что «нравственность, ее нормы, выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующую функции» [1, с. 14].

В. С. Соловьев понимает нравственность как «действительный нравственный порядок, выражающий, безусловно, должное и, безусловно, желательное отношение каждого ко всему и всего к каждому» [4, с. 281]. В. С. Нерсисянц, характеризуя мораль и нравственность, выделял в последней две составляющие: личностную, т. е. субъективное усмотрение субъекта по поводу определенного поведения и его этической оценки, и объективную, т. е. господствующую в социуме систему этических ценностей, норм и принципов [5, с. 39–40].

Нравственные устои человека, прежде всего, явления внутренней (духовной) жизни, однако они одновременно подвержены внешнему воздействию. Государственные органы располагают лишь мерами внешнего воздействия, которые не могут быть средством влияния на нравственность индивидуума. При этом нравственность общества и государства зависит от нравственности отдельных индивидов, точно так же и нравственность конкретного человека зависит от нравственного состояния общества, в котором он находится.

Область нравственных принципов есть сокровенная область человеческого существования, не допускающая и не терпящая прямого вмешательства в нее государственной власти. Но из этого не следует, что государство должно относиться к явлениям нравственной области с полным безучастием. Наоборот, государство, стремящееся к решению разносторонних задач культурного развития, не может и не должно игнорировать общественную нравственность, уровень которой служит показателем большей или меньшей культуры данного общества. Деятельность, осуществляемая органами публичной власти во взаимодействии с гражданским обществом по воспитанию и формированию поведения граждан, проводится в соответствии с определенными требованиями, включающими и устранение последствий факторов, негативно влияющих на нравственность.

По мнению известного дореволюционного ученого И. Е. Андреевского, обеспечение необходимых условий нравственного воспитания может быть достигнуто с помощью деятельности государства, а именно следующих ее направлений:

- 1) надлежащая политика, осуществляемая правительством;
- 2) правительственный надзор за воспитанием малолетних;
- 3) устранение с помощью правительственных и общественных мер соблазнов, вредящих чистоте нравов;
- 4) принятие мер для исправления таких малолетних, которые в безнравственных или преступных поступках проявили слабое нравственное развитие и должны пройти надлежащую школу нравственности [6, с. 6].

Одна из главных задач государства — обеспечение условий нравственного благосостояния общества. В связи с этим важным является «создание духовной среды, способствующей гуманизации общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности человека» [7, с. 196]. Государство не в состоянии оказывать прямое воздействие на индивидуальную нравственность, поэтому оно и не может брать на себя задачу нравственного воспитания своих граждан при помощи принудительных мер. Но оно вполне может оказывать косвенное воздействие на нравственность, влияя, с одной стороны, на ее факторы, с другой — на внешние проявления нравственных принципов. Нет сомнения, что одним из важнейших факторов нравственного развития индивидуума служат условия его воспитания и образования; следовательно, содействуя широкому развитию воспитательных и образовательных учреждений, государство этим самым может содействовать нравственному воспитанию народа. Внутренние нравственные принципы выражаются во внешних поступках, действиях, и именно внешние проявления нравственности или безнравственности вполне доступны воздействию государства [8, с. 287–288].

Деятельность полиции основана на нравственных принципах — гуманизма, законности, справедливости,

³ Там же.

объективности, что порождает определенные требования к личным качествам сотрудника, необходимым в его профессиональной деятельности. Представляя публичную власть, полицейский постоянно находится в тесном контакте с членами гражданского общества. В достаточной мере результативность деятельности полиции определяется эффективностью такого взаимодействия, основу которого составляет уровень доверия населения к власти [9].

В формировании личностных качеств, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел, значительная роль отводится системе образования, составной частью которой выступает воспитание. Большое значение придается патриотическому воспитанию — одной из составляющих духовного, нравственного воспитания. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 принята государственная программа «Патриотическое воспитание», где выделяется несколько его направлений. Это духовно-нравственное (подразумевает и достойное служение России), гражданско-патриотическое (предполагает появление и укрепление «гордости за сопричастность к выдающимся деяниям предков и их традициям») и военно-патриотическое воспитание (включает в себя увековечение памяти о воинах и гордость за вооруженные силы РФ). Все перечисленные направления патриотического воспитания входят в блок духовно-нравственных ценностей. Об этом свидетельствует текст программы: «Совершенствование и развитие успешно зарекомендовавших себя форм и методов работы по патриотическому воспитанию включает в себя: содействие укреплению и развитию общенационального сознания, высокой нравственности, гражданской солидарности россиян, воспитание у граждан чувства гордости за исторические и современные достижения страны, уважения к культуре, традициям и истории населяющих Россию народов, улучшение межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитание граждан в духе уважения к Конституции Российской Федерации, законности, нормам социальной жизни, содействие созданию условий для реализации конституционных прав человека, его обязанностей, гражданского и воинского долга». В современных условиях особый характер приобретает воспитательная работа среди будущих сотрудников органов внутренних дел, направленная на формирование патриотических качеств.

В ноябре 2017 г. в Госдуму был внесен законопроект о патриотическом воспитании в РФ. В данном документе понятие «патриотизм» определяется как «нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества», а Отечество — это «Россия, родная для че-

ловека, социальной, национальной или региональной общности людей страна, принадлежность к которой они воспринимают как необходимое условие своего достойного существования и полноценной самореализации»⁴. Несмотря на противоречивые отзывы об этом законопроекте, ценность представляет терминологическое обоснование названных категорий, позволяющее использовать их в практической деятельности подготовки сотрудника органов внутренних дел.

В целом нравственно-духовные ценности становятся значимым фактором государственного развития [10, с. 17]. Утверждение Стратегии, а также принятие государственной программы патриотического воспитания, безусловно, влечет понимание общественной нравственности и осознание ее как основополагающей идеи, выступающей в роли некоего фундамента, необходимого условия дальнейшего гармоничного развития государства и общества, способствующего развитию толерантности, миролюбия, культуры межнациональных отношений. Что касается сотрудников органов внутренних дел, то высокие нравственные начала, включающие такие качества, как порядочность, честность, самоотверженность, готовность прийти на помощь, должны быть их отличительными свойствами. Нравственное и духовное воспитание — обязательная составляющая образовательной деятельности, в том числе и в системе МВД России [11, с. 3].

Список литературы

1. Гогин А. А. К вопросу о защите нравственности как фундаментальной социальной ценности // История государства и права. 2015. № 13. С. 14–18.
2. Буцакова М. А., Дизер О. А. Категория нравственности как объект правового регулирования: теоретические вопросы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 18. С. 19–22.
3. Буцакова М. А., Дизер О. А. Правовая защита чести и достоинства сотрудника органа внутренних дел // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXII междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 2017. Т. 2. С. 118–121.
4. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. 892 с.
5. Нерсесянц В. С. Право в системе социальной регуляции (история и современность). М., 1986. 63 с.
6. Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1876. Т. 2. 727 с.
7. Миролюбова Л. Р. Проблемы духовного кризиса России и пути выхода из него // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4(25). С. 196–198.
8. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. СПб., 1903. 499 с.
9. Буцакова М. А., Дизер О. А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 16–17.
10. Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М., 1974. 157 с.
11. Аплетав М. Н. Система воспитания нравственной личности в процессе обучения. Омск, 1998. 256 с.

Поступила 25.12.2017

⁴ URL: <http://gazeta.ru/social/2017/11/15/10988072.shtml> (дата обращения: 30.12.2017).

Law Enforcement Officers' Spiritual and Moral Education

Marina A. Buchakova,

Doctor of Sciences (Law), Associate-Professor, Chief of the Constitutional and International Law Department, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: bm290163@mail.ru

Oleg A. Dizer,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor, Chief of the Science and Research Department, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: dizer77@mail.ru

Issues of spiritual and moral education of law enforcement officers are closely connected with the formation of a person as a whole. The world outlook is influenced not only by existing social institutions such as family, school, law enforcement educational institutions, but also by transforms of social relations and problems in different spheres of life activity of the society. The relevance of the problem increases under globalization of the society, new threats and challenges arising in the modern world. The sphere of moral principles is the innermost area of human existence which neither allows nor bares direct interference from the state government. However, it does not mean that the state must not interfere in this sphere. Public authorities activity related to interaction with the civic society aiming to educate and form citizens' behaviour is performed according to certain requirements including elimination of consequences of factors which negatively influence personal moral sphere.

Keywords: law enforcement agencies; moral education; patriotism; forming behaviour.

Citation: Buchakova M. A., Dizer O. A. Law Enforcement Officers' Spiritual and Moral Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 34–37. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13006

References

1. Gogin A. A. To the Issue of Protecting Morality as a Fundamental Social Value. *State and Law History*. No. 13, 2015. Pp. 14–18. (In Russ.)
2. Buchakova M. A., Dizer O. A. Category of Morality as the Object of Legal Regulation: Theoretical Issues. *Altai Law Journal*. No. 18, 2017. Pp. 19–22. (In Russ.)
3. Buchakova M. A., Dizer O. A. Legal Protection of a Law Enforcement Officer Honour and Dignity. Materials of the 22nd International Science-to-practice Conference. In two volumes. Irkutsk, 2017. Pp. 118–121. (In Russ.)
4. Solovyev V. S. Justification of Good. In 2 volumes. Vol.2. Moscow, 1988. 892 p. (In Russ.)
5. Nersesyants V. S. Law in the System of Social Regulation (History and Present). Moscow, 1986. 63 p. (In Russ.)
6. Andreevsky I. E. Police Law. St Petersburg, 1876. Vol. 2. 727 p. (In Russ.)
7. Mirolyubova L. R. Problems of Spiritual Crisis in Russia and Solutions to it. *The Bulletin of the Volga Region Academy of Public Service*. No. 4(25), 2010. Pp. 196–198. (In Russ.)
8. Deryuzhinsky V. F. Police Law. St Petersburg, 1903. 499 p. (In Russ.)
9. Buchakova M. A., Dizer O. A. Protection of Honour, Dignity and Professional Reputation of Law Enforcement Officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70), 2017. Pp. 16–17. (In Russ.)
10. Guseynov A. A. Social Nature of Morality. Moscow, 1974. 157 p. (In Russ.)
11. Apletaev M. N. System of Cultivating Moral Person in the Course of Studies. Omsk, 1998. 256 p. (In Russ.)

Submitted 25.12.2017

Теоретические основания профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних

Чуносов Михаил Александрович,

кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия
e-mail: voker.rb.sas@gmail.com

Социальные проблемы в обществе актуализируют процессы, направленные на решение задач по борьбе с преступностью, реализация которых трансформируется в сфере профилактики правонарушений, являющейся предметом юридической, психологической и педагогической наук. Существуют теоретические проблемы, затрудняющие качественную практическую реализацию профилактических мероприятий. В статье рассматриваются субъекты профилактики правонарушений, анализируются отдельные положения теории социального контроля, теории культурных девиаций и теории стигмации, бихевиористической теории, психологической теории деятельности и теории функциональных систем, которые служат теоретическим основанием профилактики делинквентного поведения.

Ключевые слова: правонарушение; делинквентное поведение; теоретическая концепция; субъект профилактики; сотрудник полиции; несовершеннолетние; профилактика делинквентного поведения.

Для цитирования: Чуносов М. А. Теоретические основания профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 38–42. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-13007

Одной из постоянных проблем человечества выступает преступность, которая снижает уровень общественного порядка и отрицательно влияет на моральные устои. Преступность как социальное явление охватывает широкий спектр социальной жизни и выражается в деформации личности как лиц, совершивших правонарушения, так и пострадавших от них. Обострение старых и возникновение новых социальных проблем в обществе актуализируют процессы, направленные на решение задач по борьбе с преступностью с использованием экономических, социально-культурных, воспитательных и правовых мер. Реализация указанных задач трансформируется в сфере профилактики правонарушений, которая служит предметом различных научных направлений в юриспруденции, психологии и педагогике. Существуют различные научные подходы к профилактике правонарушений: она рассматривается как комплекс мероприятий, нацеленных на предупреждение преступности; социальное явление; особый вид социально ориентированной деятельности, направленной на модификацию отношений в обществе; система мер воспитания и формирования личности [1; 2; 3; 4; 5].

Процесс профилактики правонарушений основывается на фундаментальном положении о совместной деятельности его участников, «субъекта» и «объекта». Несовершеннолетние представляют собой особый объект профилактического воздействия, что детерминировано спецификой становления личности детей и подростков на начальном этапе их жизненного пути; восприимчивостью к различным видам влияния как позитивного, так и негативного плана; началом процесса формирования мировоззрения и др.

Современная наука декларирует особое отношение к несовершеннолетним, совершившим правонарушения, используя применительно к ним термин «делинквентное поведение», в чем проявляется гуманистическая направленность.

В настоящей статье под «делинквентным поведением» мы будем понимать такое противоправное поведение несовершеннолетних, которое внешне сходно или объективно соответствует правонарушениям, описанным в административном и уголовном законодательстве, однако их действия не влекут административную или уголовную ответственность, поскольку с юридической точки зрения такие несовершеннолетние недееспособны, т. е. в отношении их не могут применяться меры юридического наказания [6].

Учитывая, что делинквентное поведение несовершеннолетних предшествует преступному поведению и правонарушениям в будущем, следует акцентировать внимание на особую сферу деятельности — профилактику правонарушений в целом и профилактику делинквентного поведения в частности.

Профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних входит как составная часть в государственную систему профилактики правонарушений, субъектами которой выступают органы местного самоуправления, организации, общественные объединения и граждане.

Одним из субъектов профилактической деятельности являются сотрудники полиции, в функциональных обязанностях которых состоит организация системы профилактических мероприятий по профилактике и предупреждению правонарушений. Деятельность сотрудников полиции регламентируется положениями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др., в которых раскрываются цели, направления, принципы и виды профилактики правонарушений.

За последние годы в педагогике, психологии, социологии и юридических науках осуществлен ряд исследований, посвященных проблеме делинквентного поведения несовершеннолетних и специфике ее профилактики (В. Г. Белов [7], Ю. А. Галагузова [8], М. И. Еникеев [9],

Е. В. Змановская [10], О. В. Пристанская [11], И. И. Саламатина [5], А. Е. Личко [12], П. Д. Павленок, М. Я. Руднева [13], А. В. Хомич [14], Л. Б. Шнейдер [15] и др.).

Анализ научной литературы показывает, что авторы рассматривают проблему профилактики делинквентного поведения в контексте профилактики правонарушений как одного из компонентов социальной и социально-педагогической практики. Привлекает внимание также то, что в большинстве работ основной акцент делается на констатации целей, направлений, принципов, типов профилактики, общего описания систем профилактики правонарушений и общих профилактических технологий. Между тем остаются не раскрытыми проблемы применения практического инструментария индивидуальной профилактики делинквентного поведения, что, по нашему мнению, является следствием недостаточной научной обоснованности научных концепций профилактического воздействия. Мы полагаем, что это затрудняет научную разработку методик и технологий профилактики правонарушений в целом и профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних в частности. Опора на теоретические концепции позволяет научно обосновывать методическое обеспечение и качественно модифицировать технологический инструментарий реализации профилактической деятельности.

Осмысление проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних характеризуется как теоретическими, так и практическими сложностями. Теоретическая сложность заключается в том, что указанная проблематика не была отдельным предметом научных исследований, что привело к недостаточной разработанности концепций профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних и отражается на практическом (технологическом) аспекте реализации профилактических мероприятий. Таким образом, целью нашей статьи является обоснование теоретических подходов, позволяющих организовывать и реализовывать профилактику делинквентного поведения несовершеннолетних сотрудниками полиции.

Считаем целесообразным обратиться к зарубежным научным подходам к профилактике делинквентного поведения, которые условно можно разделить на исправительную (коррекционную) и предупреждающую превенции. Исправительная превенция понимается как обязательная часть работы с несовершеннолетними делинквентами, т. е. деятельность с несовершеннолетними, имеющими опыт совершения делинквентных проступков. Предупреждающая превенция является профилактическим подходом в «чистом виде», который включает в себя меры, направленные на изменение причин и условий возникновения делинквентного поведения, и реализуется на организационном, социокультурном и институциональном уровнях [5].

Основными теоретическими концепциями, на которые опирается превенционная (профилактическая) деятельность, является теория социального контроля и теория культурных девиаций. С позиции теории социального контроля профилактика делинквентного поведения несо-

вершеннолетних строится на общих институционально-организационных изменениях. В рамках теории культурных девиаций делинквентное поведение рассматривается как результат социальной дезорганизации, а профилактика указанного поведения организуется локальными сообществами (общинами). Теория социального контроля, фактически являясь концепцией, с одной стороны, не объясняет причины совершения противоправных действий несовершеннолетними, а с другой — позволяет сформулировать условия, препятствующие совершению правонарушений в будущем.

В то же время обе теории служат основанием для первичной профилактики, направленной на предупреждение возникновения делинквентного поведения, и вторичной профилактики, нацеленной на ресоциализацию делинквентных несовершеннолетних. Данные теории дополняют друг друга. Так, в теории социального контроля акцент делается на возможности социальных институтов по предотвращению противоправного поведения несовершеннолетних, таких как семья и школа, а в теории культурных девиаций — на влияние сверстников как одного из условий формирования делинквентного поведения [16].

К теоретической концепции профилактики делинквентного поведения можно отнести и теорию стигмации, основной тезис которой сводится к тому, что для сокращения преступности среди несовершеннолетних целесообразно оградить их от традиционной системы уголовной юстиции, предельно сократив по отношению к ним формальные, юридические санкции, заменяя их неформальными или мягким формальным подходом, т. е. в отношении несовершеннолетних должны применяться альтернативные (воспитательные) меры воздействия [17].

Теория стигмации актуальна при работе с несовершеннолетними, имеющими опыт совершения противоправных действий. Однако следует отметить, что в рамках указанной теории недостаточно конкретизированы особенности проведения профилактических мероприятий.

К. Пийеис описывает три основных подхода к профилактике правонарушений: структурный, психологический и ситуативный. Структурный подход связывает перспективы эффективной профилактики с проведением крупных социально-экономических преобразований в обществе. Психологический подход направлен на деятельность как с потенциальными правонарушителями, так и с лицами, имеющими опыт совершения правонарушений. Ситуативный подход отводит решающую роль воздействиям внешней среды как совокупности социальных и личностных факторов, способствующих совершению правонарушений и создающих благоприятную ситуацию для криминальных проявлений [18].

Анализ литературных источников показал, что вопросы предупреждения правонарушений в целом и делинквентного поведения несовершеннолетних в частности должны находиться в центре внимания общества и государства. Однако существующие теоретические подходы, по нашему мнению, недостаточно отражают причинно-следственную связь между профилактиче-

скими мероприятиями и появлением делинквентного поведения, а предлагаемые профилактические меры носят опосредованный характер. Сказанное выше позволяет нам утверждать, что теоретические основания профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних требуют дополнительного теоретического осмысления.

По нашему мнению, указанную проблематику целесообразно рассматривать через призму теоретических положений бихевиористического подхода, психологической теории деятельности и теории функциональных систем, использование которых позволяет структурировать процесс профилактики делинквентного поведения, а также оптимизировать выбор форм, методов и средств профилактического воздействия.

Не будем рассматривать положения бихевиористической теории в целом, остановимся только на выводах, позволяющих применять указанную теорию при разработке теоретических оснований профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. Центральной проблемой бихевиоризма является проблема приобретения индивидуального опыта («научение»). При этом приобретение опыта понимается как процесс и результат усвоения знаний и умений, а также как формирование и закрепление определенных способов поведения.

Центральное место в бихевиористических теориях занимают процессы классического и оперантного обусловливания и «социального научения». Теория оперантного обусловливания главным фактором формирования человеческого поведения считает культурологические паттерны, которые исполняют роль комплексов подкреплений [19].

«Социальное научение» как направление связано, прежде всего, с именем американского психолога А. Бандуры, согласно представлениям которого сложное социальное поведение формируется посредством наблюдения и имитации социальных моделей («обучение по моделям»). Наблюдение модели способствует выработке у наблюдателя новых реакций, облегчает реализацию ранее приобретенных реакций и модифицирует уже существующее поведение. При «обучении по моделям» наблюдатель видит новое поведение, которого ранее не было в его репертуаре; поведение модели усиливает или ослабляет соответствующее поведение наблюдателя; поведение модели имеет функцию воспроизведения, т. е. может быть усвоенной наблюдателем [20].

В целом анализ бихевиористических теорий позволяет сделать выводы относительно особенностей формирования поведения человека:

— ситуационные побуждения и последующее поведение человека опосредовано когнитивными процессами, связанными с анализом переживаемых ситуаций, вероятностным прогнозированием будущих событий и оценкой их последствий;

— когнитивные процессы проявляются в интерактивной рефлексии, при которой осуществляются взаимодействия личностных, ситуационных и поведенческих факторов как взаимосвязанных детерминант;

— поступки людей, которые характеризуют его поведение, осуществляются под влиянием внешних событий и внутренних потребностей, а поведение является процессом, который регулируется последствиями;

— представление последствий подкрепляет поведение и создает ожидания, которые обуславливают представления о желаемом результате;

— представление последствий влияет на поведение путем формирования ожиданий аналогичных результатов в будущем, при этом вероятность определенных действий увеличивается, если подразумевается вознаграждение за предполагаемый результат, и снижается, если предусматривается наказание;

— реакции, приводящие к невыгодным или опасным последствиям, отвергаются или игнорируются, тогда как реакции, приводящие к полезным результатам, учитываются при формировании поведения.

Применительно к изложенным положениям бихевиористической теории можно утверждать, что профилактика делинквентного поведения представляет собой процесс «социального научения», направленного на формирование у несовершеннолетних, во-первых, модели правомерного поведения, а также просоциальных моральных установок; во-вторых, когнитивной системы «стимулов» и «реакций», позволяющих:

— узнавать во внешней среде «потенциально-противоправные ситуации» (конкретное правонарушение либо вероятность его совершения);

— актуализировать особенности наказания за конкретные правонарушения;

— посредством механизма «обратной связи» и когнитивных процессов делать вероятностное предположение об изменении «образа будущего» несовершеннолетнего после совершения правонарушения;

— модифицировать усвоенные ранее противоправные модели поведения в правомерные.

Нами уже отмечалось, что к теоретическим основаниям профилактики делинквентного поведения целесообразно отнести и отдельные положения психологической теории деятельности и теории функциональных систем. Проведенное нами ранее моделирование процесса формирования делинквентного поведения с опорой на указанные теории позволяет конкретизировать условия, препятствующие этому процессу. К данным условиям относится качественное содержание информации, зафиксированной в памяти несовершеннолетнего, которая позволяет: 1) распознавать и классифицировать отдельные виды правонарушений; 2) припоминать информацию о последствиях совершения противоправных действий; 3) актуализировать у несовершеннолетнего внутриличностный конфликт как результат взаимодействия между ситуативными потребностями с зафиксированными в памяти моральными и социальными установками. Собственно говоря, наличие внутриличностного конфликта, иллюстрирует влияние контролирующей функции сознания, затрудняя процесс формирования делинквентного поведения несовершеннолетних [21].

Результаты моделирования процесса формирования делинквентного поведения позволяют использовать их в профилактических целях, которые сводятся, во-первых, к нивелированию внешних факторов и причин, а также к коррекции социальных условий формирования делинквентного поведения; во-вторых, к психолого-педагогическому воздействию на несовершеннолетнего для усиления у него контролирующей функции сознания посредством целенаправленной активации когнитивных процессов и актуализации кратковременных эмоциональных переживаний как реакции на противоправные или просоциальные модели поведения с последующей фиксацией в памяти несовершеннолетних.

Предполагается, что усвоенная в процессе профилактических мероприятий информация при восприятии несовершеннолетними потенциально-противоправных ситуаций посредством ассоциативных механизмов памяти создает условия для появления внутриличностного мотивационного конфликта между, с одной стороны, ситуационными побуждениями как реакцией на наличную ситуацию, с другой — моральными и социальными установками, опыта (положительного и отрицательного) переживания подобных ситуаций в прошлом, а также знания о негативных воздействиях совершаемых правонарушений на личность в будущем.

Изложенное выше позволяет утверждать, что теоретическими основаниями профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних являются, во-первых, позиции теории социального контроля, теории культурных девиаций и теории стигмации, в рамках которых ведущими субъектами профилактики делинквентного поведения являются государство и входящие в него социальные институты; во-вторых, положения бихевиористической теории, психологической теории деятельности и теории функциональных систем, декларирующие главной целью личностное развитие несовершеннолетних, достижение которой осуществляется посредством проведения с несовершеннолетними профилактических мероприятий, направленных на усиление контролирующей функции и формирование моделей правомерного поведения. Указанные теоретические основания являются научной базой для обоснования практического инструментария и разработки технологий профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.

Список литературы

1. Аванесов Г. А. Криминология : учебник. М., 2005. 480 с.
2. Ветров Н. И. Профилактика правонарушений среди молодежи. М., 1980. 184 с.
3. Гельфанд И. А., Михайленко П. П. Предупреждение преступлений — основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964. 128 с.
4. Закалюк А. П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения М., 1986. 192 с.
5. Саламатина И. И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии) : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007. 368 с.
6. Чуносов М. А. Теоретический анализ категории «делинквентное поведение» // Вестник академии знаний. 2013. № 4. С. 154–159.
7. Белов В. Г. Психолого-акмеологическое сопровождение подростков с делинквентным поведением: концепция, модель, технологии : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2010. 434 с.
8. Галагузова Ю. А. Социальная педагогика : учеб. пособие. М., 2006. 416 с.
9. Еникеев М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002. 560 с.
10. Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие. М., 2004. 288 с.
11. Пристанская О. В. Делинквентность: правовое и криминологическое понятие // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 73–81.
12. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб., 2010. 256 с.
13. Павленок П. Д., Руднева М. Я. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения : учеб. пособие. М., 2007. 185 с.
14. Хомич А. В. Психология девиантного поведения : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2006. 140 с.
15. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2005. 336 с.
16. Weis J. Comparative Analysis of Social Control Theories of Delinquency — The Breakdown of Adequate Social Controls / National Task Force to Develop Standards and Goals for Juvenile Justice and Delinquency Prevention, Preventing Delinquency: Volume 1, A Comparative Analysis of Delinquency Prevention Programs. — Washington, D.C. 1977. P. 13–44.
17. Sack F. Neuc Perspektiven in der Krirninologic. In: Sack F., Konig R. (Hrsg.) Kriminal-Soziologie. Wiesbaden. 1968. 369 p.
18. Pease K. Crime Prevention // The Oxford Handbook of Criminology. Oxford. 1997. P. 963–964.
19. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб., 2002. 582 с.
20. Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000. 320 с.
21. Чуносов М. А. Моделирование процесса формирования делинквентного поведения несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 26–31.

Поступила 01.03.2018

Theoretical Basis for Preventing Juvenile Delinquent Behaviour

Mikhail A. Chunosov,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, Head of the Department of Special Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Simferopol, Russia. e-mail: voker.rb.sas@gmail.com

Social problems arising in our society intensify the processes of tackling crimes, the implementation of these processes is transformed in the sphere of crime prevention, which is the subject of juridical, psychological and pedagogical sciences. There are theoretical problems hindering the effective practical realization of preventive measures. The author focuses on the subjects of crime prevention, estimates certain provisions of theory of social control, theory of cultural deviations and labelling theory, behaviourist theory, psychological activity theory and theory of functional systems, which are the basis for prevention of delinquent behaviour.

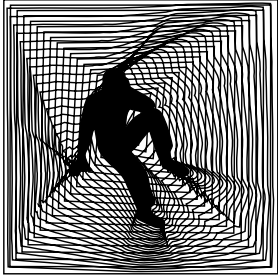
Keywords: offence; delinquent behaviour; theoretical conception; subject of prevention; a police officer; juveniles; prevention of delinquent behaviour.

Citation: Chunosov M. A. Theoretical Basis for Preventing Juvenile Delinquent Behaviour. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74). 2018. Pp. 38–42. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-13007

References

1. Avanesov G. A. *Criminology*. Moscow, 2005. 480 p. (In Russ.)
2. Vetrov N. I. *Prevention of Juvenile Delinquency*. Moscow, 1980. 184 p. (In Russ.)
3. Gelfand I. A., Mikhaylenko P. P. *Prevention of Crimes as the Basis of Fighting for Eradication of Crime*. Moscow, 1964. 128 p. (In Russ.)
4. Zakalyuk A. P. *Forecasting and Preventing Individual Criminal Behaviour*. Moscow, 192 p. (In Russ.)
5. Salamatina I. I. *Resocialization of Juvenile Delinquent Groups (on the Material of the USA and England)*. Doctor of Sciences Dissertation (Psychology). Moscow, 2007. 368 p. (In Russ.)
6. Chunosov M. A. Theoretical Analysis of Category of “Delinquent Behaviour”. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. No.4. 2013. Pp. 154–159. (In Russ.)
7. Belov V. G. *Psychology-Acmeological Maintenance of Juveniles with Delinquent Behaviour: Conception, Model, Technologies*. Doctor of Sciences Dissertation (Psychology). St Petersburg, 2010. 434 p. (In Russ.)
8. Galaguzova Yu. A. *Social Pedagogy*. Moscow, 2006. 416 p. (In Russ.)
9. Yenikeev M. I. *Encyclopaedia. General and Social Psychology*. Moscow, 2002. 560 p. (In Russ.)
10. Zmanovskaya Ye. V. *Deviance Study. Psychology of Deviant Behaviour*. Moscow, 2004. 288 p. (In Russ.)
11. Pristanskaya O. V. *Delinquency: Legal and Criminological Notion*. *Journal of Russian Law*. No. 5/6. 1999. Pp. 73–81. (In Russ.)
12. Lichko A. Ye. *Psychopathies and Accentuations of Character in Adolescents*. St Petersburg, 2010. 256 p. (In Russ.)
13. Pavlenok P. D., Rudneva M. Ya. *Social Work with Individuals and Groups of Deviant Behaviour*. Moscow, 2007. 185 p. (In Russ.)
14. Khomich A. V. *Psychology of Deviant Behavior*. Rostov-on-Don. 2006. 140 p. (In Russ.)
15. Schneider L. B. *Deviant Behavior of Children and Adolescents*. Moscow, 2005. 336 p. (In Russ.)
16. Weis J. *Comparative Analysis of Social Control Theories of Delinquency - The Breakdown of Adequate Social Controls / National Task Force to Develop Standards and Goals for Juvenile Justice and Delinquency Prevention, Preventing Delinquency: Volume 1, A Comparative Analysis of Delinquency Prevention Programs*. - Washington, D.C: U.S. Government Printing Office. 1977. Pp. 13–44.
17. Sack F. *Neue Perspektiven in der Kriminologie*. Sack F., König R. (Hrsg.) *Kriminalsoziologie*. Wiesbaden. 1968. 369 p.
18. Pease K. *Crime Prevention*. *The Oxford Handbook of Criminology*. Oxford. 1997. Pp. 963–964.
19. Maklakov A. G. *General Psychology*. St Petersburg, 2002. 582 p. (In Russ.)
20. Bandura A. *Theory of Social Learning*. St Petersburg, 2000. 320 p. (In Russ.)
21. Chunosov M. A. Modeling of Process of Forming Juvenile Delinquent Behavior. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 2(65). 2016. Pp. 26–31. (In Russ.)

Submitted 01.03.2018

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Theory and methods of professional education

УДК 378.634 © Б. А. Федулов, В. А. Морозов, А. А. Левченко, 2018

Направления совершенствования управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции

Федулов Борис Александрович,

профессор кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России
Барнаул, Россия. e-mail: fedulovb@mail.ru

Морозов Владимир Анатольевич,

начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России
Барнаул, Россия. e-mail: bui@mvd.ru

Левченко Александр Александрович,

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России
Барнаул, Россия. e-mail: bui@mvd.ru

Рассмотрены особенности повышения квалификации сотрудников полиции, выделены теоретические аспекты, функции управления этим процессом, уточнены задачи и порядок его организации в современных условиях. На основе анализа требований нормативно-правовой базы, с учетом положительных и отрицательных сторон существующей системы управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции раскрыты следующие направления ее совершенствования: оптимизация структуры организаций и подразделений повышения квалификации системы МВД России, внедрение в процесс управления методики принятия грамотных управленческих решений, комплексное использование информационного обеспечения в процессе управления повышением квалификации, применение перспективных методов индивидуализации, дифференциации и дистанционного обучения, формирование учреждений и органов ОВД по типу обучающих организаций, внедрение передового опыта российских и зарубежных систем повышения квалификации. Основные методы: анализ, синтез научных источников и обобщение практического опыта. Приводятся итоги опытно-экспериментальной работы, подтверждающие достаточно высокую ее эффективность, указывается область применения полученных результатов (при подборе и расстановке кадров, внедрении новых подходов и технологий в профессиональной деятельности, выявлении потенциальных руководителей органов внутренних дел).

Ключевые слова: повышение квалификации; совершенствование управления; сотрудники полиции; организационная структура; управленческое решение; дистанционное обучение; методы индивидуализации и дифференциации; обучающая организация.

Для цитирования: Федулов Б. А., Морозов В. А., Левченко А. А. Направления совершенствования управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 43–47. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13008

Актуальность темы определяется значимой ролью непрерывной профессиональной подготовки сотрудников полиции в условиях реформирования системы МВД России. От эффективности решения этой задачи во многом зависит реализация предусмотренных правительством мер на улучшение правоохранительной деятельности.

При решении задачи повышения квалификации сотрудников полиции возникло противоречие между преобладанием на практике сложившихся традиционных форм и методов управления этим процессом и необходимостью разработки новых путей его совершенствования.

Проблема видится в определении направлений совершенствования управлением процессом повышения квалификации, предполагающих сближение профессионального и личного пространства сотрудников полиции. **Цель работы:** провести анализ особенностей процесса повышения квалификации сотрудников полиции и определить направления совершенствования управления этим процессом.

Выявление особенностей совершенствования управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции основывалось на изучении различных исследований. Так, теория и практика государственного

и муниципального управления, проблемы повышения эффективности деятельности госслужащих путем совершенствования управления нашли отражение в работах отечественных (Т. Ю. Базаров, В. А. Дятлов, Э. А. Уткин, Е. И. Комаров) и зарубежных авторов (М. Х. Мескон, Д. Сазерленд, Г. Шмидт, Л. Якокк). Современные концепции в области теории образования взрослых рассматривались Б. С. Гершунским, Н. В. Кузьминой, Н. Ф. Талызиной, В. А. Якуниным. Различные подходы к организации подготовки современного специалиста разрабатывались Л. Ю. Монаховой, А. П. Тряпицыной, Г. А. Федотовой, в том числе и компетентностный подход (В. И. Байденко, И. А. Зимняя, А. М. Новиков, А. В. Хуторской). Основы повышения качества профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел исследовали В. Г. Буданов, Е. Д. Проценко, В. Я. Кикоть. Вместе с тем совершенствование управления процессом повышения квалификации современных сотрудников с учетом новых социально-культурных условий потребовало проведения дополнительного исследования [1, с. 39].

Повышение квалификации — это непрерывный процесс непосредственной передачи новых профессиональных знаний и навыков сотрудникам организации [2, с. 76]. В мировой практике под профессиональным повышением квалификации понимается процесс деятельности, целенаправленно осуществляемый для формирования и поддержания профессиональной компетентности сотрудников, необходимой для решения практических задач в современных условиях и совершенствования их потенциала для выполнения работы в будущем [3, р. 43]. Сложность и многогранность данной задачи предполагает применение новой личностно ориентированной парадигмы, которая включает комплексный подход к решению образовательных задач и направляет на поиск ответов на них во всех элементах педагогической системы: цели, содержании, методах, средствах, диагностике [4, с. 20].

Особенности процесса повышения квалификации сотрудников полиции вызывают необходимость развития в образовательном процессе следующих профессиональных компетенций: уметь в ходе выполнения служебных задач преодолевать непредвиденные препятствия и неожиданные ситуации; принимать грамотные управленческие решения в сложных ситуациях в правоохранительной сфере деятельности; обладать профессионально-личностными качествами, обеспечивающими немедленный переход к смелым, организованным и самостоятельным действиям [5, с. 66].

Система повышения квалификации сотрудников полиции в современных условиях должна существенно повысить свою эффективность за счет способности к инновациям и гибкого реагирования на запросы общества. Организация повышения квалификации в этом случае может стать системой непрерывного образования на основе оптимального сочетания различных форм

подготовки и переподготовки, обучения вторым специальностям, существенного повышения компетентности, с учетом динамичных изменений в технологиях деятельности, взаимосвязи с индивидуальным профессиональным продвижением в служебной деятельности [6, с. 4]. Таким образом, перед системой управления повышением квалификации сотрудников полиции ставятся следующие задачи: 1) определение стратегии формирования квалифицированных кадров; 2) уточнение потребности в дополнительном обучении сотрудников полиции по конкретным видам деятельности; 3) выбор оптимальных методов и форм обучения для процесса повышения квалификации; 4) совершенствование материально-технического и программно-методического обеспечения системы повышения квалификации.

Повышение квалификации вне места работы имеет следующие преимущества: занятия проводят опытные преподаватели, используются разнообразные компьютерные и информационные технологии, обучающиеся знакомятся с новыми идеями и получают дополнительную мотивацию. К недостаткам следует отнести значительный расход средств (проезд и командировочные), в ряде случаев изучается только теория, предлагаемые курсы не всегда соответствуют требованиям конкретного отдела полиции [7, с. 258].

Организация повышения квалификации сотрудников полиции регулируется приказом МВД России «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»* и иными организационно-правовыми актами МВД России в сфере подготовки кадров, а его содержание — учебными, учебно-тематическими программами [8, с. 128]. Руководящие документы определяют, что повышение квалификации проводится в целях непрерывного обновления и пополнения профессиональных знаний сотрудников и приобретения ими опыта по занимаемой должности, этот процесс организуется Департаментом кадрового обеспечения МВД и кадровыми подразделениями ОВД [9, с. 12].

Результативность процесса повышения квалификации зависит в первую очередь от качества управления. Поэтому следует выделить и реализовать следующие основные функции управления: 1) прогнозирование как текущей, так и перспективной потребности в кадрах; 2) планирование процесса продвижения, профессионального роста и перераспределения кадров; 3) обеспечение постоянно действующей системы подготовки и переподготовки сотрудников; 4) принятие управленческих решений, связанных с задачами правоохранительной деятельности; 5) выбор оптимальных методов морального и материального стимулирования сотрудников полиции; 6) создание условий, при которых интересы сотрудников полиции отождествляются с интересами правоохранительной деятельности [10, с. 45–47].

* Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С учетом рассмотренных особенностей процесса повышения квалификации сотрудников полиции и реализации функций управления были выделены следующие пути его совершенствования.

1. *Совершенствование организационной структуры организаций и подразделений повышения квалификации сотрудников полиции.* На наш взгляд, необходимо исключить дублирование в деятельности руководящего состава, организующего повышение квалификации; конкретизировать направления деятельности преподавательского состава в соответствии с должностными обязанностями обучающихся; обеспечить более гибкое управление учебным, методическим, воспитательным и организационным процессами; повысить уровень взаимодействия всех субъектов повышения квалификации [11, с. 142].

2. *Внедрение в процесс управления методики принятия оптимальных управленческих решений.* Все субъекты образовательного процесса должны быть обучены указанной методике и алгоритму принятия решений в системе повышения квалификации. Общий алгоритм включает получение задач, уяснение, оценку условий выполнения, принятие управленческого решения, планирование, организацию обеспечения, взаимодействия и руководства, непосредственную подготовку, контроль и оценку результатов решения задач в ходе повышения квалификации сотрудников полиции [12, с. 130].

3. *Информационное обеспечение процесса управления системой повышения квалификации,* в частности, путем подключения локальной базы данных курсов и факультетов к информационной системе организаций, проводящих повышение профессиональной квалификации сотрудников полиции [13, р. 10].

4. *Совершенствование существующих и внедрение перспективных методов дистанционного обучения.* Для реализации этого направления рекомендуется использовать системы типа eLearning Server [14, с. 76], представляющие собой программное обеспечение дистанционного обучения на базе Интернет [15, с. 122]. Указанная система включает создание учебных курсов, публикацию заданий, тестов, упражнений и других учебных материалов в различном формате, учет преподавателей и обучающихся, формирование учебных групп, планирование индивидуальных траекторий обучения; интеграцию с разнообразными информационными системами профессионального образования [16, с. 2].

5. *Совершенствование образовательного процесса в системе повышения квалификации* посредством ориентации на формирование внутренних мотивов, потребностей в оптимизации профессиональной деятельности; создания структурно-функциональных моделей для процесса повышения квалификации, основанных на теории развивающего обучения и деятельностного подхода [17, с. 70]. Это позволяет обеспечить сочетание индивидуального саморазвивающего обучения сотрудника с использованием потенциала групповой деятельности; приведение в соответствие содержания подготовки сотрудников полиции основным тенденциям обновления системы образования; отбор содержания

обучения сотрудника согласно его базовой подготовке; учет региональных особенностей в системе повышения квалификации сотрудников полиции.

6. *Внедрение передового отечественного и зарубежного опыта повышения квалификации.* Рекомендуется применять метод повышения квалификации Case-study [18, р. 48], обеспечивающий переход от накопления знаний к их практическому применению, а также Secondment, направленный на ротацию сотрудников полиции и приобретение опыта при обмене персоналом [19, с. 25]. Полезно взаимодействие с различными образовательными организациями по прохождению в них курсов повышения квалификации по заявкам, поданным в соответствии с профессиональной необходимостью. Эффективностью обладает коучинг — индивидуальная тренировка для достижения значимых профессиональных целей, а также учебные дискуссии и ролевые игры, которые проводятся по конкретным проблемам в небольших группах обучающихся [20, р. 4].

Опытно-экспериментальная работа, проведенная в ряде образовательных организаций МВД России [21, с. 182], по совершенствованию управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции подтвердила достаточно высокую эффективность предлагаемого подхода. В экспериментальных группах по сравнению с контрольными произошел рост по основным критериям профессиональных компетенций на 32–35%, в качестве показателей выступали когнитивные, эмоциональные и конативные структуры личности.

Заключение. В результате теоретического исследования и экспериментальной проверки предлагаемого подхода решены следующие задачи: уточнены теоретические аспекты управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции; проанализированы нормативно-правовая база и особенности управления процессом повышения квалификации; исследована существующая система управления; выработаны эффективные направления по совершенствованию управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции МВД России.

Совершенствование управления процессом повышения квалификации сотрудников полиции позволяет оптимизировать такие его направления, как 1) подбор и расстановка кадров. Перспектива обучения и повышения квалификации привлекает хороших специалистов, снижается текучесть кадров, поскольку должным образом подготовленные сотрудники больше удовлетворены работой, могут полнее себя реализовать, а их усилия получают признание; 2) использование новых подходов и технологий в профессиональной деятельности. Во многих организациях имеется широкий спектр технологических возможностей, однако некоторые из них не используются из-за отсутствия квалифицированных кадров. Повышение квалификации на рабочем месте, когда начальник организует повышение квалификации отдельных сотрудников или небольших групп, служит кратчайшим путем к применению новых технологий; 3) выявление перспективных руководителей для органов внутренних дел. Сотрудники

полицейские имеют возможность проявить свои способности к руководству, что позволяет грамотно строить кадровую политику на будущее в масштабах органов внутренних дел; 4) обеспечение способности организации эффективно реагировать на перемены во внешних условиях. Прошедший повышение квалификации сотрудник расширяет возможности реагирования на меняющиеся обстоятельства.

Список литературы

1. Барбин В. В., Макроменко В. Д. О методологических проблемах управления современными органами охраны общественного порядка // *Честь, знания, закон : труды Академии управления МВД России*. М., 2006. № 10. С. 39–41.

2. *Экономика организации : учебник / под ред. проф. О. И. Волкова*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 520 с.

3. Justine World Declaration on Education for All and Framework for Action to Meet Basic Learning Needs. 1990. New York. Available from: http://www.unesco.org/education/efa/ed_for_all/background/world_conference_jomtien.shtml (дата обращения: 12.03.2018).

4. Федулов Б. А. Проблема смены педагогической парадигмы в новых социокультурных условиях // *Педагогическое образование на Алтае*. Барнаул, 2004. 20 с.

5. Калинин С. В. Особенности самовоспитания социально значимых качеств сотрудников полиции // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2015. № 1(60). С. 64–67.

6. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании: (К освоению компетентностного подхода) // *Высшее образование в России*. 2004. № 11. С. 3–13.

7. Кузнецова Л. В. Совершенствование профессиональных компетенций руководителей в условиях дополнительного профессионального образования // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 2(51). С. 256–259.

8. Артемьев А. М. Реализация кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: организационно-правовой аспект : учеб. пособие для вузов / под ред. проф. В. Я. Кикотя. М., 2003. 345 с.

9. Александрова С. Н. Формирование организационных структур управления МВД, УВД : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 196 с.

10. Макхем К. *Управленческий консалтинг*. М., 1999. 288 с.

11. Мишурина И. В., Кутелев П. В. *Управление мотивацией сотрудников ОВД*. М., 2003. 224 с.

12. Морозов В. А., Федулов Б. А. Формирование управленческой компетентности будущего сотрудника полиции в процессе профессиональной подготовки // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. Барнаул, 2014. № 12. Ч. 2. С. 128–130.

13. Gatehouse K. Key Issues in English for Specific Purposes (ESP) Curriculum Development. The Intern et TESL Journal 7(10), 2001. P. 10. URL: <http://www.iteslj.org/Articles/Gatehuse-ESP.html> (дата обращения: 19.03.2018).

14. Crittenden B. Aims, intentions and purposes in reading and education. *Educational Theory*, 1974. №1. 286 p. URL: www.institutemvd.by (дата обращения: 20.02.2018).

15. Скибицкий Э. Г., Холина Л. И. Психолого-педагогические аспекты дистанционного обучения. Новосибирск, 1999. 138 с.

16. Edwards A. *Edwards Personal Preference Schedule Manual*. N.Y., 1976. 12 p. URL: <https://commons.erau.edu/jaaer/vol6/iss2/9> (дата обращения: 26.01.2018).

17. Иванов В. А. Инновационная модель непрерывного образования // *Дополнительное образование: проблемы и новые задачи российской высшей школы*. М., 2008. № 2. С. 69–75.

18. Skinner B. F. *The Technology of Teaching*. N. Y.: Meredith Corp, 1968. 271 p.

19. Brown C. R. *The Practical Application of CBT for English Language Training in Indonesia*, 2009. P. 25.

20. Tompkins P. K. Role Playing/Simulation // *The Internet TESL Journal*, 1998. P. 4. URL: <http://iteslj.org/Techniques/Tompkins-RolePlaying.html> (дата обращения: 12.01.2018).

21. Морозов В. А. Социально-педагогические условия формирования эффективной профессиональной деятельности руководителя ОВД : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2007. 257 с.

Поступила 02.03.2018

UDC 378.634

Ways of Improving Management of Police Officers' Advanced Training

Boris A. Fedulov,

Professor at the Department of Special Tactics Training,
the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Barnaul, Russia. e-mail: fedulovb@mail.ru

Vladimir A. Morozov,

Chief of the Department of Special Tactics Training,
the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Barnaul, Russia. e-mail: bui@mvd.ru

Aleksandr A. Levchenko,

lecturer at the Department of Special Tactics Training,
the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Barnaul, Russia. e-mail: bui@mvd.ru

The authors consider peculiarities of police officers' advanced training, reveal theoretical aspects, functions of managing this process, detail tasks and organization of this process under present conditions. Estimating the requirements set by the normative legal basis, with regard to positive and negative aspects of the present system of managing police officers' advanced training the authors reveal the following ways of its improvement: optimization of the structure of advanced training organizations and divisions in the system of the Russian Ministry of Internal Affairs, implementation of the methods of making proper management decisions

into the management process, complex usage of informational provision in the management of advanced training, applying effective methods of individualization, differentiation and distance learning, establishing institutions and agencies of Internal Affairs similar to learning organizations, introducing leading experience of domestic and foreign systems of advanced training. The main methods are: analysis, synthesis of scientific sources and summarizing practical experience. In conclusion the authors provide the outcomes of the empirical experimental work proving its rather high effectiveness, show the sphere of employing the achieved results (in selection and assignment of the staff, implementing new approaches and technologies in professional activity, revealing potential leading staff in law enforcement agencies).

Keywords: advanced training; improvement in management; police officers; organizational structure; management decision; distance learning; methods of individualization and differentiation; educational organization.

Citation: Fedulov B. A., Morozov V. A., Levchenko A. A. Ways of Improving Management of Police Officers' Advanced Training. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. 43–47. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13008

References

1. Barbin V. V., Makromenko V. D. On Methodological Problems of Managing Modern Law Enforcement Agencies. Honour, Knowledge, Law: Works of the Russian MIA Academy of Administration. No 10. Moscow, 2006. Pp. 39–41. (In Russ.)
2. Economics of Organization. Ed. by professor Volkov O. I. 2nd edition. Moscow, 1999. 520 p. (In Russ.)
3. Justine World Declaration on Education for All and Framework for Action to Meet Basic Learning Needs. New York, 1990. http://www.unesco.org/education/efa/ed_for_all/background/world_conference_jomtien.shtml (accessed 12.03.2018).
4. Fedulov B. A. The Problem of Changing Pedagogical Paradigm in new Social Cultural Conditions. *Pedagogical Education in Altai*. Barnaul, 2004. 20 p. (In Russ.)
5. Kalinin S. V. Peculiarities of Self-Cultivating Socially Important Qualities of Police Officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(60), 2015. Pp. 64–67. (In Russ.)
6. Baydenko V. I. Competencies in Professional Education (To Acquiring Competence-based Approach). *Higher Education in Russia*. No. 11, 2004. Pp. 3–13. (In Russ.)
7. Kuznetsova L. V. Advancement of Leading Staff Professional Competencies within Supplementary Professional Education. *The World of Science, Culture, Education*. No. 2 (51). Gorno-Altai, 2015. Pp. 256–259. (In Russ.)
8. Artemyev A. M. Implementation of Personnel Policy by the Russian Ministry of Internal Affairs in the Sphere of Training Personnel: Organizational legal Aspect. Ed. by professor Kikot' V. Ya. Moscow, 2003. 345 p. (In Russ.)
9. Aleksandrova S. N. Establishing Organizational Structures of the Administration of the Ministry of Internal Affairs, Directorate of Internal Affairs. Candidate of Sciences Dissertation (Law). Moscow, 1994. 196 p (In Russ.)
10. Markham K. Management Consulting. Moscow, 1999. 288 p. (In Russ.)
11. Mishurova I. V., Kutelev P. V. Managing Law Enforcement Officers' Motivation. Moscow, 2003. 224 p. (In Russ.)
12. Morozov V. A., Fedulov B. A. Building Management Competency in Future Police Officers' Professional Training. *Relevant Issues of Counteracting Crimes and other Offences*. No. 12, part 2. Barnaul, 2014. Pp. 128–130. (In Russ.)
13. Gatehouse K. Key Issues in English for Specific Purposes (ESP) Curriculum Development. *The Intern et TESL Journal* 7(10), 2001. P. 10. <http://www.iteslj.org/Articles/Gatehuse-ESP.html> (accessed 19.03.2018).
14. Crittenden B. Aims, Intentions and Purposes in Reading and Education. *Educational Theory*. No 1 1974. 286 p. www.institutemvd.by (accessed 20.02.2018).
15. Skibitsky E. G., Kholina L. I. Psychology-Pedagogical Aspects of Distance Learning. Novosibirsk, 1999. 138 p. (In Russ.)
16. Edwards A. Edwards Personal Preference Schedule Manual. New York, 1976. 12 p. <https://commons.erau.edu/jaaer/vol6/iss2/9> (accessed 26.01.2018).
17. Ivanov V. A. Innovative Model of Continuing Education. *Supplementary Education: problems and new Tasks of the Russian Higher School*. No. 2. Moscow, 2008. Pp. 69–75. (In Russ.)
18. Skinner B. F. *The Technology of Teaching*. New York, 1968. 271 p.
19. Brown C. R. The Practical Application of CBT for English Language Training in Indonesia, 2009. P. 25.
20. Tompkins P. K. Role Playing/Simulation. *The Internet TESL Journal*, 1998. P. 4. URL: <http://iteslj.org/Techniques/Tompkins-RolePlaying.html> (accessed 12.01.2018).
21. Morozov V. A. Sertially Pedagogical Conditions of Effective Professional Activity Performed by Law Enforcement Chief Officers. Candidate of Sciences Dissertation (Pedagogy). Barnaul, 2007. 257 p. (In Russ.)

Submitted 02.03.2018

Организация дополнительного профессионального образования резерва руководящего состава территориальных органов МВД России

Бавсун Ирина Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: irinasolo777@mail.ru

Ильин Сергей Анатольевич,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: ilin6565@mail.ru

Выявлено отсутствие детально сформулированных квалификационных требований к должности руководителя применительно к каждому уровню управления в органах внутренних дел. Поэтому включить нужный объем профессиональных знаний и навыков в дополнительную профессиональную программу обучения будущих руководителей проблематично, в связи с чем размывается представление о конечных результатах их подготовки. Эффективность обучения по программам дополнительного профессионального образования снижается ввиду комплектования учебных групп в территориальных органах внутренних дел без учета уровня подготовки обучающихся и специализации их деятельности. Предлагаются решения обозначенных проблем, а именно разработка профессионального стандарта «Руководитель» для органов внутренних дел с дифференциацией его содержания применительно к каждому уровню управленческой деятельности. В рамках подготовки кадрового резерва руководящего состава территориальных органов внутренних дел необходимо выделить два направления: для руководителей подразделений в структуре территориального органа внутренних дел с углубленным изучением вопросов организации деятельности конкретного подразделения; для руководителей и заместителей руководителей территориальных органов внутренних дел с акцентом на общеорганизационной деятельности.

Ключевые слова: подготовка кадров; резерв руководящего состава; организация дополнительного профессионального образования; квалификационные требования.

Для цитирования: Бавсун И. Г., Ильин С. А. Организация дополнительного профессионального образования резерва руководящего состава территориальных органов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 48–52. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13009

В содержании кадровой функции любой организации подготовка кадров занимает важное место. Актуальность данного направления для органов внутренних дел обусловлена быстрыми изменениями современного общества, а также динамичностью и агрессивностью тех вызовов и угроз его безопасности и стабильности, которым призваны противостоять органы внутренних дел. Полицейские органы любой страны нуждаются в квалифицированных кадрах и хорошо разработанной системе их подготовки, «способной незамедлительно и грамотно реагировать на постоянные социальные изменения» [1, с. 55]. Только специалисты, обладающие глубокими теоретическими познаниями и практическими умениями, уверенно владеющие навыками, необходимыми для служебной деятельности, могут решать задачи, стоящие перед органами правопорядка, на высоком профессиональном уровне. Качество подготовки таких специалистов напрямую зависит от организации профессионального образования сотрудников органов внутренних дел.

Особое значение имеет подготовка кадрового резерва руководящего состава, так как эффективность деятельности органа внутренних дел во многом зависит от профессионализма его руководителя. По сложившейся традиции в России (ранее в СССР) руководителями становились лучшие исполнители. Назначение таких специалистов на руководящие должности является своего рода информационным сигналом о признании его дости-

жений, одобрением результатов работы, своеобразным «кредитом доверия» его будущей деятельности в статусе руководителя. Но управленческая работа как особая разновидность профессиональной деятельности требует принципиально новых знаний и навыков, которыми даже «лучший специалист», как правило, не обладает, в силу специфичности новой для него сферы и отсутствия потребности в таких знаниях и навыках прежде.

Еще в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века сформировалось понимание того, что в структуре государственной власти, включая органы внутренних дел, должна концентрироваться интеллектуальная элита, способная разрабатывать и последовательно реализовывать стратегии и концепции развития страны, отдельных отраслей на длительную перспективу, придавать разным сферам динамический и устойчивый характер. Этим во многом объясняется повышенный интерес к управленческой проблематике, а также формирование социально-политического заказа на интенсивное развитие управленческой науки и подготовку управленческих кадров. Именно в этот период в системе МВД было создано учебное заведение управленческого профиля — Академия МВД СССР, на базе которого готовились руководящие кадры высшего и среднего управленческого звена [2, с. 8].

Академия управления МВД России по-прежнему играет ключевую роль в подготовке руководящего со-

става органов внутренних дел. Но, помимо нее, в этот процесс вовлечены многие образовательные учреждения системы МВД России¹, решающие основную задачу ведомственной системы профессиональной подготовки руководящих кадров — удовлетворение государственных потребностей в высококвалифицированных руководителях правоохранительной службы [3, с. 57].

В настоящее время дополнительное профессиональное образование сотрудников, включенных в кадровый резерв для замещения должностей в органах внутренних дел, осуществляется по образовательным программам профессиональной переподготовки и имеет три уровня²:

- подготовка федерального кадрового резерва;
- подготовка кадрового резерва МВД России;
- подготовка кадровых резервов органов, организаций, подразделений МВД России.

При этом кадровый резерв органов, организаций, подразделений МВД России является самым многочисленным, и организация его подготовки для образовательных учреждений системы МВД России представляет определенные сложности. Перед ними встают два основных вопроса дидактики «чему учить?» и «как учить?» будущих (или уже действующих) руководителей органов и подразделений органов внутренних дел. Ответы на них должны найти отражение в программе дополнительного профессионального образования, которую образовательные учреждения разрабатывают самостоятельно на основе примерной программы.

Ответ на первый вопрос предполагает понимание того, что должен знать и уметь сотрудник данной профессии, специальности и должности, т. е. перечень профессиональных знаний, умений и навыков как базовой части профессионально-квалификационной модели (или профессиограммы). Таким образом, прежде чем готовить специалистов, необходимо точно и детально представить, какие характеристики он должен приобрести. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» содержит перечень профессиональных знаний и профессиональных навыков, которыми должны обладать сотрудники органов внутренних дел, занимающие соответствующие должности³.

По сути, именно эти формулировки профессиональных знаний и навыков должны лечь в основу допол-

нительной профессиональной программы подготовки руководящих кадров в виде планируемых результатов ее освоения. Однако обозначенные требования к руководителям неконкретны, не имеют исчерпывающего характера, а порой даже нелогичны. В частности, руководители из числа среднего начальствующего состава не обязаны знать структуру и полномочия органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления, муниципальных образований, хотя должны обладать навыками взаимодействия с их представителями.

Неизменно возникает вопрос об объеме профессиональных знаний в той или иной сфере, который должна охватывать дополнительная профессиональная программа обучения. Например, объем знаний законодательства о службе в органах внутренних дел, государственной гражданской службе Российской Федерации, правил и норм охраны профессиональной служебной деятельности (охраны труда), техники безопасности и противопожарной защиты, порядка работы со сведениями, составляющими государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, форм и методов работы с применением компьютерной техники.

Когда четко не определены границы профессиональных знаний и навыков, позволяющие считать действующего сотрудника или претендента на должность в органах внутренних дел соответствующим или не соответствующим квалификационным требованиям, фактически любой может попасть в ту или иную категорию без достаточных к тому оснований [4, с. 77]. Для образовательных учреждений отсутствие четкого осознания, каким квалификационным требованиям должен соответствовать руководитель, влечет сложности разработки программы дополнительного профессионального образования, так как изначально размывается представление о цели подготовки и результатах обучения. В итоге складывается проблемная ситуация, когда подготовка сотрудников органов внутренних дел осуществляется в условиях отсутствия детально сформулированных квалификационных требований, не говоря уже о профессиональных стандартах. Как следствие, нарушается алгоритм кадрового обеспечения, заключающийся в строгой логической цепочке: сначала определение, сколько сотрудников и каких необходимы организации, а затем отбор для системы уже готовых специалистов или подготовка собственных.

¹ Количество образовательных учреждений и научных организаций МВД России, осуществляющих подготовку руководящих кадров органов внутренних дел, значительно возросло (в плане дополнительного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел, включенных в кадровый резерв МВД России, в 2017 г. эта функция возлагалась на 16 субъектов, в 2018 г. — на 17).

² Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Квалификационные требования к стажу службы в органах внутренних дел Российской Федерации или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, замещающих должности рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации : приложение 13 к приказу МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Очевидно, что разработка научно обоснованных профиограмм сотрудников органов внутренних дел является актуальной и выступает необходимым условием решения проблемы, связанной с прогнозированием успешности осуществления профессиональной (оперативно-служебной) деятельности кандидатами на службу в органы внутренних дел [5, с. 82]. В Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел⁴ указывалась необходимость разработать научно обоснованные квалификационные требования для замещения должностей руководящего состава органов внутренних дел. Проект Концепции кадровой политики МВД России (на период до 2020 г.)⁵, к сожалению, так и не реализованный на практике, содержал абсолютно верное положение о необходимости разработки квалификационных требований к должностям на основе профиограмм, анализа и нормирования служебной деятельности личного состава, определения четких границ служебной компетенции, полномочий и требований к уровню профессионального образования, стажу службы в органах внутренних дел или опыту работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам, состоянию здоровья, необходимым для выполнения обязанностей по замещаемой должности. Думается, что для решения обозначенной проблемы необходимо вести речь о разработке профессионального стандарта «Руководитель» для органов внутренних дел с дифференциацией его содержания применительно к каждому уровню управленческой деятельности.

Таким образом, руководитель должен обладать внушительным объемом профессиональных знаний и навыков, получение которых невозможно без серьезной теоретической и практической подготовки. Поэтому неизбежно возникает вопрос «как учить?», т. е. когда, где, в рамках какой организационной формы и в каком объеме учебных часов должны готовиться руководители различных уровней. Как в рамках дополнительного профессионального образования выстроить такую систему подготовки, которая позволит сформировать профессиональных руководителей абсолютно для всех эшелонов управления?

Одна из проблем подготовки сотрудников, включенных в кадровый резерв территориальных органов, организаций, подразделений МВД России, заключается в том, что данный резерв представлен очень широким спектром должностей. В состав учебных групп профессиональной переподготовки входят как исполнители (старшие исполнители), недавно включенные в резерв руководящих кадров и еще не столкнувшиеся с вопросами управления, так и действующие руководители разных уровней (начальники подразделений и руководители территориальных органов внутренних дел, имеющие солидный стаж в руководящей должности). Многие из них уже ранее проходили подготовку в Академии управления МВД Рос-

сии или имеют диплом о высшем образовании по специальности «Государственное и муниципальное управление» или «Менеджмент». Очевидно, что подготовка их по одной образовательной программе нецелесообразна не только в силу разного опыта работы, но и принципиально разного восприятия управленческой деятельности.

Повышению эффективности подготовки кадрового резерва территориальных органов внутренних дел должно способствовать выделение в ее рамках двух направлений:

— подготовки руководителей подразделений в структуре территориального органа внутренних дел (руководители штабных, следственных, оперативных, кадровых и других подразделений) с отражением в дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки наряду с общими вопросами управленческой деятельности специфики деятельности соответствующих подразделений;

— подготовки руководителей и заместителей руководителей территориальных органов внутренних дел с акцентом на общеорганизационную деятельность, имеющей целью подготовить руководителя, обладающего широким кругозором по всем направлениям служебной деятельности органа внутренних дел. Учитывая необходимость повышения степени самостоятельности решения задач на этом уровне управления, подготовку таких руководителей можно частично проводить с использованием дистанционных средств обучения, а также в форме стажировки по должности, в резерве на которую состоит сотрудник.

При этом представляется целесообразным процесс подготовки руководящих кадров начинать с момента включения таких сотрудников в кадровый резерв. При назначении на должность сотрудник уже будет обладать определенным багажом знаний и навыков, необходимых ему для реализации управленческих функций. Прохождение переподготовки (или получение базового образования в сфере управленческой деятельности) для впервые назначаемых на руководящую должность должно являться обязательным условием при назначении на руководящие должности соответствующего уровня. Следует заметить, что в странах Европы все кандидаты, выдвинутые на руководящую полицейскую должность, независимо от наличия у них ученой степени, опыта работы в полиции и имеющегося ранга полицейской иерархии, в обязательном порядке должны пройти профессиональное обучение, продолжительность и содержание которого обусловлены видом профиля карьеры (careerprofile) [6, с. 5]. Думается, что такой подход должен быть воспринят и отечественной системой подготовки кадров.

Еще один момент, вызывающий определенные трудности при подготовке кадрового резерва руководящего состава территориальных органов внутренних дел, заключается в том, что согласно Порядку организации подготовки

⁴ URL: <http://www.rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html/> (дата обращения: 20.05.2015).

⁵ Проект концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел. URL: https://17.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovaj_politiki_Ministerstv (дата обращения: 02.05.2018).

кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденному приказом МВД России от 5 мая 2018 г. № 275, подготовка кадровых резервов осуществляется по направлениям *оперативно-служебной деятельности*. В то же время квалификационные требования к руководителям, закрепленные в приказе МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, содержат в числе прочих профессиональные знания Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, *необходимых для выполнения служебных обязанностей*, а также профессиональные навыки *в сфере деятельности*, позволяющие выполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на Министерство внутренних дел Российской Федерации, его территориальные органы или подразделения.

В территориальных органах МВД России функционируют 26 подразделений полиции, а также следственные и штабные подразделения, подразделения кадрового, тылового, финансового, правового, информационного, документационного обеспечения и др.⁶ Они осуществляют различные по содержанию виды деятельности, обусловленные спецификой задач, стоящих перед конкретным подразделением органа внутренних дел. Но учесть эту специфику при разработке дополнительной профессиональной программы подготовки сотрудников, включенных в кадровый резерв руководящего состава территориальных органов МВД России, представляется крайне проблематичным, поскольку при комплектовании учебных групп в территориальных органах внутренних дел требования специализации остаются без внимания.

Переподготовка сотрудников, состоящих в резерве на должности руководителей разных подразделений органов внутренних дел, осуществляемая по единой образовательной программе, не может иметь высокую эффективность, так как нельзя, наряду с общими вопросами управления, остановиться на проблемах организации деятельности соответствующих подразделений. В то же время именно специализация обучения, фокусировка на действительно важных для будущего руководителя аспектах, позволила бы сократить срок освоения программ дополнительного профессионального образования [7, с. 593].

Таким образом, профессионализация управленческой деятельности требует расширения и развития системы подготовки руководящих кадров, в том числе в форме дополнительного профессионального образования. Объективная необходимость совершенствования такой подготовки в системе МВД России обусловлена тем, что, во-первых, значительно возросло научное, техническое и информационное обеспечение органов внутренних дел, которое сопровождается интенсивным увеличением объема научной информации, что приводит к быстрому

старению знаний; во-вторых, все структуры МВД России интенсивно пополняются большим числом работников из других сфер, что вызывает необходимость их оперативной, профессиональной переподготовки для получения новой квалификации; в-третьих, сложное состояние оперативной обстановки в стране требует непрерывного обновления нормативно-правовых актов и других руководящих документов (наставлений, инструкций и т. д.), качественное освоение которых и выработка механизмов их реализации невозможны без своевременного обучения сотрудников различных категорий [8, с. 3].

Оптимизация работы в этом направлении нуждается в координации деятельности образовательных организаций системы МВД России (организации разнообразных форм взаимодействия и оказания методической помощи) со стороны Департамента государственной службы и кадров МВД России, который в соответствии с приказом МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» выполняет функции головного подразделения МВД России в области кадрового обеспечения и совместно с органами, организациями, подразделениями МВД России обеспечивает подготовку кадров.

Список литературы

1. *MacDonald*. «A Comparative Study of Police Training in the UK and the USA», 1987. P. 4.
2. *Гордиенко В. В.* Основные направления совершенствования подготовки руководящих кадров органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3. С. 7–12.
3. *Монгуш А. С.* Тенденции развития и противоречия в профессиональной подготовке руководящих кадров органов внутренних дел // Право и образование. 2009. № 2. С. 85–89.
4. *Бавсун И. Г.* Перспективы формирования профессионального стандарта сотрудника органов внутренних дел // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2. С. 74–78.
5. *Федотов С. Н., Ульянина О. А.* Образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (обзор материалов международной конференции, посвященной 15-летию образования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3. С. 77–82.
6. *Кобозев А. А., Монгуш А. С.* Профессиональная подготовка руководящих кадров полиции в странах Европы: особенности и тенденции развития // Право и образование. 2010. № 1. С. 4–27.
7. *Бавсун И. Г.* Проблемы подготовки руководящих кадров органов внутренних дел // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права [Электронный ресурс] : сб. статей по мат-лам ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 23 марта 2018 г. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. Е. Аврутина, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. Электрон. дан. (4,95 Мб). СПб., 2018. С. 591–595.
8. *Орехова Л. П.* Совершенствование дополнительного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 24 с.

Поступила 22.02.2018

⁶ О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333. Доступ из СТРАС «Юрист».

Providing Further Professional Education for Reserves of Chief Police Officers from the Russian MIA Law Enforcement Territorial Agencies

Irina G. Bavsun,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor
of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Law
Enforcement Agencies, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: irinasolo777@mail.ru

Sergey A. Ilyin,

senior lecturer at the Department of Administrative Law
and Administrative Activity of Law Enforcement Agencies,
the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: ilin6565@mail.ru

The paper reveals lack of elaborated job requirements to the positions of chief police staff in regard with each level of management in law enforcement agencies. Therefore, the required bulk of professional knowledge and skills is difficult to provide in the further professional education curriculum for future chief police officers, which blurs the final outcomes of training. Despite the system of law enforcement staff reserves' training established by the Russian MIA Order No. 385 "On Approval of Procedure of Organization of Staff Training for the Positions in Law Enforcement Agencies" dated March 31, 2015 being logical, the effectiveness of further professional education has decreased due to the arrangement of learning groups at law enforcement territorial agencies regardless of the trainees' entrance level and their specialization. The authors suggest solutions to the outlined problems through the developed professional standard "Manager" for law enforcement agencies with different contents according to each level of management activity. The structure of law enforcement territorial agencies chief police officers reserves' training includes two main areas: for divisional chief police officers within the law enforcement territorial agency focusing on advanced study of organizational questions concerning the activity of a specific unit, and for deputy-chief positions in law enforcement territorial agencies with emphasis given to the general organizational activity.

Keywords: staff training; chief police officers' reserves; organization of professional education; job requirements.

Citation: Bavsun I. G., Ilyin S. A. Providing Further Professional Education for Reserves of Chief Police Officers from the Russian MIA Law Enforcement Territorial Agencies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 48–52. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13009

References

1. MacDonald. A Comparative Study of Police Training in the UK and the USA. 1987. P. 4.
2. Gordienko V. V. The Main Trends of Advanced Law Enforcement Chief Police Officers' Training. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3, 2014. Pp. 7–12. (In Russ.)
3. Mongush A. S. Development Trends and Contradictions in Law Enforcement Chief Police Officers' Training. *Law and Education*. No. 2, 2009. Pp. 85–89. (In Russ.)
4. Bavsun I. G. Prospects of Formation of Professional Standard for a Law Enforcer. *Vestnik of the Omsk Law Academy*. No. 2, 2016. Pp. 74–78. (In Russ.)
5. Fedotov S. N., Ulianina O. A. Law Enforcement Officers' Education. Pedagogy and Psychology of Service: Presence and Future (Review of International Conference devoted to the 15th anniversary of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3, 2017. Pp. 77–82. (In Russ.)
6. Kobozev A. A., Mongush A. S. Chief Police Officers' Professional Training in Europe: Peculiarities and Trends in Development. *Law and Education*. No. 1, 2010. Pp. 4–27. (In Russ.)
7. Bavsun I. G. Problems of Chief Police Officers' Training. Current Issues of Administrative and Administrative Procedural Law. [Electronic resource] (Materials of All-Russian Annual Science-to-practice Conference "Sorokin' Readings" - March 23, 2018. Ed. by Avrutin Yu. E., Kaplunov A. I.) - 4,95 Mb. St Petersburg, 2018. Pp. 591–595. (In Russ.)
8. Orekhova L. P. Enhancement of the Russian MIA Law Enforcement Further Professional Education. Extended abstract of Candidate of Sciences Dissertation (Pedagogy). Moscow, 2003. 24 p. (In Russ.)

Submitted 22.02.2018

Портфолио как современная эффективная форма оценивания планируемых результатов (на примере Барнаульского юридического института МВД России)

Осинцева Людмила Михайловна,
преподаватель кафедры информатики и специальной техники
Барнаульского юридического института МВД России
Барнаул, Россия. e-mail: osinal77@mail.ru

Кузнецова Людмила Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор кафедры административного права
и административной деятельности Барнаульского юридического института МВД России
Барнаул, Россия. e-mail: mikalv_09@mail.ru

В статье обосновывается целесообразность применения традиционной системы оценивания образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования МВД России, схематично дается сравнительный анализ традиционного и аутентичного оценивания достижений обучающихся, а также прослеживается переход от традиционной системы оценивания к аутентичной в философии оценивания. Раскрывается алгоритм структуры формальной и неформальной частей оценочного портфолио, который включает в себя оценку учебной деятельности, научно-исследовательской деятельности, социальную и творческую деятельность, а также дополнительные задания. Авторами предлагается использование балльно-рейтинговой системы оценивания при индивидуальных достижениях обучающихся в образовательном процессе. Для этого представлены критерии распределения баллов по разным видам достижений обучающихся, при использовании которых можно судить о степени освоения образовательной программы и о сформированности профессиональных компетенций у обучающихся через оценочный портфолио.

Ключевые слова: система оценивания; образовательная деятельность; электронное портфолио; аутентичное оценивание; балльно-рейтинговая система; профессиональные компетенции.

Для цитирования: Осинцева Л. М., Кузнецова Л. В. Портфолио как современная эффективная форма оценивания планируемых результатов (на примере Барнаульского юридического института МВД России) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 53–60. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13010

Реализация федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения потребовала изменений в осуществлении и организации образовательного процесса. Речь идет о переходе от стандартной процедуры оценивания образовательной деятельности обучающихся, которая в большинстве своем опирается на экзамен (тестирование) и не позволяет в полной мере оценить сформированные компетенции, которые необходимы для успешной профессиональной деятельности. Традиционная процедура оценивания не учитывает приложенные дополнительные учебные и эмоционально-волевые усилия обучающегося, его ответственность, систематичность посещения занятий, а также умение выполнять поставленные задачи в реальной жизненной ситуации, не говоря уже о выявлении его индивидуальной одаренности.

Поэтому неэффективность существующих систем контроля и оценки качества образовательного процесса актуализирует стратегическую задачу по усовершенствованию образовательной системы в образовательных организациях высшего образования.

В современной литературе можно найти множество работ, посвященных методам оценки качества образовательного процесса, определения уровня сформированности компетенций [1; 2; 3], но везде мы видим различия в способах оценки, в выборе самих шкал оценивания образовательной деятельности обучающихся. Это косвенно подтверждает тот факт, что в научной литературе отсутствует единая методика оценивания сформированности компетенций при освоении различных образовательных программ.

Рассмотрим схематично традиционную систему оценивания образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования и попытаемся представить основные, на наш взгляд, недостатки, осмысление которых позволит разработать эффективную систему оценки планируемого результата (рис.1):

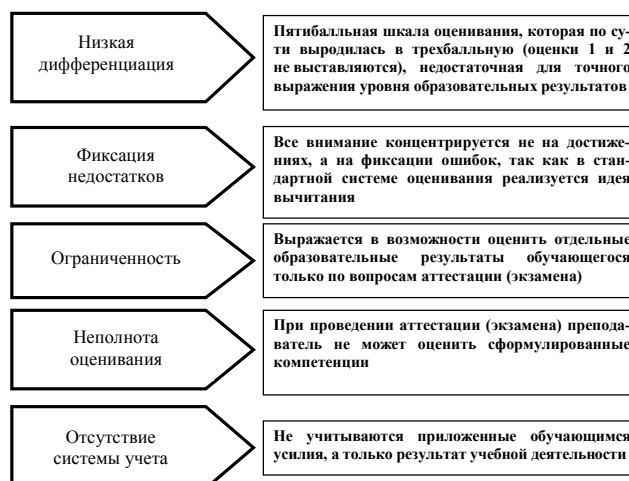

Рис. 1. Недостатки традиционной системы оценивания (Fig. 1. Disadvantages of the traditional assessment system)

Недостатки системы оценивания результатов свидетельствуют о необходимости проведения исследования по разработке и внедрению дополнительных эффективных средств оценивания образовательных результатов

Рис. 2. Сравнительный анализ традиционного и аутентичного оценивания
(Fig. 2. Comparative analysis of the traditional and authentic assessment)

обучающихся, которые включают достижения различных общекультурных и профессиональных компетенций.

Сегодня проблеме оценивания качества обучения уделяется пристальное внимание во всех странах мира [4; 5; 6; 7; 8]. Значительное распространение в последние годы получил метод «аутентичного оценивания». Данный метод используется, прежде всего, в обучении, основанном на компетентностном подходе.

Термин «аутентичный» переводится как «подлинный» и понимается как «подлинная оценка» или «оценивание реальных достижений обучающихся». Аутентичное оценивание — это вид оценивания, предусматривающий оценивание сформированности умений, навыков, компетентностей обучающихся в ситуациях, максимально приближенных к реальной повседневной или профессиональной жизни [9, с. 153].

Если сравнить результаты традиционного оценивания и аутентичного, то получим схему, представленную на рис. 2.

На рисунке 3 представлено изменение философии оценивания, в которой прослеживается переход от традиционной системы оценивания к аутентичному оцениванию.

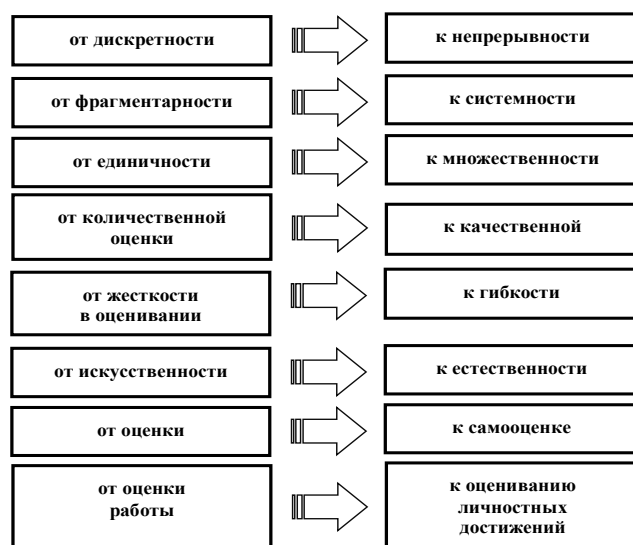

Рис. 3. Переход от традиционной системы оценивания к аутентичной в философской системе оценивания
(Pic. 3. Transfer from the traditional assessment system to the authentic assessment system in the philosophical assessment system)

В образовательном процессе аутентичное оценивание требует новых педагогических подходов, где преподаватель не только контролирует и оценивает, но и организует, консультирует, помогает обучающемуся с выбором материала. Обучающийся не только выполняет задания преподавателя, но и самостоятельно собирает материал, анализирует и представляет на выбор свои работы. Отсюда следует, что роли между обучающимся и преподавателем при аутентичном оценивании распределяются иначе, чем при традиционном оценивании.

Адекватными средствами для оценивания компетенций обучающихся выступают электронное порт-

фолио обучающегося [10] и рейтинговая система оценивания [1], так как они позволяют учитывать результаты, достигнутые обучающимися в разнообразных видах деятельности — учебной, научной, исследовательской, творческой, социальной, профессиональной и др. на протяжении всего периода обучения.

Портфолио — новая форма контроля и оценки достижений обучающихся, его характеристика, доказательство прогресса в обучении по результатам, приложенным усилиям, по материализованным продуктам учебно-познавательной деятельности, включая самооценку [4, с. 5; 11; 12; 13; 14; 15].

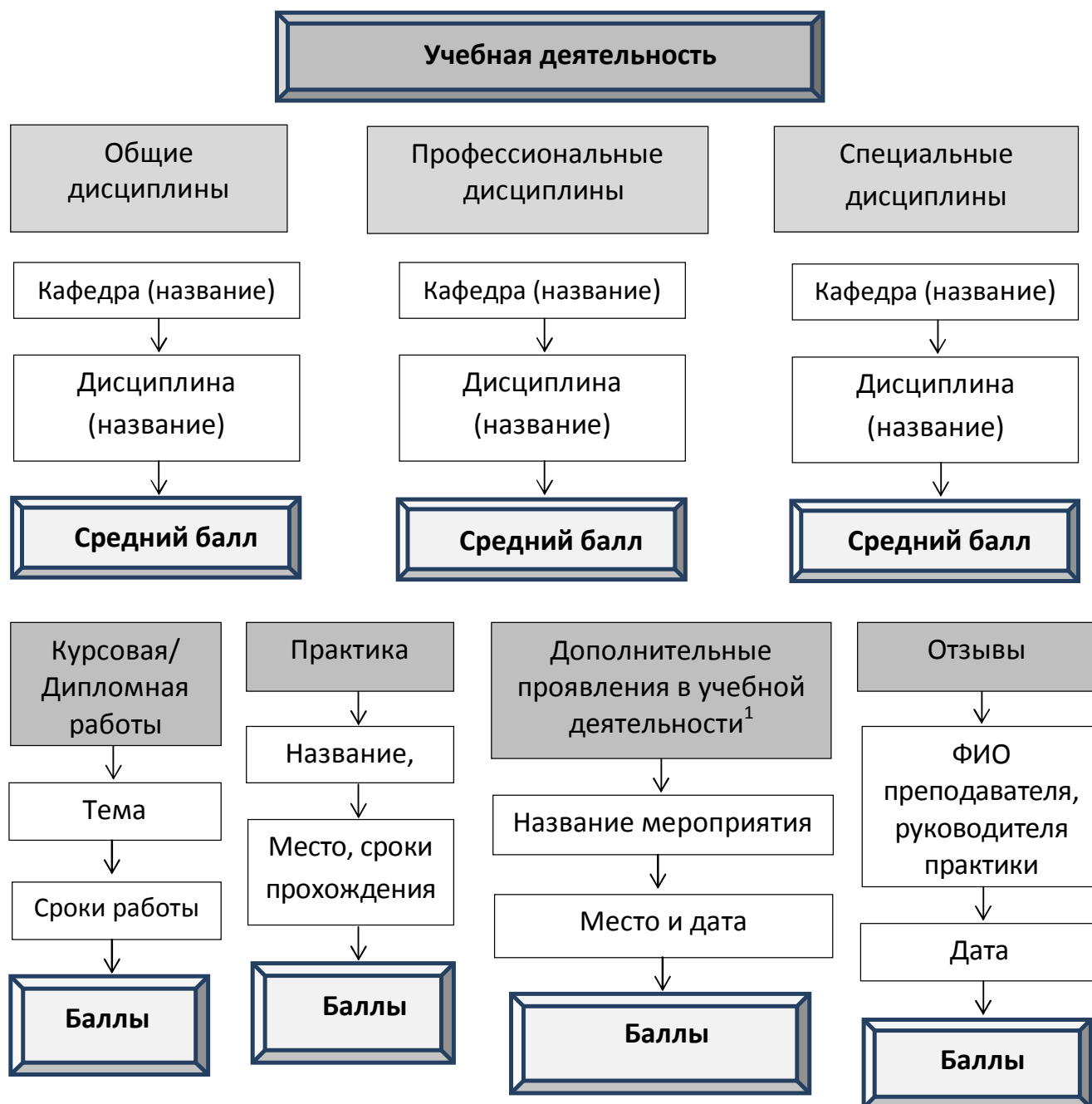

Рис. 4. Структура формальной части
(Fig. 4. Structure of the formal part)

¹ Учитывается участие в олимпиадах, викторинах, а также любые сертификаты об обучении, связанные с профессией.

В нашем исследовании портфолио дополняет традиционные контрольно-оценочные средства, направленные на оценивание образовательной деятельности. Оно позволяет учитывать результаты, достигнутые обучающимися в различных видах деятельности: научной, коммуникативной, социальной, профессиональной и др. Таким образом, портфолио — это инструмент, с помощью которого можно качественно и многомерно оценить компетенции обучающихся.

При формировании оценочного портфолио учебный сектор должен обозначить контрольные точки для промежуточной аттестации. Для этого определяются время промежуточной аттестации и необходимый минимум материала. Следует учитывать некоторые нюансы учебно-познавательной деятельности. Например, первокурсники массово не занимаются научно-исследовательской деятельностью, поэтому соответствующий раздел портфолио у них не должен оцениваться. Пристальное внимание нужно обратить на заполнение разделов, связанных с общественной и творческой деятельностью.

Структура оценочного портфолио, предназначенного для построения образовательного рейтинга обучающегося в образовательных организациях высшего образования МВД России, на наш взгляд, должна состоять из формальной и неформальной частей.

Формальная часть включает учебную деятельность (рис. 4).

Неформальную часть составляют несколько разделов (рис. 5–9):

1. Научно-исследовательская деятельность.
2. Социальная и творческая деятельность.
3. Дополнительные задания.
4. Документы.
5. Отзывы.

Предлагаемая нами структура оценочного портфолио обучающегося разработана на основе нормативных документов образовательной организации высшего образования, компетентностных моделей выпускника, требований федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

Проблема оценивания портфолио на сегодняшний день достаточно сложная и не имеет однозначного решения. Во-первых, нужно установить обязательный минимум и максимум баллов для оценивания. Во-вторых, распределить вес оценки между различными разделами портфолио, т. е. какой элемент наиболее значим в общей оценке, какой менее весом. В-третьих, возникают противоречия между качественно-количественной экспертной оценкой и требованиями федеральных государственных стандартов о формализации и стандартизации критериев оценивания, сформированных за годы обучения в образовательной организации компетентностей обучающихся.

Поэтому для оценочного портфолио предлагается использовать еще один вид аутентичного оценивания — рейтинговую систему.

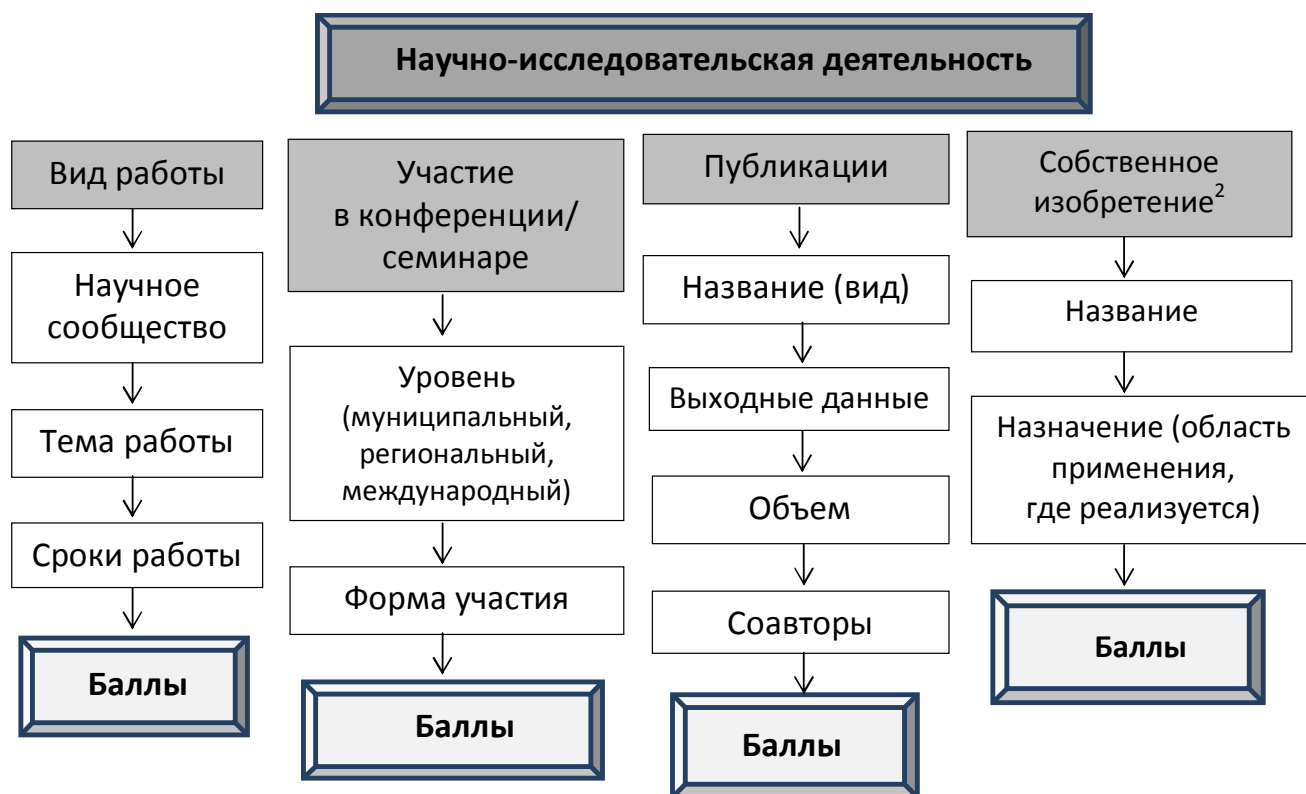

Рис. 5. Структура раздела «Научно-исследовательская деятельность»
(Fig. 5. Structure of research part)

² Собственные методические и дидактические разработки.

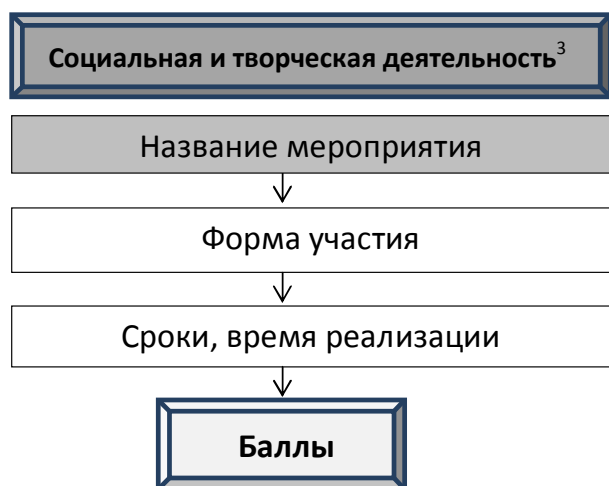

Рис. 6. Структура раздела «Социальная и творческая деятельность»
(Pic. 6. Structure of social and creative activity part)

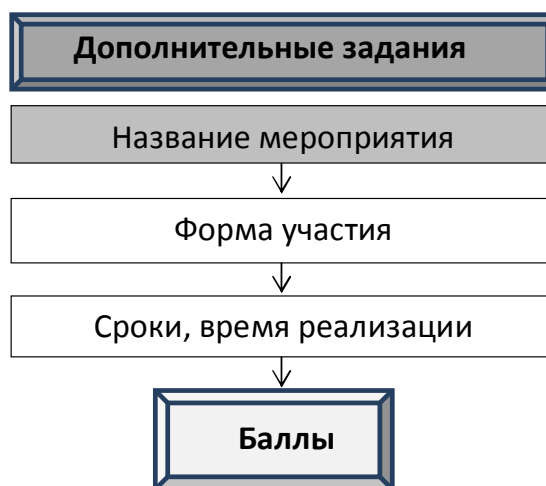

Рис. 7. Структура раздела «Дополнительные задания»
(Fig. 7. Structure of the part “Additional Tasks”)

Рейтинг — это отметка, некоторая численная характеристика какого-либо качественного понятия [9, с. 34].

Рейтинговая система позволяет объективно оценить индивидуальные достижения обучающихся в учебной и других видах деятельности, не только контролировать, но и стимулировать их на самостоятельную научно-исследовательскую деятельность. Рейтинговая оценка, в отличие от традиционной, направлена на дифференциацию уровня знаний обучающихся, когда выявляются даже самые незначительные изменения в усвоении учебного материала каждым обучающимся, она способна стимулировать к работе в течение всего периода обучения.

Основным свойством рейтинговой системы оценивания является открытость («правила игры» обучающийся должен знать заранее, а также вес и оценку любого

вида деятельности, четко представлять, как можно получить максимум баллов и как их потерять). В связи с этим критерии оценивания обсуждаются изначально.

Далее нужно определить вес формальной и неформальной частей, после чего вес элементов внутри каждой группы и только потом производить подсчет.

Вес портфолио можно вычислить двумя способами:
1. Установить вес всего портфолио в 100 баллов и произвести распределение баллов по группам и категориям.
2. Оценить первичные категории, а затем суммировать заданные баллы и получить общий балл за соответствующий раздел портфолио.

Возьмем за основу второй способ распределения баллов по разным видам достижений обучающихся (табл.).

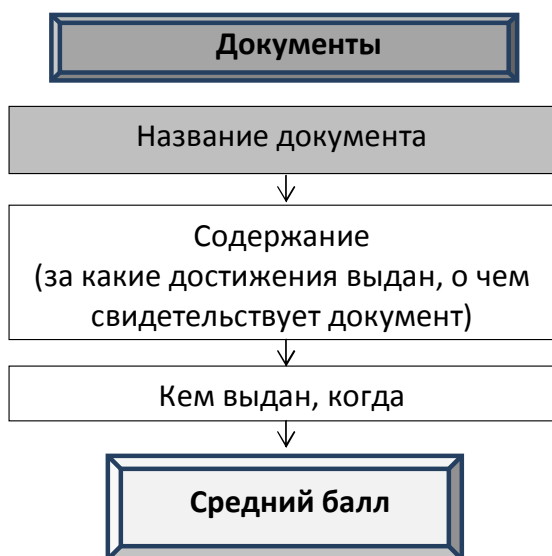

Рис. 8. Структура раздела «Документы»
(Fig. 8. Structure of the part “Documents”)

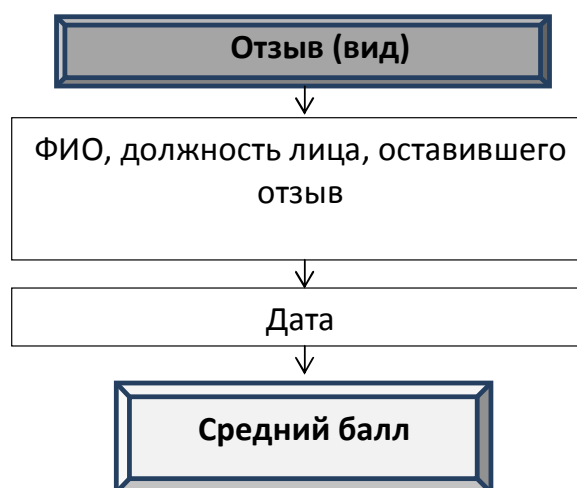

Рис. 9. Структура раздела «Отзывы»
(Fig. 9. Structure of the part “Reviews”)

³ Участие в культурных и спортивных соревнованиях, в работе Ученого совета, волонтерском движении, шефская помощь и др.

Таблица. Критерии оценки портфолио обучающегося в Барнаульском юридическом институте МВД России
(Table. Assessment criteria of the learner's portfolio at the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs)

Виды достижений	Оценка	Примечание
Достижения в учебной деятельности (формальная часть)		
1. Уровень успеваемости по общим дисциплинам	Средний балл	
2. Уровень успеваемости по профессиональным дисциплинам	Средний балл	
3. Уровень успеваемости по специальным дисциплинам	Средний балл	
4. Прохождение практики: — учебной — производственной	2 балла 2 балла	
5. Участие в олимпиадах, интеллектуальных конкурсах и соревнованиях, викторинах и др.	1 балл 2 балла 3 балла 4 балла	общий уровень городской федеральный международный Баллы × 2 в случае призового места
Другие проявления образовательной активности	2 балла	за каждое проявление активности
Достижения в научно-исследовательской деятельности (неформальная часть)		
1. Наличие изобретений и патентов	6 баллов	за каждое изобретение
2. Разработка методических и дидактических материалов	4 балла	за каждую единицу
3. Публикация статей в печатных и электронных изданиях	2 балла 4 балла	в соавторстве самостоятельная
4. Участие в грантах, конкурсах	1 балл 2 балла 3 балла	внутривузовский уровень городской федеральный Баллы × 2 в случае победы
5. Участие в НИР	2 балла	за каждую тему
6. Участие в научных кружках	2 балла	за каждый
7. Участие в научно-практических конференциях, семинарах	1 балл 2 балла 3 балла 4 балла	внутривузовский уровень городской федеральный международный
Выступление с докладом	2 балла 4 балла 6 баллов 8 баллов	внутривузовский уровень городской федеральный международный
8. Подготовка рефератов, отчетов и др. в рамках выбранной профессии	2 балла	за каждую единицу
9. Другие проявления и достижения в исследовательской и творческой деятельности	2 балла	за каждую единицу
Достижения в социальной и творческой деятельности		
1. Участие в волонтерском движении, шефская помощь	2 балла	за каждое участие
2. Участие в культурных и спортивных мероприятиях	1 балл 2 балла 3 балла 4 балла	внутривузовский уровень городской федеральный международный
3. Участие в работе Ученого совета и других органах самоуправления обучающихся	2 балла	членство
4. Реализация социально значимых программ и проектов	2 балла	за каждую единицу
5. Другие проявления социальной активности	2 балла	за каждую единицу
Документы		
Наличие сертифицированных (документированных) индивидуальных образовательных достижений	2 балла	за каждую единицу
Отзывы		
Отзывы экспертов различных групп: преподавателей, руководителей практики, курсовых и др.	2 балла	за каждую единицу

При рассмотренном способе распределения баллов по разным видам достижений обучающихся максимальный рейтинг оценочного портфолио не указывается, но государственный стандарт требует формализации представленных в портфолио достижений выпускника и выставления отметки. В связи с этим распределим набранные баллы следующим образом:

85–100 — отметка «отлично» (продвинутый уровень);

75–84 — отметка «хорошо» (базовый уровень);

60–74 — отметка «удовлетворительно» (пороговый уровень);

менее 59 — отметка «неудовлетворительно» (низкий уровень).

Таким образом, предлагаемый метод оценивания уровня сформированности компетенций обучающихся через оценочный портфолио может использоваться образовательной организацией в качестве дополнительной информации об обучающемся при подведении итогов учебной, научно-исследовательской, социальной и творческой деятельности. Кроме того, он является формой полного и разностороннего представления сведений об обучающемся, для осуществления дальнейшего трудоустройства, поступления в магистратуру, адъюнктуру и др.

Список литературы

1. Гибадуллин И. Г., Калинин А. Н., Ноговицин С. Г. Балльно-рейтинговая система оценки учебной успешности студентов как фактор качественной характеристики в системе зачетных единиц // Мат-лы межвед. конф. Ижевск, 2010. С. 34–38.
2. Голуб Г. Б., Чуракова О. В. Портфолио в системе педагогической диагностики // Школьные технологии. 2005. № 1. С. 181–195.
3. Сидорова И. В., Желонкина Е. А. Разработка оценочных средств, определяющих уровень сформированности компетенций у обучающихся в ходе текущей и промежуточной аттестации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1(64). С. 67–69.

4. Загвоздкин В. К. Роль портфолио в учебном процессе. Некоторые психолого-педагогические аспекты (на основе материалов зарубежных источников) // Психологическая наука и образование. 2004. № 4. С. 5–10.

5. Новикова Т. Г., Пинская М. А., Прутченков А. С., Федотова Е. Е. Портфолио в зарубежной образовательной практике // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 201–238.

6. Barrett H. C. Electronic Portfolios — A chapter in Educational Technology // ABC-CLIO Encyclopedia. 2001. URL: <http://electronicportfolios.com/portfolios/encyclopediaentry.htm> (дата обращения: 14.02.2018).

7. Collins A. Portfolios for Science Education: Issues in Purpose, Structure and Authenticity // Science Education. 1992. № 76(4). P. 451–463 (дата обращения: 14.02.2018).

8. Niguidula D. The Digital Portfolio: A Richer Picture of Student Performance // Coalition of Essential Schools (CES National). URL: http://www.essentialschools.org/cs/resources/view/ces_res/225 (дата обращения: 14.02.2018).

9. Кныш И. А., Переверзев В. Ю., Прудков С. А. Методические рекомендации по структуре, технологии организации и оценке (рейтингованию) «портфеля достижений студента». М., 2007. 48 с.

10. Переверзев В. Ю., Синельников С. А. Электронное портфолио студента как инновационное оценочное средство // Среднее профессиональное образование. 2008. № 1. С. 71–73.

11. Литвинов В. А., Баумтпрог В. Э. Оценка сформированности компетенций обучающихся на основе его портфолио // Современное образование. 2017. № 1. С. 88–89.

12. Новикова Т. Г. Оценивание с помощью портфолио // Народное образование. 2006. № 7. С. 137–141.

13. Новикова Т. Г., Федотова Е. Е. Оценивание с помощью портфолио и изменение концепции деятельности школы, содержания и методов обучения // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 152–164.

14. Смолянинова О. Г. Е-портфолио в оценивании образовательных достижений в профессиональном развитии магистров // Информатика и образование. 2009. № 12. С. 121–122.

15. Шехонин А. А., Тарлыков В. А., Клещева И. В., Багаутдинова А. Ш. Оценка образовательных результатов в процессе формирования портфолио студента. СПб., 2014. 80 с.

Поступила 02.03.2018

UDC 159.99

Portfolio as a modern Effective Means to Estimate the Outcomes (at Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs)

Lyudmila M. Osintseva,

lecturer at the Department of Informational Technologies and Special Techniques,
the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Barnaul, Russia. e-mail: osinal77@mail.ru

Lyudmila V. Kuznetsova,

Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor at the Department of Administrative Law
and Administrative Activity of Law Enforcement Agencies,
the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Barnaul, Russia. e-mail: mikalv_09@mail.ru

The article proves it reasonable to employ the traditional system of assessment of the learning process at the Russian Ministry of Internal Affairs' educational organizations of higher education, gives a comparative outline of the traditional and authentic assessment of learners' achievements and examines the transfer from the traditional assessment system to the authentic one in the philosophy of assessment. The authors reveal the algorithm of the structure of the formal and informal parts of the assessment portfolio which includes the assessment of learning activity, research activity, social and creative activity and additional tasks. It is suggested to use point-rating system when estimating individual learner's outcomes in the course of studies. For this purpose criteria of allocating points for learners' different achievements are used which help to comprehend the level of mastering the educational syllabus and development of professional competences by learners via the assessment portfolio.

Keywords: assessment system; educational activity; electronic portfolio; authentic assessment; point-rating system; professional competences.

Citation: Osintseva L. M., Kuznetsova L. V. Portfolio as a modern Effective Means to Estimate the Outcomes (at Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. C. 53–60. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13010

References

1. Gibadullin I. G., Kalinichenko A. N., Nogovitsin S. G. Point-rating System of Students' Learning Achievements as the factor of Quality Characteristics in the System of Credits. Materials of Interministerial Conference. Izhevsk, 2010. Pp. 34–38. (In Russ.)
2. Golub G. B., Churakova O. V. Portfolio in the System of Pedagogical Diagnostics. *School Technologies*. No. 1, 2005. Pp. 181–195. (In Russ.)
3. Sidorova I. V., Zhelonkina Ye. A. Development of Assessment Means to Determine the Level of Learner's Competences at the stages of Ongoing and Interim Evaluation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(64), 2016. Pp. 67–69. (In Russ.)
4. Zagvozdkin V. K. The Role of Portfolio in Education. Some Psychology-Pedagogical Aspects (on the materials of Foreign Sources). *Psychological Science and Education*. No. 4, 2004. Pp. 5–10. (In Russ.)
5. Novikova T. G., Pinskaya M. A., Prutchenkov A. S., Fedotova Ye. Ye. Portfolio in Foreign Education. *Educational Studies*. No. 3, 2004. Pp. 201–238. (In Russ.)
6. Barrett H. C. Electronic Portfolios – A chapter in Educational Technology. ABC-CLIO Encyclopedia, 2001. <http://electronicportfolios.com/portfolios/encyclopediaentry.htm>.
7. Collins A. Portfolios for Science Education: Issues in Purpose, Structure and Authenticity. *Science Education*. No. 76 (4), 1992. Pp. 451–463.
8. Niguidula D. The Digital Portfolio: A Richer Picture of Student Performance. Coalition of Essential Schools (CES National). http://www.essentialschools.org/cs/resources/view/ces_res/225. (In Russ.)
9. Knysh I. A., Pereverzev V. Yu., Prudkov S. A. Methodical Recommendations for the Structure, Organizational and Assessment Technology to Estimate Student's Portfolio. Moscow, 2007. 48 p. (In Russ.)
10. Pereverzev V. Yu., Sinelnikov S. A. Electronic Portfolio of Professional Education. *The Journal of Secondary Vocational Education*. No. 1, 2008. Pp. 71–73. (In Russ.)
11. Litvinov V. A., Baumtrog V. E. Assessment of Learner's Competences according to his Portfolio. *Modern Education*. No. 1, 2017. Pp. 88–89. (In Russ.)
12. Novikova T. G. Assessment via Portfolio. *National Education*. No. 7, 2006. Pp. 137–141. (In Russ.)
13. Novikova T. G., Fedotova Ye. Ye. Assessment via Portfolio and Change of the Conception of School Activity, Content and Methods of Learning. *Educational Studies* No. 2, 2010. Pp. 152–164. (In Russ.)
14. Smolyaninova O. G. E-Portfolio used for Assessment of Educational Achievements in Master's Professional Development. *Informatics and Education*. No. 12, 2009. Pp. 121–122. (In Russ.)
15. Shekhonin A. A., Tarlykov V. A., Klesheva I. V., Bagautdinova A. Sh. Assessment of Learning Achievements in the course of Making a Student's Portfolio. St Petersburg, 2014. 80 p. (In Russ.)

Submitted 02.03.2018

Психолого-педагогические аспекты подготовки сотрудников ОВД к профессиональным действиям с применением огнестрельного оружия

Сибирко Михаил Анатольевич,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России
Воронеж, Россия. e-mail: msibirko@yandex.ru

Панферкина Ирина Сергеевна,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры административного права Воронежского института МВД России
Воронеж, Россия. e-mail: formaneforma@mail.ru

Подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях, требующих грамотного, обоснованного и эффективно применения огнестрельного оружия, и сегодня остается одним из важных направлений деятельности образовательных организаций системы МВД России. Исследование психолого-педагогических аспектов такой подготовки в компетентностной парадигме образования приводит к выводу о том, что она способствует формированию и установленных компетенций на необходимом уровне, и готовности будущих специалистов эффективно решать актуальные задачи, которые поставлены обществом, государством перед правоохранительными органами. Для достижения максимального эффекта в подготовке будущих специалистов к возможным предстоящим действиям в экстремальных ситуациях, требующих применения огнестрельного оружия, важно использовать преимущества, создаваемые межпредметной интеграцией. В связи с этим мы представляем методику проведения комплексных занятий по огневой подготовке на основе применения метода моделирования профессиональной правоприменительной деятельности сотрудников ОВД с использованием в экстремальных ситуациях огнестрельного оружия, а также необходимые для ее эффективного использования педагогические условия и психологическое сопровождение. Разработка методики, обоснование педагогических условий и психологического сопровождения строятся на многолетней научно-исследовательской и опытно-экспериментальной деятельности преподавателей кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России.

Ключевые слова: подготовка курсантов; действия в экстремальных ситуациях; применение огнестрельного оружия.

Для цитирования: Сибирко М. А., Панферкина И. С. Психолого-педагогические аспекты подготовки сотрудников ОВД к профессиональным действиям с применением огнестрельного оружия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 61–67. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13011

Подготовка курсантов — будущих специалистов органов внутренних дел (ОВД) к профессиональным действиям с применением огнестрельного оружия и сегодня остается одним из важных направлений деятельности образовательных организаций системы МВД России. С экстремальными ситуациями, когда необходимы грамотные профессиональные действия с применением оружия в строгом соответствии с действующим законодательством, сотрудники ОВД сталкиваются постоянно: в ходе преследования и задержания преступников, осуществления следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, пресечения нарушений общественного порядка и др. По мнению министра внутренних дел В. А. Колокольцева, «одним из основных вопросов повестки дня в современных условиях является эффективное противодействие экстремизму и терроризму»¹, в отношении которых Президент Российской Федерации В. В. Путин призывает «действовать жестко и абсолютно бескомпромиссно»². Действия в экстремальных ситуациях, связанные с применением огнестрельного оружия в условиях противодействия экстремизму и терроризму, также требуют формирования морально-психологической готовности к их осуществлению.

Согласно компетентностной парадигме современного высшего образования, выдвинувшей перед образовательной практикой ряд принципиальных проблем практического плана, целью подготовки специалистов выступает формирование их готовности к грамотному решению комплексных профессиональных задач, к осуществлению профессиональной деятельности в соответствии с развитыми способностями, а также формирование умений и желания учиться и совершенствоваться в процессе такой деятельности. Однако и сегодня многие аспекты указанных проблем остаются недостаточно изученными, нуждаются в исследовании, проведении опытно-экспериментальной работы и обосновании предложений, позволяющих образовательным организациям проводить подготовку квалифицированных специалистов, способных осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с потребностями общества, государства, личности, на что обращают внимание ведущие ученые (А. А. Вербицкий [1, с. 32], И. А. Зимняя [2, с. 7], В. В. Сериков [3, с. 348], А. В. Хуторской [4, с. 7] и др.). Одним из таких аспектов является организация эффективной подготовки курсантов ведомственных образовательных организаций к действиям в экстремаль-

¹ Текст официального выступления Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 9 марта 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 15.09.2017).

² Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 9 марта 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 15.09.2017).

ных ситуациях, требующих применения огнестрельного оружия, с использованием инновационных методик проведения занятий по огневой подготовке, а также психологического сопровождения занятий.

В связи с этим целью настоящей публикации стало представление методики проведения комплексных занятий по огневой подготовке на основе применения метода моделирования профессиональной правоприменительной деятельности сотрудников ОВД с использованием в экстремальных ситуациях огнестрельного оружия, а также необходимых для этого педагогических условий и психологического сопровождения. Разработка методики, педагогические условия и психологическое сопровождение строятся на многолетней научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работе преподавателей кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России.

Исследованием было установлено, что проблемы, связанные с такой подготовкой, сохраняются в течение длительного времени и не находят своего разрешения. Так, еще в 1995 г. в диссертационном исследовании А. А. Хвастунова подчеркивалась «настоятельная и широкая потребность разработки и научного обоснования новых, специфических средств и методов оптимизации педагогического процесса по формированию навыков результативной стрельбы из табельного оружия» [5, с. 3]. В 2000 г. В. Н. Витольник отмечал, что существующая «система подготовки курсантов в ВУЗах МВД РФ неадекватно реагирует на события, происходящие в изменении объема и сложности выполнения служебно-боевых задач», «сложившиеся стереотипы преподавания огневой подготовки преодолеваются с трудом» и «практика преподавания курса „Огневая подготовка“ в высших учебных заведениях МВД России должна активно меняться» [6, с. 5]. Но и по прошествии десятилетий В. Г. Лупырь и О. О. Осипов справедливо указывают на «некорректное понимание педагогической действительности, нерешенность и даже непризнание комплекса проблем, связанных с педагогическим проектированием междисциплинарного подхода к процессу формирования у курсантов и слушателей профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия» [7, с. 52].

В своем исследовании мы используем не только компетентностный, но и интегративный подход, что придает его результатам определенную научную новизну. Согласно компетентностному подходу мы конкретизируем цели подготовки будущих специалистов в обеспечении их способностей и готовности к применению огнестрельного оружия в экстремальных ситуа-

циях в соответствии с установленными компетенциями. Действующими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования и по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (ПОНБ)³, и по специальности 40.00.02 Правоохранительная деятельность (ПД)⁴ установлены профессиональные компетенции, непосредственно определяющие способности сотрудников ОВД действовать в экстремальных ситуациях: для специальности ПОНБ это ПК-17, для специальности ПД — ПК-23 (способность выполнять профессиональные задачи в особых условиях). Способность осуществлять действия по силовому пресечению правонарушений, использовать для решения профессиональных задач специальную технику, оружие, специальные средства установлена для специальности ПОНБ в ПК-14. Для специальности ПД в ПК-18 аналогичный текст содержит уточнение: правомерно и эффективно применять табельное оружие.

Для осознанного, правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия особенно важно действовать в соответствии с правами сотрудников полиции по его применению, установленными Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵ (ст. ст. 23–24). Целенаправленное формирование компетенций на занятиях по огневой подготовке регламентируется Наставлением по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации и приказом МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»⁶ и др. Однако подготовка курсантов к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия не может ограничиваться исключительно занятиями по огневой подготовке, она должна включать комплекс психолого-педагогических процедур, результатом которых и становится формирование необходимых компетенций. Ведь любая компетенция «в отличие от предметных знаний и умений, имеет интегративную природу, она несводима к механической сумме знаний и способов действий, полученных в процессе изучения предметов» [8, с. 8], а потому «организацию эффективного обучения стрельбе из личного оружия необходимо строить на междисциплинарных взаимосвязях психологических, психофизиологических, педагогических закономерностей формирования умений и навыков стрельбы» [9, с. 4]. Развивая это положение, мы рассматриваем не только междисциплинарные связи, но и целостный интегративный процесс формирования установленных компетенций.

³ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета) : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 декабря 2016 г. № 1614. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета) : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 1424. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Там же.

В усвоении будущими специалистами компетенций, необходимых для профессионального применения боевого огнестрельного оружия, в обеспечении их готовности к правоприменительной оперативно-служебной деятельности мы видим ведущую цель огневой подготовки курсантов. Учеными предлагаются различные подходы к оценке сформированности компетенций. Например, И. В. Ураков обосновывает возможность использования показателя «огневой подготовленности каждого слушателя (курсанта), выпускника» [10, с. 7]. Однако этот показатель, скорее всего, будет полезен для проведения научных исследований и опытно-экспериментальной работы. Что касается Воронежского института МВД России, то здесь компетенции, которые должны быть сформированы в процессе изучения дисциплины «Огневая подготовка» и характеризовать результаты подготовки, определены матрицей компетенций, а для оценки результативности формирования компетенций используются показатели, включенные в Фонд оценочных средств для проведения промежуточной (итоговой) аттестации обучающихся и отраженные в рабочей программе изучения дисциплины на 2–5 курсах.

Представляя методику проведения комплексных занятий по огневой подготовке на основе применения метода моделирования профессиональной правоприменительной деятельности сотрудников ОВД с применением огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях, важно отметить:

1) методика основана на межпредметной интеграции, так как именно это приводит к практическому применению курсантами знаний, умений и навыков, полученных в процессе изучения следующих дисциплин: «Огневая подготовка», «Тактико-специальная подготовка», «Административное право и административная деятельность», «Психология» и др.;

2) при разработке методики учитывалось, что в организации и проведении занятий по огневой подготовке применяемые методы обусловлены используемыми средствами обучения, в качестве которых выступают специально оборудованные стационарные тир, полигоны, интерактивные и оптико-электронные тренажеры; учебное оружие — пистолеты, автоматы, боеприпасы к ним; средства звукоизоляции и др. Методы обучения будут зависеть от того, где и с применением какого оружия осуществляется обучение стрельбе. Из возможных для использования методов обучения мы считаем наиболее эффективным для разработки и апробации методики метод моделирования профессиональной правоприменительной деятельности сотрудников ОВД с применением огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях.

Использование разработанной методики в организации и проведении занятий по огневой подготовке позволяет задействовать те преимущества, которые создаются межпредметной интеграцией. Это приводит к тому, что у преподавателей появляются новые возможности в постановке и решении задач, обеспечивающих формирование целостной личности изучающего определенную дисциплину, и в повышении эффективности

ее изучения за счет использования возникающего контура обратной связи и направления процесса изучения в русло предстоящей профессиональной деятельности будущих специалистов [11, с. 171].

Так, межпредметная интеграция в моделировании профессиональной правоприменительной деятельности сотрудников ОВД с использованием огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях на занятиях по огневой подготовке позволяет приобрести и закрепить знания правомерности применения огнестрельного оружия в экстремальных условиях (интеграция дисциплин «Административное право и административная деятельность», «Тактико-специальная подготовка», «Огневая подготовка» и др.). Кроме того, на комплексных занятиях формируются и закрепляются умения обобщенного применения полученных знаний при решении служебных задач, связанных с применением в экстремальных ситуациях огнестрельного оружия, навыки эффективного и целесообразного применения оружия в экстремальных ситуациях (интеграция дисциплин «Огневая подготовка», «Тактико-специальная подготовка», «Психология» и др.).

Для проведения комплексных занятий по огневой подготовке на основе моделирования профессиональной правоприменительной деятельности сотрудников ОВД с использованием в экстремальных ситуациях огнестрельного оружия разработанная нами методика включает следующие поэтапно используемые приемы:

1 этап: подготовительные упражнения к производству выстрела при ведении в экстремальных условиях скоростной стрельбы, в процессе которых отрабатываются навыки извлечения оружия из кобуры, способы удержания (хват) оружия, осуществляется обучение прицеливанию в сложных условиях, управлению дыханием, спуску курка с боевого взвода.

2 этап: обучение принятию изготовок с одной и двух рук из положений стоя, лежа и др., а также обучение принятию изготовок с использованием естественных укрытий.

3 этап: обучение стрельбе в процессе движения и при наличии мешающих факторов.

4 этап: выполнение упражнений с включением экстремальных (психотравмирующих) факторов, требующих особых действий и влияющих на результативность стрельбы (звуковых, световых, создающих помехи при движении и стрельбе, комплексных и т. п.).

5 этап: выполнение специальных упражнений, включающих ведение стрельбы после перезарядки оружия, имитации ранения, задержек при стрельбе, производство выстрела на опережение и уход с линии огня и др.

6 этап: комплексные упражнения скоростной стрельбы, выполняемые при повышенной физической и психологической нагрузке в моделируемых экстремальных ситуациях.

Успешность проведения комплексных занятий по огневой подготовке на основе моделирования профессиональной правоприменительной деятельности с использованием в экстремальных ситуациях огнестрельного

оружия во многом определяется тем, насколько эффективны занятия по психологическому сопровождению подготовки курсантов к указанным действиям.

О значимой роли психологического сопровождения подготовки курсантов к применению огнестрельного оружия свидетельствует не только отечественный, но и зарубежный опыт подготовки полицейских [12]. Так, в англоязычных странах итогом подготовки полицейских должна стать готовность к *deadly force*, т. е. ведение огня на поражение, применение силы со смертельным исходом. Для достижения этого результата действуют психологические службы в Соединенных Штатах Америки [13], Великобритании [14], Канаде [15], Новой Зеландии [16] и др. Перед нами стояла задача обеспечить готовность курсантов к *deadly force*, но особое значение имела интеграция психологического обеспечения проведения занятий по огневой подготовке.

В основу организации и проведения занятий по формированию устойчивой психологической готовности к грамотным действиям с огнестрельным оружием на занятиях по огневой подготовке были положены результаты совместных с сотрудниками отделения психологической работы исследований проблем, связанных с применением огнестрельного оружия сотрудниками ОВД в экстремальных ситуациях и требующих психологического сопровождения. Проблематику психологического обеспечения занятий по огневой подготовке определяли:

1) с учетом формирования психологической готовности будущих специалистов к обеспечению личной безопасности и выживанию в экстремальных ситуациях, требующих применения огнестрельного оружия;

2) с учетом обеспечения бдительности и высокого профессионально-боевого настроя в условиях необходимости применения огнестрельного оружия;

3) с учетом обеспечения психической саморегуляции, само- и взаимопомощи курсантов-сотрудников ОВД и будущих специалистов в ситуациях, требующих применения в экстремальных условиях огнестрельного оружия;

4) с учетом диагностики, профилактики и коррекции тех негативных психических состояний, которые могут возникнуть на занятиях по огневой подготовке при моделировании указанных экстремальных условий.

Наибольшую эффективность в формировании психологической готовности к выполнению рассматриваемых упражнений на внеаудиторных занятиях, проводившихся сотрудниками отделения психологической работы Воронежского института МВД России, показали тренинги развития познавательных и эмоционально-волевых процессов [17, с. 159–160]. Такие тренинги были адаптированы к проблематике психологического обеспечения подготовки будущих специалистов к действиям в экстремальных ситуациях в Омской академии МВД России [18].

В качестве основных задач занятий психологического сопровождения были определены и доведены до курсантов следующие: получение и глубокое усвоение необходимых знаний об особенностях влияния экстремальных ситуаций на психику человека (в том числе

психофизиологических механизмов влияния); приобретение навыков совершенствования индивидуальных способностей к ощущению, восприятию, а также развитие внимания, памяти, наблюдательности, умения анализировать экстремальную ситуацию и предвидеть ее развитие и др.; тренировка восприятия экстремальных условий и преодоления психологических трудностей, характерных для них (страха, скованности, нарушений памяти и концентрации внимания, притупления эмоций или агрессивности и др.); выработка умений и навыков управлять собой в профессионально и психологически сложных условиях, мобилизовывать свои силы и возможности, чтобы устоять перед трудностями и опасностями, не совершать импульсивных непродуманных поступков, способных нанести вред и самому себе, и разрешению той экстремальной ситуации, в которой потребовалось применение огнестрельного оружия; приобретение навыков эмоционально-волевой регуляции, которая, по мнению исследователей, «является одной из ведущих в системе компетенций, определяющих профессиональную надежность сотрудников ОВД, представляет собой совокупность способностей к переработке эмоциональных воздействий, характерных для правоохранительной деятельности» [19, с. 11].

Эффективность разработанной методики проведения комплексных занятий по огневой подготовке на основе моделирования профессиональной деятельности сотрудников ОВД с применением огнестрельного оружия в сочетании с психологическим сопровождением проведения занятий находит в результатах опытно-экспериментальной работы, проводившейся в Воронежском институте МВД России в 2012–2017 гг.

В опытно-экспериментальной работе участвовали 7 преподавателей кафедры огневой подготовки, которые не только использовали методику в организации и проведении занятий, но и обрабатывали получаемые результаты, анализировали их, предлагали пути совершенствования методики и повышения ее эффективности. Психологическое сопровождение осуществлялось сотрудниками отделения психологической работы (2 человека). В опытно-экспериментальную работу были вовлечены курсанты экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп. В ЭГ и КГ было включено по два взвода (по одному из обучающихся по специальностям ПОНБ и ПД, 47 человек в ЭГ и 48 человек в КГ). Занятия в ЭГ проводились по разработанной методике с психологическим сопровождением, а в КГ занятия строились на основе иных традиционных и инновационных методов. Результаты опытно-экспериментальной работы оценивались с помощью фондов оценочных средств, включенных в рабочую программу дисциплины «Огневая подготовка», а также с задействованием метода экспертных оценок для оценки морально-психологической готовности к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия после сдачи курсантами зачетов в четвертом — восьмом семестрах и экзамена в десятом семестре (см. табл.).

Таблица. Количественные характеристики уровня сформированности компетенций и морально-психологической готовности курсантов ЭГ и КГ к применению огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях по этапам изучения дисциплины «Огневая подготовка»

(Table. Quantative Characteristics of the Level of Cadets' Competences and Moral and Psychological Readiness in Experimental and Control Groups for using Firearms in Extreme Situations according to Stages of Studying Firearms Training)

Форма контроля	Семестр	Уровень	ЭГ		КГ	
			чел.	%	чел.	%
Зачет	Четвертый	низкий	17	36,2	15	31,25
		средний	22	46,8	23	47,90
		высокий	8	17,0	10	20,85
	Шестой	низкий	9	19,1	9	18,75
		средний	13	27,7	23	47,90
		высокий	25	53,2	16	33,35
	Восьмой	низкий	3	6,4	4	8,33
		средний	12	25,5	24	50,00
		высокий	32	68,1	20	41,67
Экзамен	Десятый	низкий	–	–	–	–
		средний	7	14,9	18	37,50
		высокий	40	85,1	30	62,50

В таблице представлены количественные характеристики достигнутого уровня сформированности компетенций и морально-психологической готовности курсантов ЭГ и КГ по этапам изучения дисциплины, которые распределены по трем уровням (низкий, средний и высокий).

Результаты опытно-экспериментальной и аналитической работы показывают, что для эффективного формирования установленных компетенций в процессе подготовки будущих специалистов к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия должны быть созданы необходимые педагогические условия. В качестве первого условия мы определяем целенаправленное использование возможностей, которые создаются:

1) приобретением теоретических знаний в области морали, нравственности, психологии, социологии и др. (морально-психологическая подготовка);

2) формированием умений и навыков, необходимых для обеспечения физической готовности к эффективному решению задач профессиональной правоприменительной деятельности с применением огнестрельного оружия (физическая подготовка);

3) приобретением специальных знаний, умений, навыков, определяющих готовность к применению специальных средств (тактико-специальная подготовка);

4) приобретением знаний, формированием умений и навыков применения сотрудником полиции табельного оружия в законодательно определенных ситуациях (огневая подготовка).

Вторым педагогическим условием является поэтапное формирование установленных компетенций, обеспечение преемственности в ходе огневой и морально-психологической подготовки курсантов к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия, что объясняется сложностями, возникающими в процессе адаптации курсантов к осуществлению действий, связанных с применением огнестрельного оружия.

Третье педагогическое условие — обоснованное и эффективное применение форм, методов и средств как психологической, так и огневой подготовки, стимулирование мотивации каждого курсанта к целеустремленному формированию готовности к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия. Мотивация, по справедливому утверждению Т. А. Басиной, выступает не только «как совокупность факторов, определяющих и детерминирующих поведение, но и как процесс, поддерживающий психическую активность» [20, с. 18].

Исследование психолого-педагогических аспектов подготовки сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия в компетентностной парадигме образования позволило сформулировать выводы.

1. Подготовка будущих специалистов к грамотному, эффективному и обоснованному применению огнестрельного оружия должна включать комплекс психолого-педагогических процедур, результатом которых служит формирование установленных компетенций на необходимом уровне.

2. Максимальный эффект в подготовке курсантов к возможным предстоящим действиям, требующим применения огнестрельного оружия, достигается в созданных для этого педагогических условиях с использованием преимуществ межпредметной интеграции.

3. Такие преимущества (закрепление знаний правомерности применения огнестрельного оружия, умений и навыков обоснованного применения полученных знаний при решении служебных задач, связанных с применением в экстремальных ситуациях огнестрельного оружия, тренировка восприятия экстремальных условий и преодоления психологических трудностей, характерных для них) успешно реализуются в Воронежском институте МВД России в процессе организации и проведения комплексных

занятий по огневой подготовке на основе моделирования профессиональной деятельности сотрудников ОВД с применением огнестрельного оружия. Об этом свидетельствуют результаты опытно-экспериментальной работы. Успешное проведение комплексных занятий обеспечивается и их психологическим сопровождением.

Перспективы исследования проблемы подготовки будущих специалистов к действиям в экстремальных ситуациях с применением огнестрельного оружия мы видим в опытно-экспериментальной и аналитической работе, связанной с гендерными особенностями формирования компетенций, установленных государственными образовательными стандартами, на занятиях по дисциплине «Огневая подготовка».

Список литературы

1. *Вербицкий А. А.* Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 32–37.
2. *Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. 42 с.
3. *Сериков В. В.* Развитие личности в образовательном процессе : монография. М., 2012. 448 с.
4. *Хуторской А. В.* Дидактика : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2017. 720 с.
5. *Хвастунов А. А.* Методика огневой подготовки в системе первоначального обучения сотрудников ОВД : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995. 23 с.
6. *Витольник В. Н.* Огневая подготовка курсантов вузов МВД России на основе современных технических средств обучения : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 226 с.
7. *Лупырь В. Г., Оситов О. О.* Становление и инновационное развитие кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 52–55.
8. *Ибрагимов И. Г.* Методологические и прикладные проблемы развития дидактики профессиональной школы // Педагогика. 2014. № 8. С. 3–12.

9. *Торопов В. А.* Теория и практика эффективного обучения сотрудников ОВД стрельбе из личного оружия : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 341 с.

10. *Ураков И. В.* Совершенствование огневой подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 24 с.

11. *Меищерякова Е. И., Панферкина И. С.* Интегративный подход к профессиональной подготовке специалистов подразделений по делам несовершеннолетних : монография. Воронеж, 2015. 198 с.

12. *Салпагарова С. Р.* Организация психологического обеспечения полиции англоязычных стран : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 219 с.

13. *Milton C. H., Helleck J. W., Sardner J., Abrecht G. L.* Police Use of deadly force. USA: Police Foundation, 1977. 217 p.

14. *Gudjonsson G. H., Adlam K. R. C.* Occupational stressors among British police officers // Police Journal. 1985. Vol. 62. P. 17–23.

15. *Schuller R. A.* Introduction to psychology and law: Canadian perspectives: UTP 100, 1901–2001. Toronto, 2001. 178 p.

16. *Stephens C., Long N., Miller I.* The impact of trauma and social support on post-traumatic stress disorder in New Zealand police officers. Journal of Criminal Justice. 1997. Vol. 25. P. 36–45.

17. *Сибирко М. А.* Формирование морально-психологической устойчивости курсантов образовательных учреждений МВД России в экстремальных ситуациях : дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2012. 196 с.

18. *Скиданов Е. А., Михайлова В. К., Белоусова Е. А., Юрченко Г. А.* Использование кабинета психологической регуляции в практической деятельности психологов органов внутренних дел : метод. пособие. Омск, 2005. 48 с.

19. *Гончарова Н. А., Жидкова О. А.* Эмоционально-волевая регуляция как условие обеспечения надежности деятельности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 11–15.

20. *Басина Т. А.* Особенности учебной мотивации курсантов ведомственной образовательной организации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 18–20.

Поступила 25.09.2017

UDC 378.1

Psychological and Pedagogical Aspects of Training Cadets to Use Firearms

Mikhail A. Sibirko,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Chief of Fire Training Department of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Voronezh, Russia. e-mail: msibirko@yandex.ru

Irina S. Panferkina,

Candidate of Sciences (Pedagogy), senior lecturer of the Department of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Voronezh, Russia. e-mail: formaneforma@mail.ru

Law enforcement officers' preparation for activities in extreme conditions requiring knowledgeable, reasonable and effective usage of firearms remains today one of the important activities of the educational organization in the system of the Russian MIA. The study of psychologically-pedagogical aspects of such training within competency-based educational approach proves that it facilitates formation of both the established competencies up to the necessary level and future specialists' readiness to tackle effectively relevant tasks set for law enforcement agencies by the society and the state. To achieve maximum effect in preparing future specialists for possible oncoming activities in extreme conditions which require use of firearms it is significant to take advantages caused by inter-subject integration. Thereby, the authors provide a method of conducting complex firearms lessons based on the

method of modelling law enforcement officers' activity using firearms in extreme conditions as well as pedagogical conditions and psychological maintenance necessary for effective employment of this method. Development of the method, explanation of pedagogical conditions and psychological maintenance are based on the long-term scientific research and practical experiments conducted by the teaching staff of the Firearms training department of the Voronezh Institute of the Russian MIA.

Keywords: cadets' training; activities in extreme conditions; use of firearms.

Citation: Sibirko M. A., Panferkina I. S. Psychological and Pedagogical Aspects of Training Cadets to Use Firearms. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. C. 61–67. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13011

References

1. Verbitsky A. A. Context-competence Approach to the Modernization of Education. *Higher Education in Russia*. No. 5, 2010. Pp. 32–37. (In Russ.)
2. Zimnyaa I. A. Key Competences as the Effective-target basis of Competence-based Approach in Education. Moscow, 2004. 42 p. (In Russ.)
3. Serikov V. V. Personal Development in the Education. Moscow, 2012. 448 p. (In Russ.)
4. Khutorskoy A. V. Didactics. Standard of the Third Generation. St Petersburg, 2017. 720 p. (In Russ.)
5. Khvastunov A. A. Technique of Fire Training in the Initial Training of Law Enforcement Officers. Extended Abstract of Candidate of Sciences Dissertation (Pedagogy). Moscow, 1995. 23 p. (In Russ.)
6. Vitolnik V. N. Fire Training of Cadets of High Schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the basis of Modern Technical Means of Training. Candidate of Sciences Dissertation (Pedagogy). St Petersburg, 2000. 226 p. (In Russ.)
7. Lupyv V. G., Osipov O. O. Formation and Innovative Development of the Department of Fire Training of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(66), 2016. Pp. 52–55. (In Russ.)
8. Ibrahimov I. G. Methodological and Applied Problems of Development of the Didactics of the Vocational School. *Pedagogy*. No. 8, 2014. Pp. 3–12. (In Russ.)
9. Toropov V. A. Theory and Practice of Effective Training of Law Enforcement Officers' in Using Firearms. Doctor of Sciences Dissertation (Pedagogy). 2001. 341 p. (In Russ.)
10. Urakov I. V. Improvement of Cadets' and Trainees' Fire Training at Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Extended Abstract of Candidate of Sciences Dissertation (Pedagogy). Moscow, 2003. 24 p. (In Russ.)
11. Meshcheryakova E. I., Panferkina I. S. Integrated Approach to Juvenile Crime Department Officers' Professional Training. Voronezh, 2015. 198 p. (In Russ.)
12. Salpagarova S. R. The Organization of Psychological Support of Police in English-speaking Countries. Candidate of Sciences Dissertation (Psychology). Moscow, 2006. 219 p. (In Russ.)
13. Milton C. H., Helleck J. W., Sardner J., Abrecht G. L. Police Use of Deadly force. USA: Police Foundation. 1977. 217 p.
14. Gudjonsson G. H., Adlam K. R. C Occupational stressors among British police officers. *Police Journal*. 1985. Vol. 62. Pp. 17–23.
15. Schuller Regina A. Introduction to Psychology and Law: Canadian Perspectives: UTP 100, 1901-2001. Toronto, 2001. 178 p.
16. Stephens C., Long N., Miller I. The Impact of Trauma and Social Support on Post-Traumatic Stress Disorder in New Zealand Police Officers. *Journal of Criminal Justice*. 1997. Vol. 25. Pp. 36–45.
17. Sibirko M. A. Formation of Moral and Psychological Stability of Cadets of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Extreme Situations. Candidate of Sciences Dissertation (Pedagogy). Yelets, 2012. 196 p. (In Russ.)
18. Skidanov E. A., Mikhaylova V. K., Belousova E. A., Yurchenko G. A. Use of Psychological Regulation Office in the Practical Activity of Psychologists of Law Enforcement Bodies. Omsk, 2005. 48 p. (In Russ.)
19. Goncharova N. A., Zhidkova O. A. Emotional-volitional Regulation as a Condition for Ensuring Law Enforcement Officers' Reliability. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70), 2017. Pp. 11–15. (In Russ.)
20. Basina T. A. Characteristics of Educational Motivation of Cadets of Departmental Educational Organization. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(68), 2017. Pp. 18–20. (In Russ.)

Submitted 25.09.2017

Психоэмоциональное состояние женщин-сотрудников органов внутренних дел в процессе учебной стрельбы из табельного оружия

Фишер Игорь Владимирович,

старший преподаватель Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
Тюмень, Россия. e-mail: igor.fisher.1971@mail.ru

Фишер Татьяна Александровна,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Тюменского научного центра Сибирского отделения
Российской академии наук
Тюмень, Россия. e-mail: Fitan72@mail.ru

Состав сотрудников системы МВД все чаще пополняется женщинами. При этом предъявляемые требования к дисциплине «Огневая подготовка» в рамках профессиональной подготовки женщин ничем не отличаются от общестандартных. Вместе с тем при проявлении эмоциональных состояний на какую-либо стрессорную ситуацию существует как общая, так и индивидуальная специфика распознавания эмоций с учетом гендерных особенностей. Эмоции оказывают непосредственное влияние на учебный процесс и во время обучения могут овладевать стрелком в зависимости от свойств его личности. Стрессовая ситуация затрагивает сразу несколько уровней саморегуляции: физиологический как адаптационный маркер процессов в организме, психический как актуализация необходимой сенсорной информации и личностный как регуляторная система, создающая, самоопределяющаяся и развивающаяся. Выдвигается предположение, что удовлетворенность жизнью — показатель различных аспектов жизни, отражающий качество саморегуляции и позитивные эмоции, сдерживает развитие ситуативной стрессовой реакции, что необходимо учитывать в процессе профессиональной подготовки сотрудников ОВД для повышения качества огневой подготовки.

Ключевые слова: эмоции; удовлетворенность жизнью; психоэмоциональное состояние; уровни саморегуляции; огневая подготовка; табельное оружие; стрессовая ситуация.

Для цитирования: Фишер И. В., Фишер Т. А. Психоэмоциональное состояние женщин-сотрудников органов внутренних дел в процессе учебной стрельбы из табельного оружия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 68–72. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-13012

Сотрудники ОВД должны не только иметь знания, умения и навыки обращения с огнестрельным оружием, но и быть психологически готовыми к этому, что зависит как от уровня профессиональной подготовленности, так и от развития профессиональных качеств и состояния личности [1–5]. В последнее время отмечается замещение традиционных «мужских специальностей» женщинами, в том числе в структуре МВД [6]. Предъявляемые требования к дисциплине «Огневая подготовка» в рамках профессиональной подготовки женщин ничем не отличаются от общих. Однако возникает вопрос, как строить процесс обучения женщин стрельбе из табельного оружия, нужно ли учитывать гендерные особенности [7–9].

Известно, что у женщин эмоциональная сфера дифференцированнее и сложнее, чем у мужчин [10]. Мужчины более эмоциональны в выражении гнева и агрессии, а женщины — страха и печали. В случае необходимости женщины демонстрируют эмоциональную сдержанность, мужчины — высокую чувствительность [11], т. е. происходит исчезновение гендерных различий. В свою очередь, эмоции оказывают самое непосредственное влияние на учебный процесс и могут овладевать стрелком в зависимости от свойств его личности [12; 13]. С одной стороны, эмоции мобилизуют стрелка для преодоления себя во время выстрела, особенно первого, с другой — стрелок находится в состоянии повышенного нервно-психического напряжения (стрельба как стрессор).

Стрессовая ситуация затрагивает сразу несколько уровней саморегуляции: *физиологический* как адаптационный маркер организменных процессов; *психический* — актуализация сенсорной информации, нужной для запуска необходимого сценария и взаимодействия внешней среды и организма [14]; *личностный* — личность как регуляторная система, создающая, самоопределяющаяся и развивающаяся в условиях противостояния «сиюминутным импульсам и внешним стимулам» [15; 16].

Одним из показателей благополучия личности является удовлетворенность жизнью [17]. В то время как неудовлетворенность жизнью выступает сигналом о необходимости изменений (путем приспособления к условиям или изменения себя). Поэтому в рамках образовательных программ обучения огневой подготовке наиболее важно уделять внимание образовательному и воспитательному процессам, а также эмоциональной устойчивости как способности сохранять высокий уровень психических характеристик (волевых, когнитивных и др.), необходимых для принятия решения в трудных, экстремальных ситуациях, в ситуациях неопределенности, связанных с профессиональными рисками. В связи с этим целью работы послужило выявление психоэмоциональных особенностей женщин-сотрудников ОВД во время первых учебных стрельб из табельного оружия.

Материалы и методы исследования. Исследование проведено в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России. Обследовано 20 женщин-сотрудников ОВД, проходящих профессиональную подготовку, возраст которых составил 25–27 лет, поступивших на службу в МВД в течение года. Ни одна из испытуемых ранее не имела опыта стрельбы из табельного оружия. Замеры проводились за 20 минут (1-й замер) до стрельбы из пистолета Макарова и через 20 минут (2-й замер) после стрельбы. Средний результат попадания в мишень на первых учебных стрельбах из табельного оружия составил $3,44 \pm 0,28$. Для диагностики стресса на личностном уровне была использована Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера, которая выступила индикатором субъективного благополучия/неблагополучия.

Тест содержит серию вопросов, по суммации которых складывается шкала удовлетворенности:

- 1) в основном моя жизнь близка к идеалу;
- 2) обстоятельства моей жизни исключительно благоприятны;
- 3) я полностью удовлетворен моей жизнью;
- 4) у меня есть в жизни то, что мне по-настоящему нужно;
- 5) если бы мне пришлось жить еще раз, я бы остался все как есть.

Интерпретация результатов в компьютерной версии: 0–20% — низкий уровень; 21–40 — пониженный; 41–60 — средний; 61–80 — повышенный; 81–100% — высокий уровень.

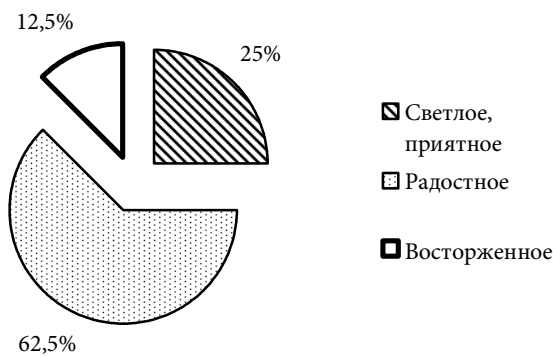

Рис. 1. Эмоциональное состояние до стрельбы, %
(Fig. 1. Emotional State prior to Firing Service Weapon)

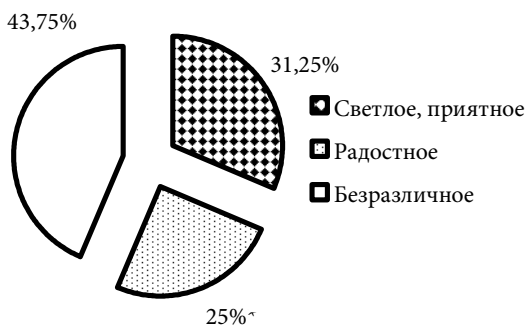

Рис. 2. Эмоциональное состояние после стрельбы, %
(Fig. 2. Emotional State after Firing Service Weapon)

Для самооценки эмоциональных состояний применялась методика «Визуально-ассоциативная самооценка эмоциональных состояний» Н. П. Фетискина, являющаяся индикатором эмоциональных состояний и предназначенная для экспресс-диагностики эмоций на основании выбора эталонных масок (спокойное, скучное, неудовлетворенное, дремотное, радостное, светлое, приятное, безразличное, восторженное, пресыщенное).

Расчет производился в процентном отношении частоты выбора.

Для невербальной диагностики эмоционального состояния использовался метод цветовых выборов Люшера. Метод отражает как сознательный, так и частично неосознаваемый уровни отношений человека и является объективным показателем с точно измеряемой частотой, абсолютно одинаков для всех культур и образовательного уровня, пола и возраста, расы. Цвета воспринимаются объективно и не проецируются.

Изучаемые качественные и количественные признаки подвергали статистической обработке с использованием интегрированного пакета программного обеспечения «IBM SPSS Statistics 21». Проводилось сравнение между статистическими характеристиками, полученными при исследовании сравниваемых выборок (по t критерию Стьюдента). При значении коэффициента различий $p < 0,05$ считалось достоверным и достаточным для признания разницы значений сравниваемых величин статистически значимой.

Результаты и обсуждения. По результатам полученных данных эмоциональное состояние во время первой учебной стрельбы из табельного оружия у женщин-сотрудников ОВД определялось как «светлое, приятное», «радостное» и «восторженное», что свидетельствует о положительных эмоциях и настрое на предстоящие стрельбы (рис. 1). После стрельбы выбор эталонных масок, отражающих эмоциональное состояние, несколько меняется: «светлое, приятное» повышается в 1,25 раза, «радостное» достоверно снижается ($p < 0,05$), а «восторженное» состояние сменяется на «безразличное» (незаинтересованность, безучастность) (рис. 2). Это можно расценивать как реакцию психической диссоциации (механизм психологической защиты) на перенапряжение психической нагрузки, защищающую от избыточных непереносимых эмоций. При этом другие эмоциональные состояния, такие как «спокойное», «скучное», «неудовлетворенное», «дремотное» и «пресыщенное», не возникали ни до, ни после стрельбы из табельного оружия. Это свидетельствует о том, что эмоциональное состояние «безразличное» (43,75%) у женщин-сотрудников ОВД является адаптивным механизмом, защищающим от сложных ситуаций, требующим немедленной адекватной оценки для реагирования с холодным расчетом. Ведь эмоции возникают не только вследствие внутренних процессов, но и под воздействием внешней обстановки. Значение эмоций при стрельбе очень велико, так как является одним из факторов оценки (снижения или удовлетворения) уровня профессиональных ошибок.

По мнению Н. А. Гончаровой и О. А. Жидковой, ошибки в эмоциональном реагировании проявляются в виде неправильных действий, в принятии неадекватных решений, в срывах деятельности, что в целом снижает уровень надежности субъекта. Именно ошибка выступает в качестве главного элемента нарушения надежности эмоциональной сферы личности [13]. Несмотря на полученные результаты, динамика эмоциональных состояний, в частности в группе женщин-сотрудников ОВД, не совпадает с другими исследованиями, так как чаще всего описываются такие состояния, как страх, тревога и пр., особенно перед первой стрельбой [18; 19; 20].

При изучении физиологического уровня методом Люшера, отражающего характеристику общего настроения, стремления, мотивированного самопонимания происходящего, эмоционального отношения к ситуации, в которой человек находится, достоверных различий не обнаружено, но определены некоторые тенденции (рис. 3). Тест Люшера позволяет выявить «дореклексивные, довербализуемые переживания и отношения», а также диагностировать функциональное состояние человека. Так, испытуемые по интерпретации интегральных показателей как до стрельбы из табельного оружия, так и после *гетерономны*, что означает пассивность, склонность к зависимому положению от окружающих, спонтанному поведению, сензитивности. В свою очередь *эксцентричность* характеризуется интересом к своему окружению и источникам получения помощи, т. е. перед первой стрельбой может выглядеть как ситуативная беспомощность, которая возникает в стрессовых ситуациях.

Баланс личностных свойств и вегетативной нервной системы свидетельствует о неустойчивости и противоречии в данный момент, а также о преобладании тонуса симпатической нервной системы и катаболической направленности обменных процессов в организме, т. е.

о перенапряжении на физиологическом уровне. В зависимости от того, в каком состоянии находится организм, вегетативный баланс склоняется в ту или иную сторону. Таким образом, данные интегральные показатели позволяют заключить, что имеет место некоторое дисфункциональное состояние, т. е. совокупность защитных психофизиологических реакций, наступающих в организме у женщин, которые усиливаются после стрельбы. Это состояние подтверждается тем, что *работоспособность* чуть снижена, а *стрессовое состояние* находится на умеренном уровне, возможно, это позволяет мобилизовать свои силы, действовать более эффективно и является адаптивным механизмом, дающим возможность встретить раздражающий фактор «в боевой готовности». Иными словами, стрельба, особенно первый выстрел из табельного оружия, есть стрессор, вызывающий в организме состояние напряжения, что очередной раз подтверждает различные исследования [21].

По результатам теста Динера уровень удовлетворенности жизнью у женщин, которые служат в органах внутренних дел, определяется как повышенный (78%), позволяющий гибко реагировать на ситуацию, жить в непрерывно изменяющемся мире. По мнению А. Г. Асмолова, «изменяющаяся личность в изменяющемся мире» должна обладать гибкими механизмами саморегуляции и самоорганизации, которые позволяют ей, оставаясь в главном стабильной, сохранять потенциал большой гибкости и реагирования на то, что с ней происходит. Такая личность способна не только адаптировать себя к изменяющимся обстоятельствам, но и к изменяющимся обстоятельствам к себе и к своим собственным ценностно-смысловым ориентациям» [22]. Следовательно, удовлетворенность жизнью — это комплексная позитивная оценка различных аспектов жизни, отражающая качество саморегуляции, что помогает справиться со стрессовой ситуацией.

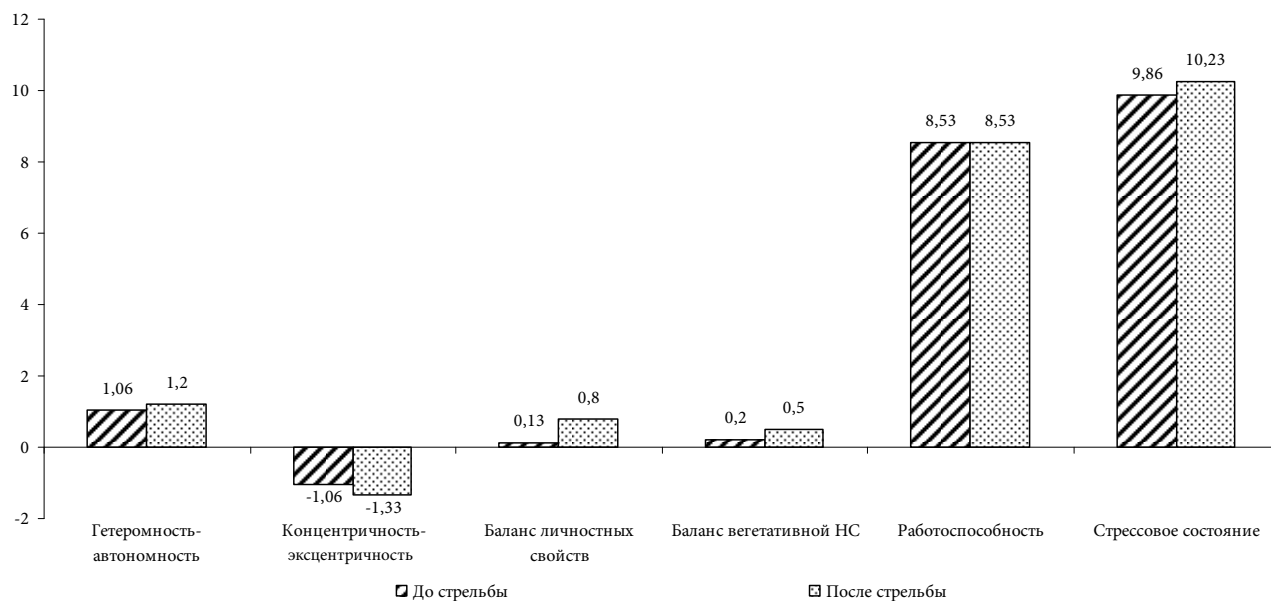

Рис. 3. Динамика интегральных показателей по тесту Люшера до и после стрельбы из табельного оружия (Fig. 3. Dynamics of integral indicators for the Luscher test before and after firing from the service weapon)

Таким образом, полученные эмпирические данные представляют интерес для проверки выдвинутого предположения как дальнейшая перспектива изучения комплексного, интегрированного подхода, связывающего психический, физиологический и личностный уровни. В связи с этим при обучении стрельбе женщин-сотрудников ОВД важно учитывать не только их психоэмоциональное состояние, но и критерии личностных особенностей, что позволяет улучшить качество огневой подготовки в процессе профессиональной подготовки. Соответственно, в ходе занятия преподавателю важно позитивно поддерживать стрелка во время стрельбы из табельного оружия, особенно женщин. Это актуализирует необходимость продолжения исследования для улучшения качества огневой подготовки. Немаловажное значение имеют исследование новых направлений (интеграционного плана) и поиск путей решения проблем по формированию компетентности сотрудников органов внутренних дел в создании комфортного пространства, одним из которых является учет гендерных особенностей участников огневой подготовки.

Выводы:

1. Исследование показало, что первая стрельба, в том числе ситуация ожидания выстрела из табельного оружия, является для женщин-сотрудников ОВД ситуацией умеренного стрессового напряжения с включением защитных механизмов после стрельбы.

2. Во время первой учебной стрельбы из табельного оружия у женщин-сотрудников ОВД эмоциональное состояние характеризуется как «светлое, приятное», «радостное» и «восторженное», что свидетельствует о положительных эмоциях и настрое на предстоящие стрельбы.

3. Выявлено, что после стрельбы включаются психологические защиты, направленные на минимизацию отрицательных переживаний (эмоциональное состояние безразличия) и небольшое напряжение на физиологическом уровне (преобладание тонууса симпатической нервной системы). Это отражается на результатах попадания в мишень ($3,44 \pm 0,28$), которое можно оценить как результат достаточно низкой эффективности, что для первых стрельб неудивительно.

4. Установлено, что после стрельбы из табельного оружия (тест Люшера) женщины испытывают пассивность, склонность к зависимому положению от окружающих, спонтанному поведению, сензитивности, ожидают получения помощи извне, что характеризуется как ситуативная беспомощность при стрессовых ситуациях или как временная реакция на неподконтрольные человеку события.

5. Выдвинуто предположение, что повышенный уровень удовлетворенностью жизнью сдерживает развитие ситуативной стрессовой реакции во время стрельбы у женщин-сотрудников ОВД, так как является показателем различных аспектов жизни, отражающих качество саморегуляции и позитивных эмоций.

Список литературы

1. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Особенности формирования психологической устойчивости и готовности в процессе огневой подготовки // Альманах современной науки и образования. 2015. № 3(93). С. 52–56.

2. Николаев Н. О. Психические свойства стрелка в процессе огневой подготовки сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Концепт. 2016. № 2 (февраль). С. 41–45.

3. Павлов А. В. Выбор методов обучения на разных этапах образовательного процесса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 87–92.

4. Пенькова И. В., Осипов О. О. Самоанализ результатов стрельбы как важный фактор совершенствования огневой подготовки в образовательных организациях МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 62–65.

5. Цилик В. А. Оценка профессионально-личностных качеств сотрудников ОВД в зависимости от вида профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 113–116.

6. Кузнецова О. В. Гендерные особенности правосознания у сотрудников органов внутренних дел // Психология и право. 2016. Т. 6, № 2. С. 142–151.

7. Алешкина Т. Н. К вопросу о проблемах женщин-сотрудников полиции // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 6-й междунар. науч. конф. Тула, 2016. С. 10–12.

8. Гаврилина П. П. Психологические особенности женщин-сотрудников органов внутренних дел // Проблемы теории и практики современной психологии : мат-лы XVI ежегод. всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 417–420.

9. Галиева Г. И. Психологические проблемы женщин-сотрудников правоохранительных органов // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4(68). С. 322–326.

10. Куликова Л. В. Психические состояния : хрестоматия. СПб., 2001. 512 с.

11. Учебно-методический комплекс дисциплины «Гендерная психология» / под ред. Ж. А. Битановой. Астана, 2013. 87 с.

12. Фишер И. В. Влияние стрельбы из табельного оружия на психоэмоциональное состояние сотрудников органов внутренних дел // Концепт. 2014. Т. 20. С. 2746–2750.

13. Гончарова Н. А., Жидкова О. А. Эмоционально-волевая регуляция как условие обеспечения надежности деятельности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 11–15.

14. Китаев-Смык Л. А. Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти. М., 2012. С. 464.

15. Кузнецова О. В. Личностные детерминанты эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 37–41.

16. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

17. Хашимов М. А. К. Содержание понятия «удовлетворенность жизнью» в зависимости от ее уровня у сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4(67). С. 79–83.

18. Саутин А. А. Учет индивидуальных особенностей курсантов в ходе обучения стрельбе из табельного оружия // Педагогика в юридическом вузе : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2002. С. 23–28.

19. Каримов А. А. Особенности техники стрельбы из пистолета с элементами тактико-специальной подготовки : учеб. пособие. Иркутск, 2005. 68 с.

20. Крикунова А. С. Особенности формирования психологической устойчивости и готовности в процессе огневой подготовки // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 83–87.

21. Таран А. Н., Напалков Ю. А. Стресс и его влияние на организм сотрудников полиции в процессе обучения стрельбе из пистолета // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 254–259.

22. Асмолов А. Г. Психология личности : учебник. М., 1990. 367 с.

Поступила 29.09.2017

UDC 796.015

Psycho-emotional State of Female Police Officers when Mastering Service Weapon

Igor V. Fisher,

senior lecturer at the Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs Tyumen, Russia. e-mail: igor.fisher.1971@mail.ru

Tatyana A. Fisher,

Candidate of Sciences (Biology), senior research worker at the Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Science Tyumen, Russia. e-mail: Fitan72@mail.ru

The system of the Ministry of Internal Affairs is more frequently staffed with female police officers, the requirements set to the subject "Firearms training" within female officers' professional training being the same to the general norms. Meanwhile dealing with emotions to the stress there is both common and individual specifics of revealing emotions according to gender peculiarities. Emotions directly influence the learning process and in the course of studies can capture the marksman due to the personal qualities. The stressful situation affects several levels of self-regulation: physiological as an adaptation mark of the process in the body, psychic as actualization of necessary sensor information and personal as a regulatory system which creates, self-identifies and develops. The authors suppose that life satisfaction as a mark of different life aspects which reflects the quality of self-regulation and positive emotions restrains development of situational stress reaction and that must be considered in law enforcement officers' professional training to increase the level of mastering firearms.

Keywords: emotions; life satisfaction; psycho-emotional state; levels of self-regulation; firearms training; service weapon; stressful situation.

Citation: Fisher I. V., Fisher T. A. Psycho-emotional State of Female Police Officers when Mastering Service Weapon. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 68–72. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-13012

References

1. Kosovsky V. B., Martynyuk S. N. Formation of Psychological Stability and Alertness in Firearm's Training. *Almanac of Modern Science and Education*. No. 3(93), 2015. Pp. 52–56. (In Russ.)
2. Nikolaev N. O. Marksman Psychic Features in Law Enforcement Officers' Firearms' *Training Concept*. No. 2 (Febr.), 2016. Pp. 41–45. (In Russ.)
3. Pavlov A. V. Selection of Teaching Methods at different Stages of Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3, 2015. Pp. 87–92.
4. Pen'kova I. V., Osipov O. O. Self-Analysis of Marksmanship as an Important Factor of Improving Firearms' Training at the Russian MIA Educational Organizations. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3 (66), 2016. Pp. 62–65. (In Russ.)
5. Tsilik V. A. Assessment of Law Enforcement Officers' Professional Personal Qualities due to Professional Activity. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3, 2015. Pp. 113–116. (In Russ.)
6. Kuznetsova O. V. Gender Specifics of Law Enforcement Officers' Legal Consciousness. *Psychology and Law*. Vol. 6, No. 2, 2016. Pp. 142–151.
7. Aleshkina T. N. To the Question of Female Police Officers' Problems. *Modern Issues of Law and Management*. Collected Theses of the 6th International Scientific Conference (Institute of Jurisprudence and Administration of All-Russian Police Association). 2016. Pp. 10–12. (In Russ.)
8. Gavrulina P. P. Psychological Peculiarities of Female Police Officers. *Problems of Theory and Practice of Modern Psychology*. Materials of the 16th Annual All-Russian Science-to-Practice Conference. Irkutsk State University. 2017. Pp. 417–420. (In Russ.)
9. Galieva G. I. Psychological Problems of Female Police Officers. *Humanities Scientific Researches*. No. 4(68), 2017. Pp. 322–326.
10. Kulikova L. V. *Psychic States*. St Petersburg, 2001. 512 p. (In Russ.)
11. Learning-Methodical Guidelines on "Gender Psychology". Kazakh Humanities and Law University. Ed. by Bitanova Zh. A. Astana, 2013. 87 p.
12. Fisher I. V. Firing Service Weapon and Its Impact on Police Officers' Psycho-Emotional State. *Concept*. Vol. 20, 2014. Pp. 2746–2750.
13. Goncharova N. A., Zhidkova O. A. Emotional-Volitional Regulation as the Condition of Reliability of Police Officers' Activity. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70), 2017. Pp. 11–15. (In Russ.)
14. Kitaev-Smyk L. A. *Organism and Stress: Life Stress and Death Stress*. Moscow, 2012. P. 464. (In Russ.)
15. Kuznetsova O. V. Personal Determinants of Effective Service of Female Police Officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 2(65), 2016. Pp. 37–41. (In Russ.)
16. Leontiev D. A. New Ways of Understanding Personality in Psychology: from Necessary to Possible. *Issues of Psychology*. No. 1, 2011. Pp. 3–27.
17. Khashumov M. A. K. Content of the Term "Life Satisfaction" according to its Level among Law Enforcement Officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 4(67), 2016. Pp. 79–83. (In Russ.)
18. Sautin A. A. Consideration of Cadets' Individual Features in Teaching them Firing Service Weapon. *Pedagogy in a Law Institute*. Collected articles. St Petersburg, 2002. Pp. 23–28. (In Russ.)
19. Karimov A. A. Specifics of Mastering a Handgun with Elements of Special Tactics Training. Irkutsk, 2005. 68 p. (In Russ.)
20. Krikunova A. S. Specifics of Building Psychological Stability and Alertness in Firearms' Training. *Topical issues of Maintaining Public Security and Order*. Collected articles. Irkutsk, 2017. Pp. 83–87. (In Russ.)
21. Taran A. N., Napalkov Yu. A. Stress and its Influence on Police Officers' Organism in Handgun' Training. *Bulletin of the Krasnodar University of the Russian MIA*. No. 2(36), 2017. Pp. 254–259. (In Russ.)
22. Asmolov A. G. *Psychology of a Person*. Moscow, 1990. 367 p. (In Russ.)

Submitted 29.09.2017

Система развития навыков английской письменной речи курсантов

Веретенникова Анна Евгеньевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
иностраннных языков Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: newannver@gmail.com

Определена необходимость владения обучающимися письменной речевой коммуникацией на английском языке в соответствии с требованиями компетентностной парадигмы образования. Подтверждено, что навыки письменной коммуникации курсантов на английском языке будут развиваться, если осуществлять этот процесс на основе специально разработанной методической системы. При развитии навыков письменной коммуникации необходимо учитывать теорию процесса письменной речи, структуру построения текста, шестиэтапность процесса письменной речи, целесообразность учебной работы с образцами академического и делового видов письменной речи в рамках учебной дисциплины «Иностраннный язык (английский)». Перечисленные положения были положены в основу системы развития навыков письменной речи курсантов, заключающейся в поэтапной отработке умений по правильной формулировке ключевых предложений, логическому переходу к выстраиванию абзаца и формулировке заключительного предложения, которые синтезируются при написании произведений академического и делового письма (аргументирующего эссе, аннотации, реферирования и др.). С учетом данной системы были разработаны содержание и способы представления учебного материала по развитию навыков письменной коммуникации курсантов на английском языке.

Ключевые слова: английский язык; письменная коммуникация; критерии оценки; коммуникативная компетентность; аргументирующее эссе; структура текста.

Для цитирования: Веретенникова А. Е. Система развития навыков английской письменной речи курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 73–77. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13013

В перспективе развития отечественного образования письменная речь будет играть роль одного из критериев уровня образования. В связи с этим включение в учебный процесс курсов или заданий по обучению и развитию академической письменной речи как на родном, так и на иностранном языках представляется актуальным.

Необходимость формирования и развития английской академической письменной речи курсантов образовательной организации МВД России вызвана положениями Федерального государственного образовательного стандарта; профессиональными задачами, с которыми столкнутся в будущем сегодняшние курсанты, поскольку известно, что сотрудники ОВД в процессе работы широко пользуются письменной коммуникацией, в том числе и на иностранном языке, что в свою очередь является мотивацией для обучающихся к владению письменной речью на английском языке [1, с. 125–126].

Как мы видим, письменно-речевая коммуникация должна быть неотъемлемой составляющей результата обучения дисциплине «Иностраннный язык» в образовательных организациях МВД России. Однако учебно-методическая работа, направленная на приобретение курсантами основ письменной речи, включая профессиональную, на английском языке, осуществляется не в полной мере из-за отсутствия сформированной системы.

В связи с этим целью представленного в настоящей статье исследования явилось изучение возможности развития навыков письменной коммуникации курсантов на английском языке, причем письменно-речевая коммуникация послужила его объектом. Методологию проведения работы составили общие положения теории письменной речи, рассматривающие определенные виды письменной речи как средства оценки компетенций. В соответствии с поставленной целью были вы-

браны такие методы исследования, как анализ теоретических и учебно-методических материалов российских и зарубежных авторов; сравнительно-сопоставительный метод; анализ и синтез данных, накопленных в процессе исследования. Было выдвинуто предположение о том, что навыки письменной коммуникации курсантов на английском языке будут развиваться, если осуществлять этот процесс на основе специально разработанной методической системы.

Исходя из этой гипотезы был изучен ряд теорий, относящихся к теме исследования. На основе анализа источников [2; 3] было определено, что письмо рассматривается не как сумма лексических, синтаксических и семантических структур, а как проявление сложных и взаимосвязанных когнитивных, социальных и культурных процессов, отражающих точку зрения автора.

Сложность письменной речи определяется ее сочетанием с мыслительными операциями. Как известно, исследования Л. С. Выготского, А. Р. Лурии и других ученых подтвердили взаимосвязь мышления и речи. Было доказано, что для развития письменной речи необходима высокая степень абстракции, что в свою очередь выступает мыслительной операцией. Поскольку при написании функционируют мыслительные операции, выявлена взаимосвязь письменной речи и мышления. Именно поэтому «письменная речь как работа над способом и формой высказывания имеет огромное значение для формирования мышления» [4, с. 236].

Подчеркивается, что письменная речь — сложная аналитико-синтетическая деятельность, в состав которой входят такие аналитические операции, как разложение предмета высказывания на составляющие элементы и их выделение, а также синтетические операции письменной речи: удержание всего предмета высказывания в памяти; размещение элементов в тексте; упреждение

этих элементов. Механизм отбора слов письменной речи осуществляется в результате критики и оценки их адекватности смысловому содержанию текста [5, с. 214–230]. Это положение, с нашей точки зрения, может рассматриваться как подтверждение связи письменной речи с критическим мышлением, поскольку оценка адекватности, критический анализ относятся к операциям именно такого мышления.

Изучая взаимосвязь мышления и речи и отмечая общие характеристики в этих процессах, Л. С. Выготский подчеркивал, что известная часть процессов речи и мышления совпадает [4, с. 132]. Данное утверждение было применено учеными, которые придают большую значимость процессу письма, поэтому они особо выделяют этапы письма и не разделяют их с мыслительным процессом.

При рассмотрении таксономии мышления по Б. Блюму (6 основных категорий мыслительных уровней: знания, понимание, применение, анализ, синтез, оценка) и ее модификации относительно письменной речи К. Б. Олсон соотнесла мыслительные уровни с этапами письменной речи (подготовка к написанию, написание первого варианта, проведение анализа созданного текста, пересмотр написанного, редактирование, оценка или предъявление текста аудитории) [6]. Смысл данного сопоставления заключается в том, что объясняет действия автора при создании текста. На уровне ЗНАНИЙ пишущему необходимо помнить факты, события, отношения, терминологию. Уровень ПОНИМАНИЯ подразумевает способность осмыслить значение информации или идей, а также способность выразить их на письме. ПРИМЕНЕНИЕ включает способность использования изученного в новой ситуации, а также умение делать обобщения или выводить принципы. При АНАЛИЗЕ материал разбивается на составляющие его части. СИНТЕЗ — это творческое действие, где части материала должны быть собраны таким образом, чтобы составить нечто новое. ОЦЕНКА производится в соответствии с установленными критериями.

Согласно когнитивной теории [3] процесс письменной речи соотносится с такими этапами построения письменной речи, как планирование (поиск идей, постановка целей, структурирование текста), преобразование (обращение идей в речевое выражение), пересмотр (оценивание, анализ поставленных целей и написанного текста). Причем в процессе создания текста автор неоднократно возвращается к перечисленным этапам.

Ученые и методисты определяют шесть видов письменной речи в зависимости от цели коммуникации: творческий (creative), рефлексивный (reflective), академический (academic), деловой (business), личный (personal) и тематический (subject) [2; 6–8]. Формирование навыков письменной речи осуществляется через комплекс упражнений, специфических для каждого из этих видов.

На основе исследованных научных материалов мы предположили, что к учебным дисциплинам,

формирующим навыки письменной коммуникации в будущей профессиональной сфере, можно отнести академический (Academic Writing) и деловой (Business Writing) виды. Соответственно, опираясь на анализ вышеупомянутых теоретических положений и учебно-методических материалов, можно сделать вывод, что для развития навыков письменной коммуникации необходимо учитывать:

- теорию процесса письменной речи, объясняющую мыслительные стратегии авторов;
- структуру построения текста, влияющую на эффективность письменной коммуникации;
- шестистадийность процесса письменной речи;
- целесообразность учебной работы с образцами академического и делового видов письменной речи в рамках учебной дисциплины «Иностранный язык (английский)».

В связи с этим система формирования и развития навыков письменной речи курсантов на английском языке должна быть выстроена с учетом принципа продвижения от простого к сложному и включать в себя образцы написания академического (Academic Writing) и делового (Business Writing) видов и основываться на шестистадийной схеме написания письменных работ.

Вышеперечисленные положения системы развития навыков письменной речи курсантов были положены в основу учебного пособия «Writing English», в котором большое внимание уделяется логике письменного изложения (построение абзацев, формулировка ключевых предложений); подчеркиваются шесть этапов создания письменной работы; обоснована этапность создания как академических работ (аргументирующих эссе, аннотаций, рефератов), так и деловой документации (резюме, сопроводительного письма и других деловых писем, меморандума).

В соответствии с дидактическим принципом продвижения от простого к сложному, а также структурой построения текста в начале учебной работы по развитию навыков письменной речи особый акцент делается на правильной формулировке ключевых предложений. Для этого разработаны следующие упражнения:

Writing Topic Sentences. The topic sentence is usually the first sentence in a paragraph. It explains its main idea. The following sentences supply supporting details which can be presented as sequence of events, examples, comparison, contrasts, cause, and effect situations.

Read the following topic sentences and write what supporting details you expect to follow in the paragraph.

1. My high school teacher was the best teacher I ever had.
2. Being a law enforcement cadet can have its good moments and its bad ones.

Write a topic sentence for the following paragraph.

It's now a crime in Brazil to use a cellular phone while driving, even when stopped at a stop light. The exception is voice-activated phones that let drivers keep hands on the wheel. Violators can be fined up to \$25.20. Repeaters can lose their drivers' licenses.

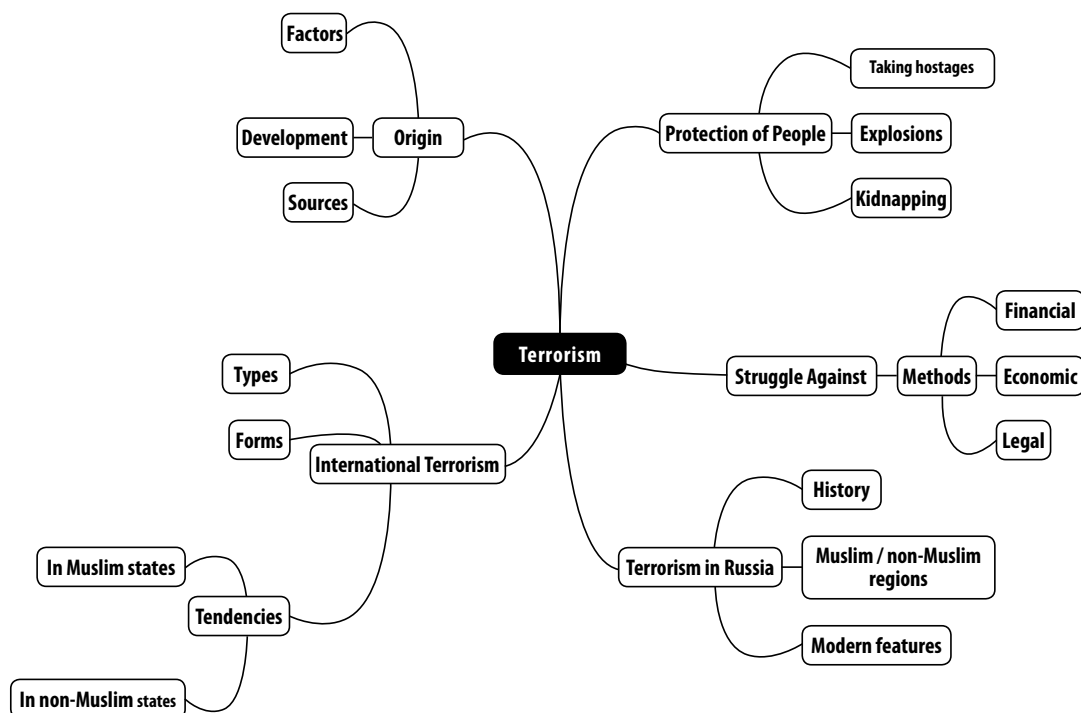

Fig. An example of clustering of the essay topic “Terrorism”

Тренируется логический переход к выстраиванию абзаца, например, на таких упражнениях, как:

Organize the following sentences into a logical paragraph. First choose the topic sentence. Then arrange the remaining ones in some order so that they make sense.

1. He placed it upon the threat of crime when talking the Metropolitan Police Bill through Parliament.
2. The focus upon crime served to head off possible sources of opposition.
3. The emphasis on crime prevention owed to Robert Peel.
4. The force instructions thus made the point that policing was principally about crime, and not public disorder.
5. Although as local historians show, this was not always successful.

Тренируется формулировка заключительного предложения, например,

The paragraph below is missing a concluding sentence. Write a concluding sentence.

A further problem arises from the work that Crime Prevention Officers (CPOs) do. Their work is demand-led and proactive. There is an incongruity (несоответствие) between the ideal and the actuality. The CPOs spend most of their time conducting commercial or domestic surveys, dealing with alarm problems, arranging talks. They do not have much time left for planning responses to particular crime problems.

После поэтапной отработки умений по правильной формулировке ключевых предложений, по логическому переходу к выстраиванию абзаца и формулировке заключительного предложения наша система развития письменной речи предполагает работу над образцами

академического и делового письма. С этой целью приводятся теоретические объяснения написания таких видов письменной речи, как эссе, аргументирующее эссе, аннотация, реферирование, деловые письма, а также осуществляется поэтапная тренировочная работа на основе упражнений.

Методика обучения написанию эссе была нами детально описана ранее [9]. В материалах для использования в учебном процессе она представлена следующим образом:

Writing an Essay

An essay is a piece of writing in which ideas on a single topic are presented, explained, argued, or described. It consists of several paragraphs and has three main parts: introduction, body and conclusion. There are two parts in the introduction: *some general statements* to attract readers' attention and a *thesis statement* to state the main idea of the essay. It gives the reader a general idea of the contents. An introduction is usually one paragraph long. The body as a rule details the topic. That is why it includes several paragraphs depending on the number of subtopics. The conclusion is a summary of the main points discussed in the body.

All parts of an essay must be united and logically structured. Transition signals and repetition of key nouns link the paragraphs.

Study the model essay and mind its structure: (the topic and subtopics of the essay; the topic sentence of each body paragraph; supporting details (sequence of events, examples, comparison, contrasts, cause and effect) in each body paragraph; linking words and phrases; the conclusion).

While choosing your own topic and generating ideas you can apply such techniques as:

- Keeping a Journal (recording of thoughts from day to day).

— Freewriting (writing ideas as they come to mind to explore a topic without worrying about grammar, punctuation, spelling, logic).

— Brainstorming (starting with a key word or idea and listing other ideas as they occur).

— Collecting Information (by asking personal, creative, analytical or informational questions; library research; observing; interviewing).

— Clustering (write you topic in the middle and think about it, writing down briefly everything that comes to mind. Each time you write something, draw lines to connect it to the main idea in the center. Continue to think about secondary ideas that add details to existing ideas and add lines to them. Review the chart, looking for ideas that interest you).

Look through the essay "Investigation of Crime" and make clustering for this topic based on it.

Write an essay on the topic "Methods Used in Fighting Organized Crime" according to the writing process steps (prewriting, writing the first draft, reviewing, revising, proofreading, evaluation).

— After completion the first draft revise it and write a second one if necessary.

— Exchange papers with a classmate and check each other's essays.

— Discuss your classmate's notes and decide what changes to make if necessary.

— Revise your essay.

— Write a final copy to hand in.

После освоения особенностей и этапов написания учебного эссе осуществляется переход к работе над аргументирующим эссе, которое может выступать средством оценивания компетенций [1, с. 97], а потому представляет важный результат учебной деятельности.

Argumentative Essay

An argumentative essay is an essay in which a writer agrees or disagrees with an issue, using reasons to support his opinion. To be successful with it choose a topic for which you are able to write a proposition supporting and opposing arguments. Focus on subjects that are serious, specific, timely and debatable and identify a reasonable point to argue for.

One should have his own view on the topic, support it with reasons and prove it with solid evidence. For this reason look for information to build arguments for and against your proposition and use the data to convince the reader that you have the right proposition. It is important to consider all sides of the topic. That is why a writer is to discuss the opposite view points and reasons and to prove that they are not good reasons. The best way to do so is to follow logical structure of argumentative essay organization.

Writing an argumentative essay requires careful planning. It means the following:

— To understand two sides of the argument and decide which one to support.

— To write a thesis statement, containing your point of view.

— To research the topic for ideas and supporting details for both sides of the argument (quotations, summaries, paraphrases).

— To choose an essay pattern and create an outline according to it.

— To write the first draft with explanatory or an attention-getting introduction.

— To self-revise an essay.

— To exchange papers with a classmate and review each other's essays, making notes of mistakes.

— To make changes if necessary and write a final copy.

После предъявления теоретических аспектов процесса написания аргументирующего эссе следуют анализ некоторых работ и тренировка в написании собственных эссе. Приводятся рекомендуемые критерии для оценивания такого вида произведения.

Study the model essay and mind its structure. Evaluate it according to the following points:

— Is the proposition reasonable and clearly stated?

— Are supporting arguments logical, clear, and convincing?

— Are opposing arguments dealt with?

— Given the supporting arguments, is the conclusion valid?

Choose topic and write an argumentative essay.

— Capital Punishment

— The Speed Limit

— Gun Control

— A Career in Law Enforcement

Agree or disagree with the following statements and write an argumentative essay:

— Today the FBI mission should be changed.

— There is no agency in Russia which has the similar functions and jurisdictions as the FBI.

Modern education considers argumentative essay as a means of competency evaluation. Instructors usually evaluate writings based on some criteria. To be successful with the essay before handing in it is recommended to check it using Self-Editing and Peer-Editing materials [8, p. 329–330].

Assessment Criteria

usually include: organization, content, vocabulary/spelling, grammar, punctuation. An instructor marks each section and makes comment.

Organization	An essay has three parts: introduction, body, and conclusion
	A block or point-by-point organization is used
Content	Introduction contains a thesis statement It states the topic of the essay
	Body includes several paragraphs Each paragraph discusses only one main idea Each paragraph has coherence There are some arguments and rebuttal with the (writer's own) counterarguments Each point is supported with a specific detail The sources of borrowed information are cited Conclusion restates the writer's opinion
Vocabulary/ Spelling	Linking words, transition phrases are used to link paragraphs Special terms and expressions are used There are no spelling mistakes
Grammar	Every grammar structure is correct
Punctuation	Punctuation is used correctly

Эссе пишется в соответствии с 6-этапной последовательностью с соблюдением дедуктивной структуры изложения.

Поскольку эссе является средством оценки компетенций, пишут его обычно в конце изучения темы или курса. Однако успешное эссе, как и реферат, аннотацию, деловое письмо, нельзя написать без подготовки, заключающейся в кропотливой работе, которая основывается на системе развития навыков письменной речи.

Таким образом, применение методической концепции процесса письменной речи, которую мы адаптировали для развития коммуникативной компетенции курсантов образовательных организаций МВД России в части письменной речи на английском языке, позволит адекватно реагировать на конкретные учебные задачи, а также ситуации профессиональной деятельности, требующие владения письменной речью.

UDC 378

Developing Cadets' English Writing Skills

Anna Ye. Veretennikova,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor, associate-professor at the department of foreign languages the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Omsk, Russia. e-mail: newannver@gmail.com

The necessity of students' knowledge of writing communication in English in accordance with the requirements of the competence paradigm of education is confirmed and proved that the cadets' English writing skills will develop if this process is based on a specially worked out teaching system. When developing writing communication skills, it is necessary to take into account the theory of the writing process, text structure, the six-stage process of writing, the reasonability of educational work with samples of academic and business types of writing within the discipline «Foreign Language (English)». These provisions were the basis of the cadets' writing skills development system, consisting in the gradual skills development of the correct key sentences composition, the logical transition to the organizing sentences into paragraph and the writing of the concluding sentence, which are synthesized when working at academic and business writing (argumentative essay, summary, abstract etc.). Taking into account this system, the content and methods of presenting educational material on the cadets' English writing skills have been developed.

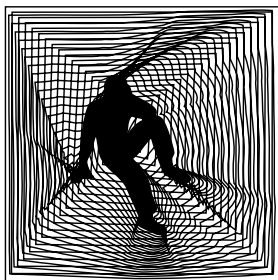
Keywords: English language; writing communication; assessment criteria; communicative competency; argumentative essay; text structure.

Citation: Veretennikova A. Ye. Developing Cadets' English Writing Skills. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. 73–77. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13013

References

1. Veretennikova A. Ye. Development of the Russia Interior educational establishment cadets' communicative culture. Novosibirsk, 2010. 167 p. (In Russ.)
2. Anderson P. V. Technical Communication. 4-th ed. Harcourt Brace College Publishers, 1999. 696 p.
3. Flower L., Hayes J. R. A Cognitive Process Theory of Writing. *College Composition and Communication*. 1981. No. 32. Pp. 365–387.
4. Vygotsky L. S. Cogitation and Speech. Collection of works in 6 volumes. Vol. 2. Moscow, 1982. Pp. 5–361. (In Russ.)
5. Luriya A. R. Language and Conscience. Moscow, 1974. 309 p. (In Russ.)
6. Olson C. B. Thinking — Writing: Fostering Critical Thinking through Writing. Harper Collins Publishers, 1999. 486 p.
7. Lunsford A. The Everyday Writer. 2 nd. ed. Bedford, St. Martin's. Boston, New York. 2001. 534 p.
8. Hogue A. Writing Academic English. Pearson Education, Inc. 2006. 337 p.
9. Veretennikova A. Ye. Dobie A. B. Argumentative Essay as the Means of Competency Assessment. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 1(68), 2017. Pp. 65–68. (In Russ.)

Submitted 27.02.2018

Психолого-педагогические аспекты в раскрытии преступлений

Morally-psychological and professional training and reliability

УДК 343.9 © И. А. Неупокоева, О. Ю. Гроголева, 2018

Учет возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего при проведении допроса

Неупокоева Ирина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: irinaneupokoeva55@yandex.ru

Гроголева Ольга Юрьева,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии
факультета психологии Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия. e-mail: ogror@mail.ru

Обсуждается проблема учета возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего участника уголовного процесса в целях проведения эффективного допроса. Рассматриваются условия качественной подготовки следователя к допросу несовершеннолетнего: всестороннее изучение личности подростка, условий жизни и воспитания; определение момента проведения данного следственного действия, способа вызова к следователю; очерчивание круга лиц, необходимых для привлечения к участию в допросе; разработка плана его проведения, уточнение объема и формулировок основных и контрольных вопросов. Отражены негативные последствия допроса без учета возрастных и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего: отсутствие контакта, искажение объективной картины происшедшего, неполучение доказательственной информации, тактические и иные следственные ошибки. Важность изучения психолого-педагогических аспектов допроса при работе с несовершеннолетними подтверждается результатами анкетирования в 2017 г. 30 следователей органов внутренних дел Омской области. Так, 66,4% из них проводят с несовершеннолетним беседу на отвлеченные темы, более 30% делают это иногда, для снятия эмоционального напряжения у несовершеннолетнего, 58% знакомы с психологией разных возрастных групп несовершеннолетних. Все следователи ответили, что при проведении допросов несовершеннолетних стараются учитывать их психологические особенности.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетних; дошкольники; младшие школьники; подростки; тактика допроса; познавательные процессы; индивидуальные особенности.

Для цитирования: Неупокоева И. А., Гроголева О. Ю. Учет возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего при проведении допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 78–83. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13014

При расследовании уголовного дела от следователя требуются познания в области детской (подростковой) психологии и педагогики для эффективного проведения процессуальных действий, получения от несовершеннолетнего необходимой для следствия информации в особом режиме защиты законных прав и интересов. Успешное расследование преступлений также во многом обусловлено субъективными качествами лица, его осуществляющего, и зависит от уровня профессиональной подготовки, личного и профессионального опыта. К сожалению, на сегодняшний день допрос несовершеннолетних в процессе расследования сводится к положениям, которые механически заимствованы из юридической психологии, что является недопустимым [1, с. 3]. Следователь должен хорошо знать психологические особенности личности несовершеннолетних и учитывать их при выборе тактических приемов проведения с ними того или иного следственного действия.

Так, зарубежные ученые, исследующие специфику допроса несовершеннолетних, отмечают, что дети, чтобы угодить взрослому следователю, могут быть особенно восприимчивыми к угрозам, запугиванию, нереалистичным обещаниям или снисхождению. Малолетние участники допроса имеют тенденцию сообщать следователям то, что последние, как кажется допрашиваемым, хотят услышать, независимо от достоверности излагаемой информации [2, с. 101]. Известно, что несовершеннолетние правонарушители чаще, чем взрослые, признаются в своих преступлениях. Например, Рубак и Вардаман обнаружили, что 84% малолетних подозреваемых признались в обвинениях против них [3, с. 48]. Считается также, что несовершеннолетние чаще добровольно дают ложные показания для защиты друзей или родственников [4, с. 319]. Порядок допроса несовершеннолетних предусмотрен ст. ст. 191, 425 УПК РФ. Процессуальные правила носят общий характер и не устанавливают конкретных приемов и методов, ко-

торые следователь в каждом отдельном случае применяет к допрашиваемым лицам. Тактические приемы разрабатываются следственной практикой и криминалистической наукой, они меняются в зависимости от индивидуальных психологических особенностей участников допроса, характера и объема собранных доказательств.

Изучение личности несовершеннолетнего в подготовительной стадии допроса является залогом успешного его проведения и установления психологического контакта. Процесс любого допроса «теснейшим образом связан с психологией отношений следователя и допрашиваемого, за каждым из поддающихся наблюдению при допросе фактов скрывается невидимый психологический механизм. Для того чтобы обеспечить надежность допроса как способа собирания и проверки доказательств, следователю необходимо управлять этим механизмом» [5, с. 93]. Все тактические приемы допроса в первую очередь должны быть направлены на установление психологического контакта с допрашиваемым [6, с. 259–268].

На актуальность изложенного указывает и тот факт, что 60% опрошенных следователей отметили важность изучения личности несовершеннолетнего в целях установления психологического контакта с допрашиваемым в рамках допроса*.

Следователям предлагался следующий вопрос: «На Ваш взгляд, необходимо ли изучение личности несовершеннолетнего перед проведением его допроса в целях установления психологического контакта с ним?». Ответы распределились следующим образом: 60% (17 чел.) указали: «да, обязательно»; 30% (10 чел.) — «имеет место в отдельных случаях»; 10% (3 чел.) — «необязательно».

Рекомендуется начинать допрос с отвлеченной беседы на интересную для несовершеннолетнего тему (о его увлечениях, любимых книгах, друзьях), при этом следует учитывать его возрастную категорию. Такая беседа поможет допрашиваемому освоиться в непривычной обстановке и вызовет его на откровенный разговор. Длительность подобного общения варьируется в зависимости от возрастных и индивидуальных психологических особенностей допрашиваемого, предмета предстоящего допроса и ряда других обстоятельств, специфичных для каждого конкретного случая. Это обусловлено тем, что у несовершеннолетних имеются трудности в коммуникативной сфере, они не всегда стремятся к общению, иногда ограничивают свои знакомства [7, с. 163]. Установление контакта с несовершеннолетним — одна из основных задач следователя. Со взрослым этого можно добиться в процессе следующих допросов, что с несовершеннолетним исключается [8, с. 219].

Так, 66,4% опрошенных нами следователей отметили, что всегда перед началом допроса проводят с несовершеннолетним беседу на отвлеченные темы; более 30% делают это иногда, для снятия психологического напряжения у несовершеннолетнего. Вызвать желание несовершеннолетнего разговаривать, преодолеть его скован-

ность и напряженность удается не сразу, и одного-двух вопросов на отвлеченные темы будет недостаточно. Необходимо продолжительная беседа, в ходе которой у следователя есть возможность пополнить уже имеющиеся сведения о личности допрашиваемого, определить его позицию. Причем целесообразно экономить время на указанную работу.

Психотравмирующая ситуация допроса влияет на тот факт, что допрашиваемые излагают факты необъективно, преувеличивая и излишне детализируя одни обстоятельства и обобщая другие [9, с. 24]. Дети, участвующие в процедуре допроса, помимо индивидуальных различий (темперамент, характер, степень открытости и общительности), отличаются возрастными особенностями. Так, для дошкольников и младших школьников характерны ограничения в объеме памяти и внимания, а также высокий уровень эмоциональности, что может отражаться на количестве и качестве воспроизводимой ими информации. Подростковый возраст, вызывающий наибольшие трудности в воспитании, также требует особого подхода в процессе организации общения. В этот период происходят резкие эндокринные изменения, что может проявляться в неуравновешенности, раздражительности, возбуденности либо, наоборот, в вялости, апатии и астеничности. Эмоциональная сфера имеет большое значение в жизни подростка. Нередко возникает обманчивое ощущение, что разум ребенка на данном этапе отходит на второй план. На самом деле подросток переживает перестройку мыслительных процессов, переход к абстрактному мышлению, что требует времени. Симпатии к людям, отношение к обстоятельствам жизни складываются исключительно на волне как негативных, так и позитивных эмоций. Поэтому следователь должен владеть техниками управления эмоциями, а главное, понимать гормональную природу их возникновения. Кроме того, в подростковом возрасте наблюдается отчуждение от взрослых и усиливается потребность в общении со сверстниками. В связи с этим в ходе установления контакта важно учитывать сферу увлечений подростка, а еще лучше продемонстрировать компетентность, что автоматически повысит степень авторитетности следователя в глазах несовершеннолетнего и уровень доверительности коммуникации. Не существует готовых схем установления психологического контакта, нужно учитывать индивидуальность психики допрашиваемого несовершеннолетнего, уровень его умственного развития, характер заинтересованности в исходе дела и многие другие факторы. Целесообразно получить сведения и о состоянии здоровья несовершеннолетнего в целях выбора тактики допроса [10, с. 154].

Установление психологического контакта необходимо, прежде всего, для того, чтобы несовершеннолетний был настроен воспринимать вопросы следователя, осуществлять мыслительные процессы в направлении возникновения желания и решимости рассказать об обстоятельствах, интересующих следствие [11, с. 6].

* В 2017 г. были опрошены 30 следователей УМВД России по Омской области, которые расследуют уголовные дела о преступлениях с участием несовершеннолетних.

Помимо создания благоприятной обстановки и возбуждения у несовершеннолетнего интереса к общению, успешное формирование с ним контакта во многом зависит от поведения следователя и его коммуникативных способностей. Следователю необходимо учитывать важность формы и стиля общения.

Известно, что общение предполагает воздействие не только на разум, но и на чувства. Поэтому следователю необходимо быть очень осторожным, когда в процессе беседы затрагиваются интересы допрашиваемого, его родственников или друзей. Неумелое воздействие на чувства нарушает внутреннее равновесие несовершеннолетнего, порой порождает развязность и вспыльчивость, а иногда, наоборот, замкнутость, что сказывается на качестве производства допроса. Неутешительными оказались результаты опроса следователей: только 58% из них знакомы с психологией разных возрастных групп несовершеннолетних. Обнадешивает тот факт, что все респонденты стараются при проведении допросов несовершеннолетних учитывать их психологические особенности.

Так, на вопрос: «Знаете ли Вы о возрастной периодизации несовершеннолетних, выработанной психологической и педагогической науками, и об основных, наиболее ярких особенностях психологии несовершеннолетних различных возрастных групп?» — ответы распределились следующим образом: «да» указали 9% (3 чел.); «знаю, но лишь в общем» — 58% (16 чел.); «имею смутное представление» — 30% (10 чел.); «нет» — 3% (1 чел.).

Следователь во время допроса должен использовать доброжелательный тон, однако при этом быть готовым к пресечению развязности, к недопущению жаргонных и нецензурных выражений, циничных реплик в адрес тех или иных лиц со стороны несовершеннолетних. Зная, что несовершеннолетний — робкий и стеснительный человек, следователь должен беседовать с ним на темы, которые интересны подростку, в целом строя допрос в виде доверительного разговора.

Допрос несовершеннолетнего начинается с его свободного рассказа. Но перед этим нужно обязательно выяснить, с кем и о чем говорил допрашиваемый по поводу события, о котором идет речь; как отреагировали взрослые, которым он рассказал о случившемся. Эти же вопросы ставятся лицам, на которых ссылается несовершеннолетний в своих показаниях, а полученные ответы сопоставляются. Необходимо осторожно узнать, не получал ли допрашиваемый советов и рекомендаций относительно определенной линии поведения на допросе, не требовал ли кто-нибудь дать ложные показания, не угрожал ли ему.

Форма самостоятельного изложения показаний предпочтительнее вопросно-ответной, поскольку в большей степени обеспечивает достоверность получаемых сведений. Однако рассчитывать на исчерпывающее, последовательное и логичное изложение подростком своих показаний нельзя. Свободный рассказ несовершеннолетнего обычно фрагментарен и недостаточно конкретен. В процессе изложения несовершеннолетний допрашиваемый часто отвлекается на возникшие ассоциации, однако не стоит его торопить, обрывать, досказывать за него. Локус

внимания подростков направлен на личность взрослого, с тем чтобы найти подтверждение несправедливого отношения к ребенку, подловить на ошибках и обнаружить противоречия между словами и действиями. В связи с этим в ходе коммуникации с подростками важно владеть риторическими приемами аргументации, так как простой запрет или подавление не являются эффективными способами психологического воздействия на них. Упорядочение и пополнение полученных в этой стадии допроса сведений лучше проводить после ее окончания, поскольку, перебивая несовершеннолетнего, допрашивающий нарушает ход его мыслей, связность и последовательность изложения, лишает его показания ясности и полноты.

При общении с несовершеннолетним следует проявлять искреннюю заинтересованность и дружелюбие. Один из способов наладить контакт — сесть таким образом, чтобы лицо взрослого было на одном уровне с допрашиваемым. Это смягчит возрастное разделение. Не следует сразу начинать допрос с вопросов «Что произошло?», «Кто тебя обидел?», «Как он тебя обидел?». Если несовершеннолетний сам проявляет желание и способность рассказывать, то нельзя прерывать его, а стоит вмешаться только тогда, когда он остановится, и задать уточняющие вопросы. Полезно в паузах в рассказе повторить последнюю произнесенную подростком фразу или слово, чтобы показать свою заинтересованность.

Особенность допроса несовершеннолетнего заключается в избрании и умелом использовании тактико-психологических приемов в целях получения исчерпывающих показаний обо всем, что ему известно относительно события преступления. Первое тактическое требование к допросу несовершеннолетнего обвиняемого — краткость (непродолжительность) допроса. Длительность допроса определяется с учетом возраста и индивидуальных особенностей детей и подростков. Согласно ч. 1 ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетнего обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности более четырех часов в день.

По мнению Л. Л. Каневского, длительность допроса несовершеннолетнего старшего школьного возраста (от 14–15 до 17–18 лет) не должна превышать часа, а в случае необходимости его продолжения нужно сделать перерыв [12, с. 85]. Психофизиологи отмечают, что в младшем школьном возрасте (7–8 лет) появляется способность произвольно концентрировать внимание на неинтересных вещах, хотя все еще доминирует произвольное внимание и внешние впечатления являются сильным отвлекающим фактором. В этот период внимание характеризуется небольшим объемом и малой устойчивостью (до 10–20 минут). Кроме того, в младшем школьном возрасте затруднено произвольное переключение внимания и его распределение. В подростковом возрасте (11–15 лет) внимание становится более рассеянным, подростки трудно сосредоточиваются на информации из-за резких изменений гормонального фона. В старшем школьном возрасте (15–17 лет) внимание достигает значительного уровня стабилизации. К 16–17 годам произвольное и произвольное внимание усиливается, так как прекращается

дестабилизирующее влияние подкорковых структур. При этом продолжительность удержания произвольного внимания у подростков составляет 40–45 минут, а у старшеклассников доходит до 45–50 минут [13, с. 50].

Наиболее эффективным при допросе несовершеннолетних, дающих ложные показания, является метод убеждения, а также тактические приемы, направленные на оживление памяти, приемы пресечения лжи и допущения легенды. Сведения, сообщенные несовершеннолетним, как правило, содержат пробелы, искажения либо бывают неточными, что вызвано психологическими особенностями развития подростка и закономерностями функционирования памяти.

Эмоциональность личности несовершеннолетних оказывает значительное влияние на процессы памяти. Воспоминания, связанные с психологической травмой или состоянием аффекта, с трудом проникают в сознание. В данном случае срабатывают защитные механизмы, бессознательно снижающие уровень стресса и тревоги, «отрицание», «подавление» и др. Не менее известна причина забывания эмоциональной информации — знаменитый «эффект оружия», описанный Э. Лофтус [14, с. 61]. При названном эффекте при повышенном эмоциональном возбуждении следы памяти разрушаются, и свидетели либо жертвы преступления допускают ошибки в процессе воспроизведения деталей события. Под воздействием психологического стресса наблюдается элиминация фрагментов воспоминания, не связанных со стрессором. Например, человек забывает, как выглядел преступник, детали ситуации. И наоборот, стрессогенность воспринимаемых обстоятельств приводит к субъективному увеличению и детализации фрагментов воспоминания, которые относятся к стрессору (свидетель подробно описывает окровавленный нож).

Так, М. М. Коченов и Н. Р. Осипова рекомендуют допрашивать ребенка не ранее чем через два-три дня после события, когда известно, что случившееся могло его сильно взволновать [15, с. 20]. На необходимость учета свойств памяти несовершеннолетнего в тактике его допроса указывают и криминалисты. Так, Е. Е. Центров полагает, что проводить повторный допрос несовершеннолетнего нужно не позднее двух-трех дней с момента преступного посягательства, так как в дальнейшем может активизироваться процесс забывания [16, с. 155]. При этом необходимо помочь допрашиваемому сосредоточиться, успокоиться, для чего выбрать и применить оптимальные тактические приемы устранения неточностей в показаниях, а также получения дополнительных сведений об интересующих следователя фактах [17, с. 145].

З. М. Истоминой выявлено, что непроизвольное воспроизведение информации у детей 4–6 лет возникает как побочный продукт целенаправленной деятельности. Играя, дети быстрее вспоминают заученные слова, связанные с тематикой игры [18, с. 360]. Поэтому при допросе несовершеннолетнего важно построить разговор, вспоминая деятельность ребенка и подробности ситуации, которые благодаря возможностям ассоциативной памяти будут способствовать непроизвольному воспроизведению нужной информации.

Поводя итог обсуждению проблемы проведения допроса несовершеннолетних, важно отметить следующее.

1. Процесс и результат допроса несовершеннолетних существенно зависят от индивидуальных и возрастных особенностей познавательных процессов, а также эмоциональной и мотивационной сфер личности. Дети нередко искажают обстоятельства происшедшего в связи с возрастными особенностями восприятия, памяти и внимания, а также ограниченным словарным запасом. Вследствие повышенной эмоциональности несовершеннолетние участники допроса могут путать форму и размеры предметов, названия цветов, неправильно воспроизводить время и место события. При описании обстановки акцентируют внимание на несущественных деталях, преимущественно ярких, привлекательных для них.

2. Проведенный опрос следователей, которые расследуют уголовные дела о преступлениях с участием несовершеннолетних, показал, что данная категория сотрудников осознает важность предварительного изучения личности ребенка и имеет недостаточно высокий уровень знаний о возрастных особенностях малолетних участников процедуры допроса. Результаты опроса актуализируют введение в подготовку будущих следователей основ психологии развития и педагогики.

3. Раскрытие и расследование преступлений представляет собой сложный творческий процесс, во многом обусловленный субъективными качествами следователя, степенью его авторитетности для допрашиваемого, а также его коммуникативной компетентностью. Навыки активного слушания, аргументации и предоставления эффективной обратной связи — необходимое условие успешной коммуникации в ходе допроса несовершеннолетних.

4. Допрос несовершеннолетнего — сложный и многогранный процесс, который состоит из совокупности криминалистических, процессуальных, психологических, педагогических и этических аспектов деятельности следователя при его проведении. Знание и грамотное применение тактических приемов проведения допроса несовершеннолетних участников расследования при выполнении требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом, позволят следователю получить доказательства — показания, соответствующие положениям закона, которые впоследствии лягут в основу обвинительного заключения и помогут максимально точно установить обстоятельства совершенного преступления. Игнорирование либо неправильное применение тактических приемов ведет к искажению объективной картины происшедшего, неполучению доказательственной информации, тактическим и иным следственным ошибкам.

Таким образом, в условиях необходимости особой правовой защиты детей от преступных посягательств и неотвратимости наказания виновных в совершении указанных преступлений в перспективе целесообразна разработка новых и совершенствование традиционных приемов допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей с учетом их возраста, образования, уровня развития и психологических особенностей.

Список литературы

1. Матвеев С. В. Получение информации от несовершеннолетних, ее оценка и использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
2. Bernard J. Farber Civil Liability Law Editor//AELE Monthly Law Journal. 2010 (7) — ISSN 1935-0007. July. 2010. P. 101–108.
3. Ruback R. B., Vardaman P. J. Decision making in delinquency cases: The role of race and juveniles' admission/denial of the crime // Law and Human Behavior, 21, 1997. P. 47–69.
4. McCann J. T. Broadening the typology of false confessions // American Psychologist, 53, 1998. P. 319–320.
5. Подшибякин А. С. Допрос как разновидность общения // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 91–98.
6. Зорин Г. А. Многовариантные программы допросов. Технология построения и применения : монография. М., 2005. 335 с.
7. Леонтьева А. В., Шарудинова А. С. Эмпирическое исследование психологических трудностей подростков // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 161–164.
8. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография. М., 2013. 304 с.
9. Неупокоева И. А., Шеховцова Л. С. Допрос потерпевшего в ходе расследования грабежей и разбоев, совершаемых в городе и в сельской местности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 2(53). С. 23–27.
10. Тимошенко С. Е. Применение информации о личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, в целях повышения эффективности следственных действий // Омский научный вестник. 2006. № 5(40). С. 152–154.
11. Закатов А. А. Психологические особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних : учеб. пособие. Волгоград, 1979. 52 с.
12. Каневский Л. Л. Проблемы методики расследования преступлений несовершеннолетних : учеб. пособие. Уфа, 1976. 88 с.
13. Возрастная психофизиология : учеб.-метод. пособие / Т. С. Копосова, С. Ф. Лукина, Н. В. Звягина и др. Архангельск, 2015. 164 с.
14. Loftus E. F., Loftus G. R., & Messo J. Some facts about weapon focus. Law and Human Behavior. Vol. 11. No.3(74). 1. 1987. P. 55–62.
15. Коченов М. М., Осипова Н. Р. Психология допроса малолетних свидетелей : метод. пособие. М., 1984. 35 с.
16. Центров Е. Е. Криминалистическое учение о потерпевшем : монография. М., 1988. 160 с.
17. Соколов А. Б., Кузнецов А. А. Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних : монография. М., 2013. 240 с.
18. Истомина З. М. Развитие произвольной памяти // Хрестоматия запоминания у дошкольников / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 2002. 816 с.

Поступила 08.02.2018

UDC 343.9

Considering Juvenile Age and Individual Peculiarities in Interrogation

Irina A. Neupokoeva,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor at the Department of Criminalistics, the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs Omsk, Russia. e-mail: irinaneupokoeva55@yandex.ru

Olga Yu. Grogoleva,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor at the Department of General Psychology, Psychology Faculty, Dostoevsky Omsk State University Omsk, Russia. e-mail: ogror@mail.ru

The article is devoted to the problem of taking into account age and individual peculiarities of juvenile participant of criminal proceedings for effective interrogation. The authors estimate conditions of the investigator's qualified preparation for interrogating a juvenile: comprehensive study of the juvenile, his life conditions and background; determining the time for this investigative activity, means of summoning, narrowing a range of people for interrogation; developing a plan of interrogation, detailing the number of and formulating the main and test questions. The paper reveals negative consequences of interrogation conducted without considering juvenile age and individual peculiarities: lack of contact, misrepresentation of the happening, failure to obtain proofs, tactical and other investigative faults. The importance of studying psychology-pedagogical aspects of interrogating juveniles is proved by results of the questionnaire conducted in 2017 among thirty investigators of Omsk region. Thus, 66,4% of them talk with juveniles on extraneous matters, 30% of the respondents sometimes do it to remove tense, 58% have knowledge of psychology of different juvenile age groups. All the investigators respond that they try to take into account juvenile psychological peculiarities in interrogation.

Keywords: interrogation of a juvenile; pre-school children; elementary school students; juveniles; tactics of interrogation; processes of cognition; individual peculiarities.

Citation: Neupokoeva I. A., Grogoleva O. Yu. Considering Juvenile Age and Individual Peculiarities in Interrogation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. 78–83. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13014

References

1. Matveev S. V. Getting Information from Juveniles, its Evaluation and Usage in Criminal Proceedings. Extended Abstract of Candidate of Sciences Dissertation (Law). Moscow, 2003. 24 p. (In Russ.)
2. Bernard J. Farber Civil Liability Law Editor. *AELE Monthly Law Journal*. No 7 (ISSN 1935-0007), July 2010. Pp. 101–108.
3. Ruback R. B., Vardaman P. J. Decision Making in Delinquency Cases: The Role of Race and Juveniles' Admission/Denial of the Crime. *Law and Human Behaviour*. No. 21, 1997. Pp. 47–69.
4. McCann J. T. Broadening the typology of false confessions. *American Psychologist*. No. 53, 1998. Pp. 319–320.
5. Podshibyakin A. S. Interrogation as a type of Communication. Present-day Relevant Issues of Criminalistics. Krasnodar, 2002. Pp. 91–98. (In Russ.)

6. Zorin G. A. Multi-variant Programmes of Interrogations. Technology of Construction and Application. Moscow, 2005. 335 p. (In Russ.)
7. Leont'eva A. V., Sharudinova A. S. Empirical Research of Juvenile Psychological Difficulties. *The Bulletin of Adygeya State University*. No. 2. Maykop, 2006. Pp. 161–164. (In Russ.)
8. Porubov N. I., Porubov A.N. Interrogation: Procedural and Criminalistics Aspects. Moscow, 2013. 304 p. (In Russ.)
9. Neupokoeva I. A., Shekhovtsova L. S. Interrogating the Victim in Investigation of Robberies Committed in the City and Rural Areas. *The Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. No. 2(53), 2014. Pp. 23–27. (In Russ.)
10. Timoshenko S. Ye. Using the Information about the Juvenile Offender for Effective Investigation. *Omsk Scientific Bulletin*. No. 5(40), 2006. Pp. 152–154. (In Russ.)
11. Zakatov A. A. Psychological Peculiarities of Investigation Involving Juveniles. Volgograd, 1979. 52 p. (In Russ.)
12. Kanevsky L. L. Problems of Methods of Investigating Juvenile Crimes. Ufa, 1976. 88 p. (In Russ.)
13. Age-related Psychophysiology. By Kuposova T. S., Lukina S. F., Zvyagina N. V. Arkhangelsk, 2015. 164 p. (In Russ.)
14. Loftus E. F., Loftus G. R., Messo J. Some Facts about Weapon Focus. *Law and Human Behaviour*. Vol. 11. No. 3(74), 1987. Pp. 55–62.
15. Kochenov M. M., Osipova N. R. Psychology of Interrogating Juvenile Witnesses. Moscow, 1984. 35 p. (In Russ.)
16. Tsentrov Ye. Ye. Criminalistics Study of Victim. Moscow, 1988. 160 p. (In Russ.)
17. Sokolov A. B., Kuznetsov A. A. Investigation of Personal Property Thefts Committed by Groups of Juveniles. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)
18. Istomina Z. M. Development of Arbitrary Memory. Reader on Pre-school Children Memorization. Psychology on Psychology. Ed. by Gyppenreyter Yu. B., Romanov V. Ya. Moscow, 2002. 816 p. (In Russ.)

Submitted 08.02.2018

IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений

Сидорова Ксения Сергеевна,

адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: k_s159@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты идентификации личности по IP-адресу, связанные с тем, что для установления достоверного соответствия IP-адреса физическому лицу, которое, используя техническое устройство, осуществляло выход в сеть Интернет, сотруднику органов внутренних дел необходимо произвести различные следственные и процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия. Демонстрируются возможности интернет-ресурсов, позволяющие сотруднику ОВД получить сведения ориентирующего характера об IP-адресе и в дальнейшем проверить их путем направления официальных запросов в адрес провайдера связи, а также сопоставления с другими имеющимися доказательствами.

Ключевые слова: IP-адрес; идентификатор; сеть Интернет; ориентирующая информация, доказательство.

Для цитирования: Сидорова К. С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 84–87. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-12015

Идентифицировать человека можно по следам рук, обуви, голосу, фотографии, абонентскому номеру, документу, удостоверяющему личность, государственному регистрационному номеру автомобиля и иным объектам. Одним из специфических идентификаторов человека в виртуальной среде (в сети Интернет), скрытым от поля зрения пользователя, является IP-адрес. IP-адрес — это уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенный на основе стека протоколов TCP/IP, на котором функционирует сеть Интернет, и IP-адреса узла сети или технологии¹. Если посредством технологии происходит выход в Интернет, то IP-адрес технологии и IP-адрес узла сети взаимодействуют и появляется адрес того субъекта, который произвел выход в сеть Интернет [1]. Например, устройству, подключившемуся к сети Интернет, был присвоен IP-адрес 192.156.168.35, где первые две группы чисел, разделенные точками, определяют номер сети, а последние две — номер узла (компьютера). При этом номер сети в последующих подключениях может совпадать у разных устройств, что говорит о территориальной близости друг к другу точек доступа.

Результаты изучения уголовных дел и интервьюирования сотрудников органов внутренних дел свидетельствуют, что при раскрытии и расследовании преступлений, где преступниками используются ресурсы сети Интернет, возникают значительные сложности в установлении связи IP-адреса с конкретным пользователем при выходе в глобальную сеть. Это не случайно, поскольку IP-адрес присваивается конкретному устройству — компьютеру, смартфону, а не пользователю. Поэтому для определения какого-либо лица, использовавшего техническое устройство для выхода в сеть, одного только IP-адреса недостаточно, необходим комплекс организационных и тактических мер, состоящих из следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Более того, установив связь IP-адреса с техническим устройством, нельзя признавать виновным в совершении преступления определенного человека, так

как техническим устройством мог воспользоваться не только его владелец.

В своей работе мы ставим задачу изучить технические свойства IP-адреса и выявить процессуальные возможности использования сведений о нем в качестве доказательства причастности лица к совершенному преступлению.

Подключаясь к сети Интернет, необходимо использовать техническое устройство, которому провайдером связи присваивается IP-адрес из диапазона адресов, входящих в его зону. С данного устройства с конкретным IP-адресом пользователь предпринимает определенные действия в сети Интернет: посещает различные сайты, регистрируется на них, общается, делает покупки, в том числе может совершать противоправные действия. Поэтому для установления лица, виновного в преступлении, совершенного с использованием ресурсов глобальной сети, требуется установить, с какого технического устройства был осуществлен выход в сеть. На конкретное техническое устройство указывает IP-адрес. Таким образом, процесс установления виновного лица схематично может выглядеть так: «IP-адрес» → «техническое устройство» → «человек».

Сведения об IP-адресе в ходе расследования преступления возможно получить как с помощью следственных и иных процессуальных действий, так и посредством направления поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. После установления IP-адреса, присвоенного провайдером техническому устройству, которое осуществляло выход в сеть Интернет в интересующий орган расследования период времени, необходимо выяснить, в сети какого провайдера зарегистрирован конкретный IP-адрес и его географическое местоположение. В этом могут помочь специальные интернет-сайты (например: «WHOIS», «2IP», «RIPE» и др.), предоставляющие информацию об IP-адресах. Пользовательские соглашения указанных сайтов гласят о том, что их функционирование построено в соответствии с требованиями действующего российского зако-

¹ Википедия : свободная энциклопедия. IP-адрес. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/IP-адрес> (дата обращения: 29.10.2017).

нодательства и направлено на регулирование взаимоотношений между администрацией сайта, пользователями сайта и провайдерами (права, обязанности, пределы ответственности). Кроме того, в случае неточностей, недостоверности, необъективности предоставляемых данных с таких сайтов, а также отклонений в части качества оказания услуг администрация сайта ответственности не несет. Со стороны государства деятельность данных сайтов не контролируется. В связи с этим возникает вопрос относительно степени доверия правоохранительных органов к сведениям, размещаемым на таких сайтах. Соответственно, не следует исключать ситуации, когда сервисами подобных сайтов будет представлена неточная информация по определению провайдера, присвоившего конкретный IP-адрес, и о его географическом местоположении. Однако следственной практике известны случаи о признании такой информации в качестве вещественного доказательства². По нашему мнению, сведения об IP-адресе, полученные из таких источников, могут иметь ориентирующее значение и требовать дальнейшей проверки, которая позволила бы использовать их в качестве доказательства по уголовному делу. Как справедливо отмечал профессор Р. С. Белкин, информация ориентирующего характера полезна для выдвижения версий, определения направлений расследования, планирования следственных действий, прогнозирования возможной линии поведения участников расследования и т. п. [2, с. 83].

Исходя из этого, считаем целесообразным в каждом случае изучения IP-адреса при помощи интернет-ресурсов, не контролируемых государством, проверять полученные сведения путем направления официальных запросов в организации соответствующих провайдеров, ответы из которых могут использоваться в качестве доказательства по уголовному делу.

В дальнейшем, в целях получения доказательственной информации и сопоставления таковой с информацией ориентирующего характера, действия сотрудника правоохранительных органов следует направить на получение таких сведений от провайдера, как:

- полные данные, приведенные лицом при заключении договора об оказании интернет-услуг (фамилия, имя, отчество, адрес, телефон, копия паспорта);
- адрес местонахождения приемопередающего оборудования, посредством которого осуществлялся выход в сеть Интернет через указанный IP-адрес;
- информация о том, статическим или динамическим является данный IP-адрес;
- информация об используемом 3G-, 4G-модеме (номер SIM-карты, MAC-адрес), посредством которого осуществлялся выход в сеть Интернет через указанный IP-адрес.

В целях получения перечисленных сведений об IP-адресе сотруднику органов внутренних дел, кроме запроса в соответствующую организацию, необходимо иметь постановление суда о разрешении на это, по-

скольку запрашиваемая информация будет относиться к категории персональных данных. В информации, предоставленной провайдером, содержатся сведения об оконечном устройстве, использовавшем тот или иной IP-адрес в момент подключения к сети Интернет, о лице, заключившем договор об оказании интернет-услуг.

Идентификация пользователя сети Интернет по IP-адресу затруднена еще и технологией его использования. Следует отметить, что существуют статические и динамические IP-адреса. Статические IP-адреса являются постоянными, неизменными. Данный адрес назначается устройству в сети на постоянной основе согласно договору об оказании услуг доступа к сети Интернет, заключенного между абонентом и провайдером, не меняет своего значения с течением времени. Иными словами, при каждом подключении любого устройства к сети ему присваивается один и тот же IP-адрес. Примером тому может служить следующая ситуация. Гражданин Иванов подключился к сети Интернет через точку доступа Wi-Fi, используя смартфон «Samsung Galaxy A3», находясь у себя дома, провайдером был присвоен этому подключению статический IP-адрес, определенный в договоре; находившийся в гостях у Иванова Петров также подключился к сети Интернет через ту же точку доступа Wi-Fi, используя свой смартфон «LG G6», в обоих случаях IP-адреса были идентичны, что говорит о неизменности статических IP-адресов при подключении к сети Интернет различными устройствами. Динамический IP-адрес, напротив, меняется при подключении устройства к сети. Назначается автоматически при каждом подключении устройства к сети и используется в течение ограниченного промежутка времени (до завершения сеанса подключения к сети Интернет) [3]. Так, в одном случае при подключении устройства к глобальной сети подключению будет присвоен, например, IP-адрес со значением 168.192.145.53, при последующем подключении того же устройства IP-адрес будет с другим значением — 168.192.178.45, вне зависимости от того, с какого устройства осуществляется подключение. Более того, в разные промежутки времени динамические IP-адреса могут совпадать у устройств, так как при подключении устройства к сети Интернет ему присваивается любой свободный от подключения динамический IP-адрес, входящий в диапазон адресов, имеющихся у провайдера, обслуживающего данное подключение.

Кроме того, совпадение динамических IP-адресов при неоднократном количестве подключений устройств к сети Интернет не дает однозначных оснований полагать, что подключения и дальнейшие действия с использованием сети осуществлялись одним и тем же человеком. Поскольку динамический IP-адрес присваивают каждому подключаемому устройству к сети всякий раз в случайном порядке, то велика вероятность, что в разное время доступа у нескольких устройств совпадут IP-адреса. С. И. Кувычков констатирует, так как чаще всего динамический IP-адрес компьютеру, подключаемому к сети, назначается провайде-

² *Росправосудие*. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 24 октября 2016 г. по делу № 1-998/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-volzhsjij-gorodskoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-535499180/> (дата обращения: 11.12.2017).

ром автоматически, то при разнице во времени, зависящей от временных поясов, под данным IP-адресом с интервалом даже в один час могли работать разные пользователи. Судебной практике известны случаи, когда правоохранительные органы, не учитывая указанный момент, изымали компьютерную технику и пытались обвинить людей, не причастных к совершению преступления [4].

Следовательно, в практике судов имеются неодинаковые решения относительно проблемы совпадения IP-адресов. В одном случае совпадение IP-адресов, возможно, будет свидетельствовать о преступном сговоре лиц, которые осуществляли доступ в сеть Интернет под одними и теми же IP-адресами, а в другом — окажется простым совпадением.

В научной литературе описываются ситуации, когда выход в сеть Интернет осуществляется из одной публичной точки доступа с использованием Wi-Fi, например, в квартире всеми членами семьи или в кафе различными посетителями. Как отмечают В. В. Архипов, В. Б. Наумов, Г. А. Пчелинцев, Я. А. Чирко, при отсутствии дополнительных мер аутентификации в лучшем случае будет возможным ограничить группу лиц, которые совершают действия в сети Интернет [5]. Тем не менее у сотрудников правоохранительных органов появляются основания для выдвижения версии относительно вероятного круга причастных лиц к совершенному преступлению, которая в дальнейшем будет подлежать проверке.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым в ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий устанавливать точное время доступа устройства к сети Интернет (час, минута, секунда), детально фиксировать в протоколах следственных действий сведения, которые указывают на временной промежуток в сети Интернет, чтобы максимально сузить круг лиц, имеющих отношение к преступному деянию, в случае совпадения IP-адресов. Помимо этого, необходимо также доказывать факт того, что конкретное лицо использовало именно то техническое устройство и именно этому устройству присваивался установленный IP-адрес.

Помимо совпадения IP-адресов у различных устройств в разные промежутки времени, могут возникнуть затруднения, связанные с умышленными действиями лица по изменению, маскировке, утаиванию истинного IP-адреса³. Преступник, как правило, использует динамический IP-адрес, предоставляющийся анонимными прокси-серверами, а также последовательностью анонимных прокси-серверов. Такие злоумышленники применяют «АнтиАОН» и другие программные средства, маскирующие реальный IP-адрес [4], что также требует соответствующих мероприятий по проверке. А. К. Жарова отмечает, что разработаны программные технологии, которые позволяют менять IP-адрес, например, возможно создавать динамические, или «невидимые», или нераспознаваемые IP-адреса [6]. Данные действия со стороны преступников создают сложности не

только в установлении истинного IP-адреса, но и в дальнейшем сопоставлении неверного IP-адреса с конкретным человеком.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что любой IP-адрес, установленный в ходе расследования преступления, подлежит детальному изучению в целях проверки его на истинность и дальнейшего отождествления с техническим устройством и физическим лицом, его использовавшим в момент подключения к сети Интернет.

Следует подробно устанавливать факты, связанные со временем использования какого-либо интернет-ресурса в целях корректного сопоставления времени интернет-сессии и используемого технического устройства, а в дальнейшем и физического лица. Кроме того, разница для сотрудника ОВД между статическим и динамическим IP-адресом будет состоять в том, что статический IP-адрес закреплен документально (договор между физическим/юридическим лицом и провайдером) и при каждом подключении к сети Интернет любым устройством будет оставаться прежним. В случае его установления дальнейшие действия сотрудника должны направляться на выявление конкретного лица. Динамический же IP-адрес при каждом подключении к сети Интернет будет меняться, а возможно, и модифицироваться умышленно. Исходя из этого, определение точного промежутка времени подключения устройства к сети Интернет — одно из основных действий следователя в подобной ситуации, а если имеются сведения относительно умышленного изменения IP-адреса, то такие данные необходимо устанавливать в ходе судебной экспертизы.

В дальнейшем в рамках научных исследований будет более подробно рассмотрен такой идентификатор личности, как IP-адрес, а также другие идентификаторы, позволяющие идентифицировать личность.

Список литературы

1. Жарова А. К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография. М., 2016. 248 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. 334 с.
3. Медведева Т. М. Если у налогоплательщика и его контрагента один IP-адрес // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2017. № 10. С. 63–69.
4. Кувычков С. И. К вопросу об использовании электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: теоретико-прикладной аспект. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23618854_56530892.pdf (дата обращения: 12.11.2017).
5. Архипов В. В., Наумов В. Б., Пчелинцев Г. А., Чирко Я. А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18–25.
6. Жарова А. К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25962991_50944344.pdf (дата обращения: 12.11.2017).

Поступила 14.01.2018

³ *Росправосудие*. Приговор Кировского районного суда города Саратова от 26 марта 2014 г. по делу № 1-89/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-kirovskij-rajonnyj-sud-g-saratova-saratovskaya-oblast-s/act-480792566/> (дата обращения: 10.12.2017).

UDC 343.8

IP address as one of Personal Identities in Criminal Investigation

Ksenia S. Sidorova,

post-graduate student, the Omsk Academy
of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: k_s159@mail.ru

The author deals with some aspects of identifying a person according to IP address. To establish appropriateness of IP address to an individual who had an access to the Internet using a technical device it is necessary for a law enforcement officer of the Russian MIA to carry out various investigative and procedural actions, detection activities. The article comprises options of some Internet resources helpful for a law enforcement officer of the Russian MIA in obtaining intelligence about IP address, its further checking via official requests to provider address and comparing it with other evidence available.

Keywords: IP-address, identifier, Internet, intelligence, evidence.

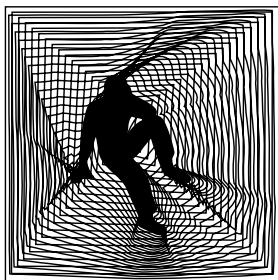
Citation: Sidorova K. S. IP address as one of Personal Identities in Criminal Investigation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74). 2018. P. 84–87. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-12015

References

1. Zharova A. K. Law and Informational Conflicts in Information Telecommunication Sphere. Moscow, 2016. 248 p. (In Russ.)
2. Belkin R. S. Encyclopedia of Criminalistics. Moscow, 2000. 334 p. (In Russ.)
3. Medvedeva T. M. If a Taxpayer and his Counter-agent have the same IP address. *Relevant Issues of Accounting and Taxation*. No. 10. 2017. P. 63–69. (In Russ.)
4. Kuvychkov S. I. To the Question of Using Digital Information in Proof by Criminal Procedure Means: Theoretically-Applied Aspect. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23618854_56530892.pdf (accessed 12.11.2017). (In Russ.)
5. Arkhipov V. V., Naumov V. B., Pchelintsev G. A., Chirko Ya. A. Open Conception of Regulating Internet Goods. *Informational Law*. No. 2. 2016. P. 18–25. (In Russ.)
6. Zharova A. K. On Correlation of Personal Data with IP address. Russian and Foreign Experience. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25962991_50944344.pdf (accessed 12.11.2017). (In Russ.)

Submitted 14.01.2018

Отраслевые проблемы юридической науки и практики

The problems of legal science and practice

УДК 342.7+159 © В. В. Кожевников, А. Ф. Караваев, В. О. Зверев, 2018

Статус позитивной юридической ответственности в понятийно-категориальном аппарате общей теории права

Кожевников Владимир Валентинович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Омск, Россия. e-mail: kta6973@mail.ru

Караваев Александр Федорович,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России Омск, Россия. e-mail: karavaevmvd@mail.ru

Зверев Вадим Олегович,

доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России Омск, Россия. e-mail: zverevoma@mail.ru

Определяя актуальность статьи значимостью категории юридической ответственности и понятий (категорий), концентрирующих накопленные знания, авторы акцентируют внимание на категории позитивной юридической ответственности как осознании субъектом права своего долга перед обществом, коллективом, социальными группами. Приводя различные трактовки анализируемой категории, аргументы ее сторонников, обуславливающие право на существование данного феномена, авторы солидаризируются с противниками позитивной юридической ответственности. В частности, подчеркивается, что последняя не содержит так называемого государственно-правового компонента и поэтому не может включаться в понятийно-категориальный аппарат общей теории права.

Ключевые слова: юридическая ответственность; негативная ответственность; позитивная ответственность; понятия и категории; общая теория права; государственно-правовой компонент.

Для цитирования: Кожевников В. В., Караваев А. Ф., Зверев В. О. Статус позитивной юридической ответственности в понятийно-категориальном аппарате общей теории права // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 88–94. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-13016

Актуальность выбранной темы обуславливается значимостью общетеоретической категории юридической ответственности и тем обстоятельством, что именно в понятиях и категориях теории государства и права концентрирует, выражает накопленные знания, раскрывает свой предмет. Понятия играют своего рода роль системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. В свое время А. М. Васильев отмечал, что все правовые понятия и категории, сформулированные правовой теорией, «благодаря тому, что в них подытожены содержательные, предметные знания о правовых явлениях, выступают ступеньками познания, опорными пунктами, через которые наука движется к новым результатам в познании» [1, с. 101].

В литературе юридическая ответственность в классическом понимании рассматривается как негативная (ретроспективная) ответственность в различных ее

трактовках: необходимость правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия; возникающее из правонарушений правовое отношение между государством, его специальными органами и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие негативные последствия; применение к правонарушителю штрафных (карательных) санкций норм права и др.

Что же касается позитивной юридической ответственности, которая рассматривается как самостоятельное, добросовестное, активное выполнение обязанности, добровольное следование предписаниям норм права, то и к ней, заметим, проявляется самое неоднозначное отношение. Иными словами, в позитивном смысле юридическая ответственность — осознание субъектом права своего долга (особых обязанностей) перед обществом, коллективом, социальными группами. Такую ответственность субъект возлагает на себя как бы за будущие

результаты своего правомерного поведения. Речь идет о дополнительных, активных (по сравнению с другими субъектами права) усилиях, нагрузках в тех или иных областях жизнедеятельности людей, которые ведут к определенным позитивным результатам. За успех взятой на себя миссии и конечные результаты индивид берет на себя указанную ответственность [2, с. 462].

П. Е. Недбайло в числе первых в общей теории права написал о значении позитивной ответственности, «социальный смысл которой состоит в деятельности, соответствующей объективным требованиям данной ситуации и объективно обусловленным идеалам времени»; «у человека возникает ответственность уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполнит» [3, с. 50–52]. Более того, в ряде случаев обосновывается мнение, что главенствующую роль, решающее значение в праве имеет именно позитивная ответственность, а ретроспективная играет подчиненную по отношению к ней роль [4, с. 62].

Сторонники позитивной юридической ответственности утверждают, что ответственное отношение личности к своим поступкам становится определяющим фактором ее правомерного поведения, которое основывается на глубоком внутреннем убеждении добровольно выполнять требования правовых норм. Более того, подчеркивается, что категория позитивной юридической ответственности составляет методологическую основу, на которой должна строиться категория ретроспективной ответственности; она является необходимым условием возникновения и несения ретроспективной ответственности [5, с. 281–282].

В другом случае позитивная (перспективная) ответственность связывается с определенным внутренним состоянием и внешней социально-правовой активностью личности, с его отношением к возложенным, взятым на себя обязанностям; порученному делу, работе, задачам; государству, обществу, коллективу. Так, Н. И. Матузов полагает, что «ответственное поведение — это такое поведение, которое характеризуется глубоким осознанием необходимости следовать требованиям правовых и моральных норм, уважением к закону, праву и предполагает активное влияние на ход событий, вклад в общее дело, в развитие общества» [6, с. 141].

По мнению сторонников позитивной юридической ответственности, последняя проявляется «как долг, обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями социальных норм» [7, с. 75, 86]. «Гражданин, личность, учреждение, организация, должностное лицо несут ответственность прежде всего за правильное выполнение своих обязанностей, т. е. ответственность в ее позитивном значении» [8, с. 73]. Критикуя узкое ретроспективное (негативное) понимание юридической ответственности, ученые указывают на то, что она все чаще и повсеместно расходится с реальной правовой действительностью, с социально-правовой активностью личности. Обращая на это внимание, Н. И. Матузов пишет, что ретроспективный подход к ответственности, который пока еще преобладает в литературе,

выглядит односторонним и неполным, ибо при таком подходе на первый план выступает лишь карательно-предупредительный момент, но умалется в какой-то мере социальное, морально-этическое и гражданское значение ответственности [6, с. 141].

Видимо, в данном случае ученый основывает свою позицию на существующем положении о сложных и противоречивых связях права и морали, которые в цивилизованном обществе объективизируются в такой закономерности, как возрастание морального потенциала права, этических основ законности и правопорядка. Правовая реальность неспособна развиваться вне моральных категорий гуманизма и справедливости, совести и чести, добра и человеческого достоинства, свободы и ответственности. Органическая включенность указанных нравственных идеалов и принципов в реальные правовые связи и отношения — свидетельство повышения общечеловеческой ценности права [9, с. 106].

Действительно, авторы, придерживающиеся мнения о необходимости выделения позитивной юридической ответственности, понимают ее и как обязанность дать отчет о своих деяниях, инициативное, неуклонное, строгое, полное исполнение своих обязанностей [10, с. 8–11]; поощрительную ответственность [11, с. 72; 12, с. 152]; необходимое с точки зрения интересов общества и сограждан поведение, исполнение долга, возложенных обязанностей, положительных социальных ролей [13, с. 29]; статусную юридическую ответственность [14, с. 214; 15, с. 232]. Например, Б. Т. Базылев считал, что позитивная юридическая ответственность — предусмотренная правовыми нормами социальная связь личности и общества, юридическое выражение объективной зависимости личности и общества, гражданина от государства. По мнению автора, она представляет собой правовое отношение общего характера, т. е. такую правовую связь, которая заключается в праве государства требовать от всех субъектов конкретных юридических обязанностей и их обязанности правомерного поведения. Неисполнение конкретного предписания есть нарушение данной правовой связи и, следовательно, основание возникновения индивидуализированных отношений ответственности (ответственности в ретроспективном смысле) [16, с. 46].

Данное положение соответствует позиции Д. А. Липинского, предложившего объединить два аспекта юридической ответственности — позитивный и негативный. «Юридическая ответственность едина, а ее различные формы реализации (добровольная и государственно-принудительная. — В. К., А. К., В. З.) находятся в постоянной борьбе». Ученый определяет свою «единую» юридическую ответственность следующим образом: «Юридическая ответственность — это юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения — обязанность правонарушителя претерпевать осуждение, ограничение прав материального, правового или личного характера и их реализации» [17, с. 10]. Проявляя непоследователь-

ность, в другой работе Д. А. Липинский утверждает, что «наличие карательной функции — это специфический признак, отличающий меры юридической ответственности от мер защиты», «основанием для применения мер юридической ответственности выступает юридический факт правонарушения и акт применения права (приговор суда, постановление о привлечении к административной ответственности и т. п.» [18, с. 15].

Кстати говоря, еще ранее ряд авторов представлял юридическую ответственность как единую, целостную категорию. На взгляд М. А. Краснова, «это особая правовая связь субъекта права с государством, обуславливающая в совокупности с иными элементами правового статуса поведение данного субъекта права и служащая основой для введения механизма государственного принуждения в случае совершения или, наоборот, несовершения поступков, действий, которые закон считает недопустимыми или, наоборот, обязательными» [19, с. 77]. В. Г. Федорова юридическую ответственность определяет как «правоотношение, в котором дееспособные субъекты выполняют правовые веления, вытекающие из правовых запретов (юридических обязанностей) и правовых возможностей, сочетаемые с соответствующими штрафными и поощрительными санкциями» [20, с. 92].

Т. Н. Радько, признавая позитивную юридическую ответственность в качестве правового статуса личности, должностного лица, коллектива, обращает внимание на то, что при его определении законодатель предвидит, кто обязан нести ответственность за должное совершение юридически значимых действий. Автор убежден, что придется в большей степени учитывать позицию тех, кто предлагает понимать юридическую ответственность не только как кару, санкцию, но и как необходимость совершения активных действий, вытекающих из правового статуса субъекта права [21, с. 110, 111].

Убежденным сторонником позитивной юридической ответственности является Д. В. Чухвичев, подчеркивающий, что сведение юридической ответственности к государственно-правовому принуждению, к реализации специально уполномоченными органами государства санкции нормы права, не полностью, однобоко отражает сущность данного правового явления. Он полагает, что при этом из состава юридической ответственности исключается характеристика интеллектуально-психологического аспекта, а первая сводится исключительно к внешним мерам государственно-правового воздействия на личность. Ответственность, представляющая собой только систему мер государственного принуждения, не может считаться фактором, позволяющим осознать социальную необходимость, лежащую в основе правовой диспозиции и обуславливающую существование правовой санкции [22, с. 106].

На наш взгляд, в необоснованную крайность впадает А. С. Бондарев, категорически заявляя, что юридическая ответственность может носить только позитивный характер, являясь ценным (позитивным) правовым свойством субъектов права. Автор утверждает, что внешне она предстает как социально активное и привычное правомерное

поведение субъектов права; внутренний (психологический) ее аспект предполагает осознанность (в настоящем либо в прошлом) субъектами социально активного и привычного правомерного поведения, установленного регулятивными нормами права, образцов должного поведения, их положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого направления своих деяний в соответствии с данными правовыми образцами [23, с. 143].

Концепцию позитивной юридической ответственности распространяют при анализе отраслевых видов ответственности [24, с. 29–37].

Противники же позитивной юридической ответственности выдвигают самые разнообразные аргументы, которые обуславливают их научную позицию. Так, обращая внимание на то, что в словаре В. Даля слово «ответственность» толкуется как обязательное ручательство под страхом ответа, взыскания, авторы заключают, что само слово «ответственность» в русском языке означает категорию, характеризующуюся реакцией на предшествующие по времени и уже происшедшие события. Данное обстоятельство, полагают авторы, должно выступать одним из аргументов обоснования позиции сторонников концепции существования только негативной (ретроспективной) ответственности [25, с. 38].

Не соглашаясь с концепцией позитивной юридической ответственности, Н. С. Малейн указывал, что четкого и однозначного определения понятия позитивной ответственности пока нет, а в имеющихся определениях допускаются подмена терминов и объединение различных категорий: «Объявление ответственностью обязанность совершить предусмотренные законом действия (дог) ведет, с одной стороны, к удвоению терминологии: одно и то же явление одновременно именуется и обязанностью, и ответственностью, и с другой — вносит неясность в терминологию: ответственностью называется и сама обязанность, и последствия ее неисполнения, при этом допускается смешение этих двух качественно разных явлений» [26, с. 131]. Р. О. Халфина, критикуя феномен позитивной юридической ответственности, писала, что «предложения о безграничном расширении понятия ответственности, о применении этого понятия в его общепотребительном смысле нельзя считать приемлемыми» [27, с. 317]. В. В. Мальцев, солидаризируясь с точкой зрения Н. С. Малейна и Р. О. Халфиной, подчеркивает, что безграничное расширение понятия ответственности ведет к удвоению и неясности терминологии, смешению двух качественно различных явлений, к такому положению, когда позитивная ответственность утрачивает конкретность и, по существу, сливается с понятием права (осознанием права) [28, с. 155]. В. А. Кучинский также рассуждал о сложностях не только объединения, но и сопоставления позитивной ответственности и общепризнанной в юриспруденции и реализуемой на практике юридической ответственности, являющейся по своей природе негативной (предполагающей осуждение, наказание) [29, с. 7].

Н. А. Пьянов категорически заявлял, что позитивная юридическая ответственность не открывает каких-то новых горизонтов в теории юридической от-

ветственности. Ученый был убежден в том, что попытки отдельных исследователей актуализировать проблему позитивной юридической ответственности и выработать единое понятие юридической ответственности, которым охватывалась бы как позитивная, так и негативная ответственность, едва ли способны увенчаться успехом, поскольку позитивная и негативная юридическая ответственность — антиподы, совершенно разные, диаметрально противоположные явления. Пожалуй, подчеркивал автор, следует согласиться с учеными в том, что позитивная юридическая ответственность не имеет собственно юридической специфики и ничем не отличается от общесоциальной ответственности [30, с. 490–491]. Говоря о позитивной ответственности, А. С. Шабуров однозначно полагает, что «она вообще не укладывается в категориальный аппарат юридической науки, не является явлением юридическим» [31, с. 273]. В. И. Шепелев подчеркивает, что постановка вопроса о позитивной юридической ответственности встречает серьезные возражения главным образом из-за отсутствия должного содержания правовых компонентов в данном виде ответственности. В частности, здесь нет элементов подотчетности, контроля, принуждения, что характерно для классической (ретроспективной) юридической ответственности [32, с. 462].

В. В. Лазарев и С. В. Липень задают следующий вопрос: имеет ли разделение юридической ответственности на ретроспективную и перспективную право на существование? Отвечая на него, они, с одной стороны, дают положительный ответ, ибо такое разделение определенным образом отражает реальную правовую действительность, а с другой — юридической ответственностью в специальном, юридическом смысле можно назвать только ответственность за совершенные противоправные деяния. Поясняя свою точку зрения, ученые указывают, «для того чтобы исследовать явление, называемое “перспективной (позитивной) юридической ответственностью”, необходимо переработать понятийный аппарат (поскольку два совершенно различных правовых явления называются примерно одинаково!) и рассматривать все связанные с ним вопросы не вместе с юридической ответственностью, а, например, в связи с правомерным поведением» [33, с. 523–524].

Н. Н. Черногор подчеркивает, что, заявляя о реальной позитивной ответственности, ее диалектическом единстве с ответственностью за правонарушение (ретроспективной, негативной), никто не пытается обосновать подобную позицию, объяснить диалектику перехода позитивного аспекта ответственности в негативный [34, с. 105]. В одной из своих работ О. Э. Лейст, оценивая позитивную юридическую ответственность, обращал внимание на терминологическую путаницу, возникающую в результате обозначения одним и тем же термином «ответственность» столь разных явлений, как долг, обязанность и ответственность [35, с. 228–230]. Кроме того, отмечается также неправомерное отождествление ответственности в ее «позитивном» варианте с правомерностью поведения [36, с. 7].

Совершенно был прав О. Э. Лейст, говоря о том, что, рассуждая о «правовой позитивной ответственности», авторы исходят не из анализа сути права как социальной реальности, а из «семантических изысканий», сводящихся к рассмотрению «различных значений слов и терминов, опирающихся на толковые словари» [37, с. 594]. «Беда не только в том, — резонно замечает ученый, — что семантические изыскания заменяют и заслоняют изучение права, еще хуже, что они вступают с ним в радикальное противоречие» [37, с. 595]. Развивая идею позитивной ответственности двойственного — негативного и позитивного — представления о юридической ответственности, ученые строят конструкцию, механически перенося соответствующую социологическую и философскую терминологию на юридическую понятийную систему, не учитывая специфику последней [38, с. 638]. Кроме того, как обоснованно заметил О. Э. Лейст, «на переименовании достаточно известных правовых явлений основано и большинство попыток развить идею правовой позитивной ответственности». В самом деле, рассуждает автор, если сторонниками этой идеи ответственность определяется как «объективно обусловленная необходимость осознанного и добровольного соблюдения правовых предписаний всеми субъектами права», «общее требование для всех субъектов права — как руководство к действию, к правильному выполнению правовых норм», если утверждается, что «равномерные юридически значимые поступки оцениваются как ответственные, то спрашивается, почему это ответственность, а не законность, общеобязательность права, правомерное поведение, как утверждают другие правоведы» [37, с. 597].

О. Э. Лейст подчеркивал также, что наиболее уязвимым звеном идеи правовой позитивной ответственности является невозможность определить ее юридические свойства и качества, чем-либо отличающиеся от известных понятий «обязанность», «правомерное поведение», «правосубъектность», «деликтоспособность», «выполнение обязательств» и др. [39, с. 626].

Многолетние призывы разработать понятие правовой позитивной ответственности, раскрыв свойственное ей юридическое содержание, привели только к декларативным рассуждениям, и, наоборот, углубленное исследование проблем социальной ответственности с позиций правоведения неизбежно приводит к выводу о том, что ее позитивный аспект «не обладает признаками, качествами, особенностями правового явления, характеризующегося связью с государством, с правом. Признание юридического характера позитивной ответственности не только не соответствует природе явления, но и усложняет решение многих проблем в юридической науке, ибо означает ликвидацию юридической ответственности как специфического правового явления» [40, с. 15, 16].

Кроме того, вызывает тревогу, что с распространением идеи правовой позитивной ответственности нередко связаны теоретические рекомендации, крайне сомнительные именно с точки зрения эффективности правовой пропаганды, воздействия правосознания на общественное правосознание. Взгляд на правовую по-

зитивную ответственность как на «другой аспект», оборотную сторону, зеркальное отражение традиционной ответственности за правонарушение с самого начала основывался на предположениях, что источником правовой позитивной ответственности являются санкции за правонарушения, в том числе уголовно-правовые. При «двухаспектном» понимании ответственности легкость замены в термине «ответственность» одного смысла (правомерное поведение) другим (наказание или взыскание за правонарушение) породила соблазн вести пропаганду, угрожая санкциями. Теоретическим результатом этого явились рассуждения ряда сторонников указанной идеи о том, что все граждане несут уголовную ответственность безотносительно к тому, совершают они преступления или нет [41, с. 78–80; 42, с. 25–31].

Суммируя все возражения против категории позитивной юридической ответственности, можно сказать, что ее противники рассматривают ее как моральную ответственность, существующую наравне с правовой.

На наш взгляд, вызывают большие сомнения идеи о признании позитивной юридической ответственности в качестве категории общей теории права, несмотря на обстоятельство, что в ряде случаев при ее характеристике авторы используют такие выражения, как «правомерное поведение», «уважение к закону», «правовой статус субъекта» и др., определяют ее меру через субъективные права и юридические обязанности [43].

Любое понятие или категория данной науки так или иначе должны содержать так называемый государственно-правовой компонент, отражающий сложный, а порой противоречивый процесс взаимодействия государства и права. Именно такой компонент свойственен негативной (ретроспективной) юридической ответственности безотносительно ее трактовки. Особо следует подчеркнуть, что для юриста понятия и категории имеют чрезвычайно важное значение, ибо они как научные абстракции в концентрированной форме выражают накопленные знания о государстве и праве. Это, образно говоря, кирпичики, из которых строится здание правовой науки. Научный характер они имеют при условии, если объективно и достоверно отражают такие сложные понятия, как государство и право.

На наш взгляд, позитивная юридическая ответственность является достаточно спорной категорией, которая не имеет самостоятельного места в понятийно-категориальном аппарате юриспруденции. Возникновение анализируемой категории является показательным примером утверждения, согласно которому применение такого методологического принципа, как научный плюрализм, предполагающий учет различных позиций ученых по той или иной проблеме, имеет или должно иметь какие-либо границы. Здесь уместно привести точку зрения Э. В. Габреляна: «Удобство юриспруденции заключается в том, что с помощью текста можно в зависимости от желания его автора легко создать совершенно любую картину как с реально существующими, так и вымышленными лицами (например, Богом, государством, на-

родом, классом, нацией, обществом). А уже на выходе в теоретических работах с претензией на научность будут обосновываться соответствующие юридические категории, понятия, теории» [44, с. 58].

Список литературы

1. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права // Тр. ВЮЗИ. Т. XXXII. М., 1973. С. 80–85.
2. Любашиц В. Я., Смоленский М. Б., Шенелев В. И. Теория государства и права : учебник. Ростов, 2006. 512 с.
3. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53.
4. Астемиров З. А. Понятие юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 59–67.
5. Власов В. И., Власова Г. Б. Теория государства и права : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2011. 331 с.
6. Матузов Н. И. Социалистическая демократия как единство прав, обязанностей и ответственности // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 135–143.
7. Хачатуров Р. Л., Ягутин Р. Г. Юридическая ответственность : монография. Тольятти, 1995. 200 с.
8. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 3. С. 72–78.
9. Лики морали: введение в этику : учеб.-науч. пособие / под науч. и общ. ред. В. Л. Обухова. СПб., 1996. 189 с.
10. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. 455 с.
11. Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. 299 с.
12. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. 232 с.
13. Назаров Б. Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 29–38.
14. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 294 с.
15. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. 286 с.
16. Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 40–46.
17. Литинский Д. А. Проблемы юридической ответственности : монография / под ред. Р. Л. Хачатурова. СПб., 2004. 387 с.
18. Литинский Д. А., Бессолицын А. Г. О разграничении мер защиты и мер юридической ответственности // Современное право. 2013. № 4. С. 12–16.
19. Краснов М. А. Юридическая ответственность — целостное правовое явление // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 73–77.
20. Федорова В. Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2007. № 9. С. 87–92.
21. Кроткова Н. В. «Круглый стол»: «Свобода и ответственность» // Государство и право. 2007. № 3. С. 109–127.
22. Чухвичев Д. В. Свобода личности и юридическая ответственность // Государство и право. 2005. № 3. С. 103–108.
23. Бондарев А. С. Юридическая ответственность — позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133–144.
24. Максимов И. В. Концепция позитивной административной ответственности в теории и практике // Государство и право. 2006. № 8. С. 29–37.
25. Векленко С. В. Уголовная ответственность: теоретический анализ понятия и основания возникновения // Пробле-

меры противодействия преступности в современных условиях : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1999. С. 37–43.

26. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. 182 с.

27. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. 340 с.

28. Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Правоведение. 2000. № 6. С. 152–169.

29. Кучинский В. А. О понятии юридической ответственности как фундаментальной категории юриспруденции // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Кучинского, Э. А. Саркисовой. Минск, 1996. С. 4–19.

30. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск, 2010. 583 с.

31. Шабуров А. С. Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность // Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2007. С. 259–274.

32. Любашиц В. Я., Смоленский М. Б., Шепелев В. И. Правовое поведение и юридическая ответственность // Теория государства и права : учебник. Ростов н/Д, 2002. С. 438–469.

33. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник. М., 2010. 634 с.

34. Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105–109.

35. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. 239 с.

36. Марченко М. Н. Проблемы юридической и социально-политической ответственности бизнеса // Государство и право. 2007. № 11. С. 5–11.

37. Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2 : Теория права. 622 с.

38. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. М., 2008. Т. 2 : Право. 656 с.

39. Лейст О. Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2002. С. 626–655.

40. Шабуров А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 34 с.

41. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. 188 с.

42. Елионский В. А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности : учеб. пособие. Рязань, 1979. 84 с.

43. Литинский Д. А., Шишкин А. Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 5–14.

44. Габрелян Э. В. Юридическая теория государства: теоретические основания и выводы // Государство и право. 2017. № 6. С. 52–59.

Поступила 25.12.2017

UDC 342.7+159

Status of Positive Legal Responsibility in the Terminology Base of General Theory of Law

Vladimir V. Kozhevnikov,

Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor at the Department of State and Law Theory and History, Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia. e-mail: kta6973@mail.ru

Aleksandr F. Karavaev,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor, Professor at the Department of Criminology, Psychology and Pedagogy, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: karavaevmvd@mail.ru

Vadim O. Zverev,

Doctor of Sciences (History), Associate-Professor, Deputy-Chief of the Department of Criminology, Psychology and Pedagogy, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: zverevoma@mail.ru

Determining the relevance of the article by the importance of category of legal responsibility and notions (categories) condensing accumulated knowledge the authors focus on the category of positive legal responsibility as the legal subject's awareness of his duty to the society, collective, social groups. Considering various interpretations of the category under study, arguments of its advocates determining the right of this phenomenon to exist the authors support the opponents of the positive legal responsibility. In particular, it is stressed that the latter fails to contain so-called state-legal component, and, therefore, cannot be included in the terminology base of general theory of law.

Keywords: legal responsibility; negative responsibility; positive responsibility; notions and categories; general theory of law; state-legal component.

Citation: Kozhevnikov V. V., Karavaev A. F., Zverev V. O. Status of Positive Legal Responsibility in the Terminology Base of General Theory of Law. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 88–94. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13016

References

1. Vasilyev A. M. Legal Categories. Methodological Aspects of Developing the System of Theory of Law Categories. Works of the All-USSR Correspondence Institute. Vol. 32. Moscow, 1973. Pp. 80–85. (In Russ.)

2. Lyubashits V. Ya., Smolensky M. B., Shepelev V. I. State and Law Theory. Rostov, 2006. 512 p. (In Russ.)
3. Nedbaylo P. E. System of Legal Guarantees of Applying Soviet Legal Norms. *Jurisprudence*. No. 3, 1971. Pp. 44–53. (In Russ.)
4. Astemirov Z. A. The Concept of Legal Responsibility. *Soviet State and Law*. No. 6, 1979. Pp. 59–67. (In Russ.)
5. Vlasov V. I., Vlasova G. B. State and Law Theory. Rostov-on-Don, 2011. 331 p. (In Russ.)
6. Matuzov N. I. Socialist Democracy as the Unity of Rights, Duties and Responsibility. *Soviet State and Law*. No. 11, 1987. Pp. 135–143. (In Russ.)
7. Khachaturov R. L., Yagutin R. G. Legal Responsibility. Tolyatti, 1995. 200 p. (In Russ.)
8. Strogovich M. S. The Essence of Legal Responsibility. *Soviet State and Law*. No. 3, 1979. Pp. 72–78. (In Russ.)
9. Images of Morality: Introduction to Ethics. Ed. by Obukhov V.L. St Petersburg, 1996. 189 p. (In Russ.)
10. Tarkhov V. A. Responsibility under the Soviet Civil Law. Saratov, 1973. 455 p. (In Russ.)
11. Voevodin L. D. Constitutional Rights and Duties of Soviet Citizens. Moscow, 1972. 299 p. (In Russ.)
12. Razgilyaev B. T. Tasks of the Russian Criminal Law and their Implementation. Saratov, 1993. 232 p. (In Russ.)
13. Nazarov B. L. On Legal Aspect of Positive Social Responsibility. *Soviet State and Law*. No. 10, 1981. Pp. 29–38. (In Russ.)
14. Matuzov N. I. Legal System and Person. Saratov, 1987. 294 p. (In Russ.)
15. Mordovets A. S. Socially-Legal Mechanism of Providing Human and Citizen Rights. Saratov, 1996. 286 p. (In Russ.)
16. Bazylev B. T. The Essence of Positive Legal Responsibility. *Jurisprudence*. No. 4, 1979. Pp. 40–46. (In Russ.)
17. Lipinsky D. A. The Problems of Legal Responsibility. Ed. by Khachaturov R. L. St Petersburg, 2004. 387 p. (In Russ.)
18. Lipinsky D. A., Bessolitsyn A. G. On Distinguishing Measures of Protection and Measures of Legal Responsibility. *Modern Law*. No. 4, 2013. Pp. 12–16. (In Russ.)
19. Krasnov M. A. Legal Responsibility – an Integral Legal Phenomenon. *Soviet State and Law*. No. 3, 1984. Pp. 73–77. (In Russ.)
20. Fedorova V. G. The Concept of Legal Responsibility and its Regulative-Protective Nature. *State and Law*. No. 9, 2007. Pp. 87–92. (In Russ.)
21. Krotkova N. V. “Round Table”: “Freedom and Responsibility”. *State and Law*. No. 3, 2007. Pp. 109–127. (In Russ.)
22. Chukhvicev D. V. Individual Liberty and Legal Responsibility. *State and Law*. No. 3, 2005. Pp. 103–108. (In Russ.)
23. Bondarev A. S. Legal Responsibility is the Positive Property of the Subject of Law. *Jurisprudence*. No. 1, 2008. Pp. 133–144. (In Russ.)
24. Maksimov I. V. The Conception of Positive Administrative Responsibility in Theory and Practice. *State and Law*. No. 8, 2006. Pp. 29–37. (In Russ.)
25. Veklenko S. V. Criminal Responsibility: Theoretical Analysis of the Concept and Grounds for Arising. Problems of Counteracting Crime in Modern Times. Collected Materials. Omsk, 1999. Pp. 37–43. (In Russ.)
26. Malein N. S. Offence: Concept, Reasons, Responsibility. Moscow, 1985. 182 p. (In Russ.)
27. Khalfina R. O. General Study of Legal Relationship. Moscow, 1974. 340 p. (In Russ.)
28. Maltsev V. V. Social Responsibility of an Individual, Criminal Law and Criminal Responsibility. *Jurisprudence*. No. 6, 2000. Pp. 152–169. (In Russ.)
29. Kuchinsky V. A. On the Concept of Legal Responsibility as a Fundamental Category in Jurisprudence. Legal Responsibility: Problems of Theory and Practice. Collected Materials. Ed. by Kuchinsky V. A., Sarkisova E. A. Minsk, 1996. Pp. 4–19. (In Russ.)
30. P'yanov N. A. Consultations on State and Law Theory. Irkutsk, 2010. 583 p. (In Russ.)
31. Shaburov A. S. Lawful Behaviour. Offence. Legal Responsibility. State and Law Theory. Ed. by Perevalov V. D. Moscow, 2007. Pp. 259–274. (In Russ.)
32. Lyubashits V. Ya., Smolensky M. B., Shepelev V. I. Lawful Behaviour and Legal Responsibility. State and Law Theory. Rostov-on-Don, 2002. Pp. 438–469. (In Russ.)
33. Lazarev V. V., Lipen' S. V. State and Law Theory. Moscow, 2010. 634 p. (In Russ.)
34. Chernogor N. N. On Theoretical Problems of Legal Responsibility. *Journal of Russian Law*. No. 5, 2006. Pp. 105–109. (In Russ.)
35. Leyst O. E. Sanctions and Responsibility under Soviet Law. Moscow, 1981. 239 p. (In Russ.)
36. Marchenko M. N. Problems of Legal and Socially-Political Responsibility of Business. *State and Law*. No. 11, 2007. Pp. 5–11. (In Russ.)
37. General State and Law Theory. In two vol. Ed. by Marchenko M.N. vol 2. Theory of Law. Moscow, 1998. 622 p. (In Russ.)
38. Marchenko M. N. Problems of General State and Law Theory. In two vol. vol 2. Law. Moscow, 2008. 656 p. (In Russ.)
39. Leyst O. E. Methodological Problems of Legal Responsibility. Problems of State and Law Theory. Ed. by Marchenko M. N. Moscow, 2002. Pp. 626–655. (In Russ.)
40. Shaburov A. S. Political and Legal Aspects of Social Responsibility of an Individual. Extended Abstract of the Doctor of Sciences Dissertation (Law). Yekaterinburg, 1992. 34 p. (In Russ.)
41. Smirnov V. G. Functions of Soviet Criminal Law. Leningrad, 1965. 188 p. (In Russ.)
42. Elionsky V. A. Criminal Punishment and Cultivating Individual Positive Responsibility. Ryazan, 1979. 84 p. (In Russ.)
43. Lipinsky D. A., Shishkin A. G. Subjective Law and Legal Duty as the Means of Positive Legal Responsibility. *State and Law*. No. 10, 2014. Pp. 5–14. (In Russ.)
44. Gabrelyan E. V. Juridical State Theory: Theoretical Grounds and Conclusions. *State and Law*. No. 6, 2017. Pp. 52–59. (In Russ.)

Submitted 25.12.2017

Административно-правовые основы деятельности полиции по профилактике правонарушений в сфере миграции

Бойко Ольга Альбертовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: Mario011@mail.ru

Куянова Арина Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: a_kuyanov@mail.ru

Юрицин Андрей Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: YuritsinAndrey@yandex.ru

Рассматриваются актуальные вопросы административной деятельности полиции по профилактике нарушений миграционного законодательства Российской Федерации. На основе анализа Концепции общественной безопасности, Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, нормативных правовых актов, регламентирующих паспортно-регистрационную систему Российской Федерации, исследуются организационные, профилактические основы контроля полиции за соблюдением паспортно-регистрационных правил, меры, направленные на предупреждение административных правонарушений и преступлений в миграционной сфере, а также актуальные вопросы применения административной ответственности в указанной сфере в целях минимизации негативных процессов. Изучается участие полиции в осуществлении контроля за соблюдением на территории Российской Федерации гражданами и должностными лицами Правил регистрации по месту пребывания и по месту жительства в пределах России. Особое внимание уделено взаимодействию в целях противодействия угрозам в области миграции.

Ключевые слова: миграция; профилактика правонарушений; контроль; регистрационный учет; паспортно-регистрационная система; профилактические меры; административная ответственность.

Для цитирования: Бойко О. А., Куянова А. В., Юрицин А. Е. Административно-правовые основы деятельности полиции по профилактике правонарушений в сфере миграции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 95–99. DOI 10.24411/1999-6241-2018-12017

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации¹, разработанная на основе принятых ранее документов государственного стратегического планирования², среди основных источников угроз безопасности в Российской Федерации выделяет угрозы в миграционной сфере.

Незаконная миграция в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства происходит из стран со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, что может послужить основой для совершения правонарушений, преступлений, в том числе осуществления экстремистской деятельности на территории нашего государства [1; 2, с. 62–64; 3, с. 92–97; 4, с. 31–35].

В настоящее время в Российской Федерации с различными целями находится свыше 10 млн иностранных граждан, при этом от общего их числа на граждан государств-участников Содружества Независимых Государств приходится 85,1%. Как видно из таблицы, в 2017 г.

на миграционный учет поставлено более 15 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, при этом разрешение на работу получили 0,9% из них, а патенты — лишь 10,1%, иностранные обучающиеся составляют 2,8% и туристы — 15,8%. Чем занимаются 70,4% иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, неизвестно³.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории России в 2017 г. совершено 41 047 преступлений, из них 36 233 — гражданами государств-участников СНГ. По данным МВД России, ежегодно иностранными гражданами и лицами без гражданства совершается около 4,5% выявленных преступлений, из них гражданами государств-участников СНГ — 80,0%. Распределение лиц, совершивших преступления в 2017 г., выглядит следующим образом: наибольший удельный вес имеют граждане Узбекистана — 27%, на втором месте находятся граждане Таджикистана — 20%, далее следуют граждане Украины и Киргизии — соответственно 14 и 11%.

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: <https://www.pnp.ru/russia-today/o-merakh-pravitelstva-rossiyskoy-federacii-po-protivodeystviyu-nelegalnoy-migracii.html> (дата обращения: 19.02.2018).

Таблица. О состоянии миграционного учета в РФ в 2016, 2017 гг. (Table. On Migration Records in the Russian Federation in 2016, 2017)

Показатели	2016 г.	2017 г.
Факты постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, кол-во	14 337 084	15 710 227
Разрешения на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, кол-во	149 013	148 326
Патенты иностранным гражданам и лицам без гражданства, кол-во	1 510 378	1 682 622
Прибывшие иностранные граждане и лица без гражданства в целях обучения, кол-во	406 052	449 021
Прибывшие иностранные граждане и лица без гражданства в целях туризма, кол-во	2 245 217	2 496 250

Миграционная служба МВД России в 2017 г. подготовила более 210 тыс. представлений о закрытии въезда в страну иностранным гражданам⁴. Кроме того, в отношении 90 472 иностранных граждан в первом полугодии 2017 г. судами Российской Федерации назначены наказания за административные правонарушения, в том числе 60 696 решений о выдворении⁵.

Одной из задач обеспечения общественной безопасности Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁶ объявляется сохранение гражданского мира, политической, социальной и экономической стабильности в обществе.

Для реализации поставленной задачи имеется достаточный объем правовых средств, а также действует вполне отработанная система взаимодействия уполномоченных органов по противодействию угрозам в миграционной сфере. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия с общественными объединениями

(в том числе правоохранительной направленности)⁷, национальными диаспорами в целях профилактики правонарушений, совершаемых по мотивам социальной, расовой, национальной или религиозной розни⁸.

Исследуемое направление деятельности особо актуально в связи с проведением в России чемпионата мира по футболу. В городах, где проходили матчи, вводился особый режим регистрации как россиян, так и иностранных граждан⁹.

Согласно п. 33 ст. 12 Федерального закона «О полиции» полиция обязана «участвовать в осуществлении контроля за соблюдением гражданами Российской Федерации и должностными лицами порядка регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, транзитного проезда через территорию Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников». Реализуя свои обязанности, полиция, руководствуясь принципом законности, должна строго соблюдать действующее законодательство [5, с. 64–73].

Одна из основных целей контроля в миграционной сфере — выявление нарушений правовых норм, устанавливающих правила паспортно-регистрационной системы. В результате осуществления такого контроля могут быть выявлены лица, скрывающиеся от правоохранительных органов¹⁰. Проверка правил паспортно-регистрационной системы позволяет органам внутренних дел своевременно осуществлять профилактические меры в целях предупреждения и недопущения совершения мигрантами более тяжких правонарушений и преступлений¹¹.

⁴ URL: ГУВМ МВД/Сводка основных показателей за январь–декабрь 2017 года.html (дата обращения: 19.02.2018).

⁵ Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения: 19.02.2018).

⁶ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об участии граждан в охране общественного порядка : федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Ответственность за теракт в Кизляре взяли на себя террористы «ИГ». URL: https://liganews.net/russia/7070_1519030316 (дата обращения: 20.02.2018).

⁹ О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ (п. 2 ч. 1 ст. 13) // Рос. газета. 2013. 11 июня ; Об особенностях применения усиленных мер безопасности в период проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 202 // Там же. 2017. 11 мая.

¹⁰ Квартира не резиновая. URL: <https://rg.ru/2017/12/26/v-gosdume-predlozhili-zapretit-prodazhu-melkih-dolej-v-kvartire.html> (дата обращения: 19.02.2018).

¹¹ Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной миграционной службой, ее территориальными органами и Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами государственной функции по контролю за соблюдением гражданами Российской Федерации и должностными лицами правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации : приказ ФМС России № 338, МВД России № 587 от 1 августа 2013 г. // Рос. газета. 2013. 29 нояб. ; Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления о регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, уведомления о прибытии

В органах внутренних дел обязанности по контролю за соблюдением правил паспортно-регистрационной системы возложены в первую очередь на подразделения по вопросам миграции¹², службу участковых уполномоченных полиции¹³, подразделения обеспечения безопасности дорожного движения¹⁴, полиции на транспорте¹⁵, патрульно-постовую службу полиции¹⁶ и др.

Проверки соблюдения правил регистрации проводятся в отношении граждан, которые проживают в жилом помещении без документов, удостоверяющих личность (или по недействительному паспорту), или проживающих по месту пребывания (жительства) без регистрации и др.¹⁷

Осуществляющие проверку сотрудники обязаны вручить копию распоряжения о проведении проверки проверяемому лицу, а также проверить сведения в отношении последнего по соответствующим учетам МВД России. После окончания проверки составляется акт, копия которого вручается проверенному лицу. В ходе проверки изучаются документы, удостоверяющие личность проверяемого, а также подтверждающие законность его нахождения по месту пребывания (жительства).

Участковые уполномоченные полиции при проведении профилактического обхода закрепленных административных участков обязаны проверять соблюдение паспортно-регистрационных правил. О подобных проверках данные сотрудники докладывают непосредственному руководителю территориального органа МВД России на районном уровне. Плановые проверки физических лиц проводятся в соответствии с ежегодно утверждаемыми планами территориальных органов МВД России. В отношении юридических лиц таковые осуществляются не реже чем один раз в три года¹⁸.

Внеплановые проверки инициируются обращениями физических и юридических лиц, а также поступлением сведений (материалов), указывающих на наличие

признаков состава преступления или события административного правонарушения. Материалы могут поступить из правоохранительных органов, органов государственной власти, местного самоуправления и др.

К документам, которые сотрудники вправе требовать от проверяемого лица, относятся:

— паспорт (иной документ, удостоверяющий личность);

— свидетельство о регистрации по месту жительства установленной формы (для граждан Российской Федерации, не достигших 14-летнего возраста);

— свидетельство о регистрации по месту пребывания установленной формы, в котором содержатся сведения о регистрации гражданина по месту пребывания по конкретному адресу;

— документы, подтверждающие наличие родственных отношений проверяемого лица с нанимателем (собственником) жилого помещения;

— документы, подтверждающие право владения, пользования и распоряжения жилым или нежилым помещением.

По результатам проверки принимаются следующие решения:

а) о прекращении проверки в связи с отсутствием нарушений правил регистрации со стороны проверяемого лица;

б) о назначении проверки в отношении иного лица в случае поступления в ходе проверки информации о нарушениях правил регистрации со стороны данного лица;

в) о прекращении проверки и направлении ее материалов в соответствующие государственные органы — в связи с выявлением признаков составов преступлений и (или) административных правонарушений в действиях проверяемого лица;

г) о возбуждении дела об административном правонарушении.

иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметки о регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания : приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 881. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений* : приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *Об утверждении Положения о главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 15 апреля 2016 г. № 192. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ *Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции* : приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ *О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения* : указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ *Об утверждении Положения о Главном управлении на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 680. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ *Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции* : приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ *Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 // Рос. газета. 1995. 27 июля ; *О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 // Там же. 2007. 27 янв.

¹⁸ *О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля* : федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Рос. газета. 2008. 30 дек.

Основанием для возбуждения дела об административном правонарушении служит выявление сотрудниками полиции одного из следующих фактов:

а) проживания гражданина Российской Федерации в жилом помещении без паспорта (или по недействительному паспорту);

б) проживания по месту пребывания (жительства) в жилом помещении без регистрации;

в) допущения нанимателем (собственником) проживания в занимаемых им по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений граждан по месту пребывания или по месту жительства без регистрации;

г) нарушения нанимателем (собственником) без уважительных причин предусмотренных законодательством Российской Федерации сроков уведомления органа регистрационного учета о проживании в занимаемых им по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов либо в принадлежащих ему на праве собственности жилых помещениях граждан без регистрации или представления в органы регистрационного учета заведомо недостоверных сведений о регистрации граждан по месту пребывания или по месту жительства;

д) нарушения лицами, ответственными за прием и передачу в орган регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, установленных законодательством Российской Федерации сроков представления в орган регистрационного учета документов для регистрации граждан по месту пребывания или по месту жительства либо представления в орган регистрационного учета заведомо недостоверных документов для регистрации граждан по месту пребывания или по месту жительства.

Результаты деятельности полиции по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений правил паспортно-регистрационной системы:

— обеспечение выполнения предусмотренных законодательством Российской Федерации требований правил паспортно-регистрационной системы;

— выявление в паспортно-регистрационной сфере административных правонарушений и преступлений;

— привлечение лиц, виновных в совершении административных правонарушений в паспортно-регистрационной сфере, к ответственности, установленной законодательством Российской Федерации;

— выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений в указанной сфере;

— выявление фактов фиктивной регистрации граждан по месту пребывания или по месту жительства [6, с. 247–249].

В заключение отметим, что паспортно-регистрационная система — один из важных элементов в механизме выявления и розыска лиц, подозреваемых в совершении преступлений и административных правонарушений, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, а также уклоняющихся от исполнения уголовного наказания.

В перспективе данная тема может быть рассмотрена с криминологических позиций. В настоящий момент авторами проводится исследование криминологического аспекта преступлений в сфере незаконной миграции, в ходе которого будет выяснено современное состояние, структура и динамика вышеуказанных преступлений, выявлены детерминирующие факторы, специфичные именно для преступлений в сфере незаконной миграции.

Список литературы

1. Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–111.
2. Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1998. 129 с.
3. Юрицин А. Е. Взаимодействие полиции с органами государственной власти и местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 2. С. 92–97.
4. Бойко О. А., Юрицин А. Е. Экстремизм: криминологические, психологические и полицейские аспекты противодействия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 31–35.
5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. 239 с.
6. Административная деятельность полиции. Часть Особенная : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016. 356 с.

Поступила 02.03.2018

UDC 342.951

Administrative Law Principles of Police Activity in Preventing Migration Offences

Olga A. Boyko,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor at the Department of Criminology,
Psychology and Pedagogy, the Omsk Academy
of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: Mario011@mail.ru

Arina V. Kuyanova,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor at the Department of Administrative Law
and Law Enforcement Agencies' Administrative Activity, the Omsk Academy
of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: a_kuyanova@mail.ru

Andrey Ye. Yuritsin,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the Department
of Administrative Law and Law Enforcement Agencies' Administrative Activity,
the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: YuritsinAndrey@yandex.ru

The paper concerns relevant issues of police administrative activity in preventing violations of the Russian migration laws. Analyzing the Conception of Public Security, Conception of State Migration Policy of the Russian Federation, normative legal acts regulating passport registration system of the Russian Federation the authors study organizational, preventive principles used by police to supervise observation of passport registration rules, the measures which aim to prevent administrative offences and migration offences as well as relevant issues of applying administrative responsibility in the mentioned sphere in order to minimize negative processes. The article considers police participation in controlling observation of Registration Rules on temporary and permanent residence in the Russian Federation by citizens and officials. Special emphasis is given to interaction aiming to counteract threats in migration sphere.

Keywords: migration, prevention of offences; control; registration reports; passport registration system; preventive measures; administrative responsibility.

Citation: Boyko O. A., Kuyanova A. V., Yuritsin A. Ye. Administrative Law Principles of Police Activity in Preventing Migration Offences. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. Pp. 95–99. DOI 10. 24411/1999-6241-2018-12017

References

1. Zayonchkovskaya Zh. A., Nozdrina N. N. Citizens' Migration Experience in Regional Centres of Russia (exemplified by Sociological Poll in 10 cities). *Problems of Forecasting*. No. 4, 2008. Pp. 98–111. (In Russ.)
2. Iontsev V. A. *International Migration of Population: Theory and History of Study*. Moscow, 1998. 129 p. (In Russ.)
3. Yuritsin A. Ye. Interaction of Police with Government and Local Authorities in Counteracting Extremism. *Bulletin of the Omsk Law Academy*. Vol. 14, No. 2. 2017. Pp. 92–97. (In Russ.)
4. Boyko O. A., Yuritsin A. Ye. Extremism: Criminological, Psychological and Police Aspects of Counteraction. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(66), 2016. Pp. 31–35. (In Russ.)
5. Rybakovsky L. L. *Migration of Population (Questions of Theory)*. Moscow, 2003. 239 p. (In Russ.)
6. *Police Administrative Activity. Special Part*. Ed. by prof. Beketov O. I. Omsk, 2016. 356 p. (In Russ.)

Submitted 02.03.2018

УДК 342 © А. Е. Скиданова, Е. В. Кошелев, 2018

Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации

Скиданова Анна Евгеньевна,

адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: skidanova123@mail.ru

Кошелев Евгений Викторович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
Омск, Россия. e-mail.ru: skidanova123@mail.ru

В процессе реализации права на свободу совести правоприменительные органы, граждане неоднозначно толкуют две правовые категории — «свобода совести» и «свобода вероисповедания», их соотношение. При регулировании свободы совести и свободы вероисповедания возникает проблема определения сущности названных институтов, их содержания. Свободу совести и свободу вероисповедания нельзя понимать как единый правовой институт, что происходит в российской правовой действительности. Свобода совести и свобода вероисповедания — различные личные свободы, государство должно предусматривать самостоятельную систему гарантий реализации для каждой из названных свобод. Этого возможно достичь при внесении соответствующих поправок в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях».

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; система гарантий реализации свобод человека; законодательное регулирование.

Для цитирования: Скиданова А. Е., Кошелев Е. В. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 100–102. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-12018

Нормативно-правовое регулирование института свободы совести и свободы вероисповедания предусмотрено на международном и национальном уровнях. Проанализировав некоторые международные документы, можно говорить о том, что в них ведется речь о двух самостоятельных понятиях: «свободе совести» и «свободе вероисповедания». Так, Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г., закрепляет право каждого человека на свободу мысли, совести и религии¹; Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН, в ст. 18 устанавливает право каждого на свободу мысли, совести и религии², Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, принятая в 1995 г., в ст. 10 предусматривает право человека на свободу мысли, совести и вероисповедания³ и др. Отсюда следует, что в международных документах содержатся два различных понятия — «свобода совести» и «свобода вероисповедания».

В Российской Федерации законодательно не разграничиваются данные свободы. В соответствии со ст. 28 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Несмотря на то что в Основном законе провозглашены свобода совести и свобода вероисповедания, эти понятия требуют отдельного изучения.

Совесть — философская категория, отражающая внутреннее нравственное убеждение человека, которое не всегда может быть осознанным.

Вероисповедание — философско-религиозная категория, отражающая принадлежность лица к какому-либо вероучению. Соответственно, использование неюридической терминологии приводит к проблемам толкования, понимания сущности и содержания данных явлений.

Ученые неоднократно обращали внимание на необходимость дифференциации указанных понятий, прежде всего в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Однако до настоящего времени это предложение не нашло законодательного закрепления. В 2014 г. был принят Модельный закон о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях), в котором содержится юридическое толкование свободы совести и свободы вероисповедания. В частности, под свободой совести понимается основополагающее неотъемлемое право человека на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой ограничения в других гражданских правах и свободах или их утрату; под свободой вероисповедания — право человека выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, участвовать в совершении религиозных обрядов (ритуалов, культов, церемоний), не запрещенных законом⁴. Положительно оценивая указанный документ, который носит рекомендательный характер, следует отметить, что определение свободы совести в таком виде номинально и не раскрывает ее сущностных признаков. Представляется, что право на свободу совести

¹ Рос. газета. 1998. 10 дек.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 13, ст. 1489.

⁴ Модельный закон «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)»: принят в г. Санкт-Петербурге 28 ноября 2014 г. постановлением № 41-22 на 41-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должно рассматриваться в субъективном и объективном смысле. В субъективном смысле — это личное неотъемлемое право человека действовать в соответствии со своими внутренними нравственными убеждениями в различных сферах общественной жизни: политической, духовной, социальной, экономической. В объективном смысле право на свободу совести — это совокупность норм, регулирующих правоотношения, возникающие при реализации названного права. Из этого следуют характерные признаки свободы совести:

- личное неотъемлемое право каждого человека. Ограничение названного права государством возможно лишь в исключительных случаях;
- формируется и основывается на внутреннем нравственном убеждении каждого человека;
- не всегда указанное право формируется у человека осознанно;
- оно пронизывает все сферы общественной жизни.

Что касается понятия свободы вероисповедания, то следует согласиться с его толкованием в упомянутом документе, поскольку свобода вероисповедания действительно отражает принадлежность лица к религии, его религиозные убеждения.

Отсутствие в Конституции Российской Федерации дифференциации изучаемых правовых категорий повлекло наличие различных подходов ученых к соотношению понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания».

Ряд известных ученых-конституционалистов, основываясь на нормах Конституции Российской Федерации, рассматривают свободу совести и свободу вероисповедания как единый правовой институт [1], поскольку ст. 28 Основного закона одинаково наполняет правовым содержанием и смыслом свободу совести и свободу вероисповедания: «...право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Конституционный подход нашел отражение в нормах Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором содержатся оба термина и не проводится различия между ними.

Данный подход к соотношению свободы совести и свободы вероисповедания узок. Свобода совести — возможность человека формировать собственные принципы, взгляды, убеждения, руководствуясь своими нравственными установками. Свобода совести может проявляться не только в религиозной сфере, а также в политической, социальной, экономической, поскольку реализовать право на убеждение человек может в любой сфере общественной жизни. Например, в политической сфере существование оппозиционных политических взглядов является реализацией свободы совести. Таким образом, при сходных нравственных началах отождествлять вышеназванные категории было бы ошибочно.

Между тем О. А. Иванюк указывает, что понятие «свобода совести» шире по объему, чем понятие «свобода вероисповедания» [2, с. 57]. Свобода вероисповедания — элемент правового института свободы совести, поскольку последняя предполагает наличие религиозных, атеистических, индифферентных убеждений, а также их выражение. Однако ни законодательство, ни судебная практика не пришли к такому пониманию института «свобода совести».

В продолжение рассмотрения точек зрения о соотношении понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» отметим, что свобода совести равнозначна свободе убеждений и не только принадлежит людям в пределах вероисповедания, но и охватывает вообще все человеческие убеждения⁵.

Свобода совести и свобода вероисповедания рассматриваются также как отдельные самостоятельные нетождественные понятия. Так, А. О. Кузнецов, указывая на то, что совесть есть категория морали, а не права, считает, что термина «свобода вероисповедания» достаточно для определения отношения человека к религии с учетом понимания свободы как меры возможного поведения [3, с. 55].

Представляется, такое понимание свободы совести и свободы вероисповедания узко, поскольку первая не охватывает права на атеистические и индифферентные убеждения. Кроме того, право на свободу вероисповедания не предполагает наличия у индивида права на какие-либо убеждения, их свободное формирование и выражение. Вместе с тем свобода совести, как свобода вероисповедания, формирует и развивает мировоззренческие взгляды индивида, учит быть ответственным за принятые решения, поэтому отказываться от правового института «свобода совести» нельзя.

В. А. Антошин отмечает, что свобода вероисповедания означает свободу не любых, а именно религиозных убеждений и их внешних проявлений [4, с. 139–140]. В свою очередь, И. В. Осин уверен, что свобода совести основана на убеждениях, которые могут быть не только религиозными [5, с. 26]. Л. А. Королева, О. В. Мельниченко считают, что свобода вероисповедания является структурным элементом свободы совести, при этом требуется уточнить их содержание [6, с. 107].

Е. А. Жданова полагает, что для решения проблемы разграничения двух правовых институтов более верным было бы заменить термин «свобода совести» на термин «свобода мировоззрения», так как оно более точно отражает специфику и смысл содержания свободы совести [7, с. 106]. Вместе с тем мировоззрение — это система общих представлений, взглядов, понятий о мире, который окружает людей, относительно природы, человека и общества в их целостности и взаимозависимости, их сущности, происхождения, закономерности существования и развития⁶. Из сказанного следует, что понятия «мировоззрение», «совесть», «свобода мировоззрения», «свобода совести» имеют сходство, но тем не менее их содержание не совпадает.

⁵ Комментарий к Конституции Российской Федерации. URL: <http://kommentarii.org/konstitutc/page33.html> (дата обращения: 18.12.2017).

⁶ Свобода мировоззрения и вероисповедания. URL: https://uchebnikionline.com/pravo/privatne_zhittya_i_politsiya_rimarenko_yu_i/svoboda_svitoglyadu_virospovidannya.htm (дата обращения: 18.12.2017).

На наш взгляд, категория «свобода совести» шире, чем «свобода вероисповедания». В оксфордском словаре разграничиваются изучаемые понятия: под свободой совести понимается право следовать своим взглядам в соответствии с религией и моралью, под свободой вероисповедания — право исповедовать ту религию, которую индивид выбрал⁷.

Учитывая изложенное, свободу совести и свободу вероисповедания нельзя рассматривать как единый правовой институт, что происходит в действующей российской правовой реальности. Свобода совести и свобода вероисповедания — различные личные свободы, государство должно иметь самостоятельную систему гарантий реализации для каждой из названных свобод. Это возможно при внесении соответствующих поправок в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях».

Таким образом, существующие точки зрения по поводу «свободы совести» и «свободы вероисповедания» приводят к следующим выводам.

1. В настоящее время нет единой законодательной позиции в использовании понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания».

2. Термины «свобода совести» и «свобода вероисповедания» обозначают фундаментальные юридические категории, касающиеся регулирования нравственно-конфессиональных отношений, поэтому их закрепление на законодательном уровне необходимо.

3. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», регулирующий отношения, возни-

кающие при реализации прав на свободу совести и свободу вероисповедания, нуждается во внесении дополнений относительно закрепления понятийно-категориального аппарата, правовых гарантий реализации права на свободу совести и гарантий права на свободу выражения своего отношения к религии, определения содержания свободы совести и свободы вероисповедания.

Список литературы

1. Баглай М. В. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. 519 с.
2. Иванюк О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2010. № 9(165). С. 46–58.
3. Кузнецов А. О. Свобода совести и свобода вероисповедания: проблема разграничения понятий // Правовая инициатива. 2015. № 1. С. 12–57.
4. Антошин В. А. Свобода совести и вероисповедания: соотношение понятий // Исторические судьбы атеизма: сб. статей междунар. науч.-теоретической конф. Магнитогорск, 2011. С. 139–141.
5. Осин И. В. Свобода совести как субъективное право // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 26–28.
6. Королева Л. А., Мельниченко О. В. Свобода совести и свобода вероисповедания: к вопросу о терминах // Вопросы теории и практики. 2011. № 5-1. С. 106–108.
7. Жданова Е. А. «Свобода совести» и «свобода вероисповедания»: понятие и содержание // Современные социально-экономические процессы. Пенза, 2017. С. 105–107.

Поступила 10.12.2017

⁷ English Oxford Living Dictionaries. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/freedom_of_religion (дата обращения: 19.12.2017).

UDC 342

The Problem of Correlation of Legal Categories of “Freedom of Conscience” and “Freedom of Religion” in the Russian Federation

Anna Ye. Skidanova,

post-graduate student, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: skidanova123@mail.ru

Evgeny V. Koshelev,

Candidate of Sciences (Law), senior lecturer of the department of Constitutional and International Law
Omsk, Russia. e-mail: skidanova123@mail.ru

Implementing the right to freedom of conscience law enforcement agencies and citizens ambiguously interpret two legal categories of “freedom of conscience” and “freedom of religion” and their correlation. Using the terms by the Russian legislation when regulating freedom of conscience and freedom of religion causes the problem of defining the essence of the mentioned institutions and their content. Freedom of conscience and freedom of religion cannot be considered as a unified legal institution as it happens in the current Russian legal reality. Freedom of conscience and freedom of religion are different private freedoms, and, therefore, the state should provide an independent guarantee system of implementation of each one of them. To achieve this it is necessary to amend the Federal Law No. 125 “On Freedom of Conscience and Religious Groups”.

Keywords: “freedom of conscience”; “freedom of religion”; law; correlation; problems; legislative regulation;

Citation: Skidanova A. Ye., Koshelev E. V. The Problem of Correlation of Legal Categories of “Freedom of Conscience” and “Freedom of Religion” in the Russian Federation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74). 2018. P. 100–102. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-12018

References

1. Baglay M. V. Small Encyclopedia of Constitutional Law. Moscow, 1998. 519 p. (In Russ.)
2. Ivanyuk O. A. Freedom of Conscience and Freedom of Religion: Correlation of Concepts and Boundaries of Legislative Regulation. *Russian Law Journal*. No. 9(165). 2010. Pp. 46–58. (In Russ.)
3. Kuznetsov A. O. Freedom of Conscience and Freedom of Religion: Problem of Distinguishing Concepts. *Law Initiative*. No. 1. 2015. P. 12–57.
4. Antoshin V. A. Freedom of Conscience and Freedom of Religion: Correlation of Concepts. Historical Fates of Atheism. Magnitogorsk, 2011. P. 139–141. (In Russ.)
5. Osin I. V. Freedom of Conscience as a Subjective Law. *Constitutional and Municipal Law*. No. 23. 2008. P. 26–28. (In Russ.)
6. Koroleva L. A., Melnichenko O. V. Freedom of Conscience and Freedom of Religion: to the Issue of Terms. *Issues of Theory and Practice*. No. 5-1. 2011. Pp. 106–108. (In Russ.)
7. Zhdanova E. A. “Freedom of Conscience” and “Freedom of Religion”: Concept and Content. *Current Socially-Economical Processes*. Penza, 2017. P. 105–107. (In Russ.)

Характеристика личности ВИЧ-инфицированного осужденного

Теохаров Александр Константинович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: teo_oma@mail.ru

Бойко Ольга Альбертовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: Mario011@mail.ru

Ревягин Александр Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: rav090@mail.ru

Анализируются особенности личности ВИЧ-инфицированного осужденного, отбывающего наказание в местах лишения свободы. Исследование основывается на результатах анкетирования 500 осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях Омской области. Даются социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики ВИЧ-инфицированного осужденного.

Ключевые слова: личность осужденного; ВИЧ-инфекция; исправительные учреждения; уголовно-правовая характеристика; уголовно-исполнительная характеристика; метод анкетирования.

Для цитирования: Теохаров А. К., Бойко О. А., Ревягин А. В. Характеристика личности ВИЧ-инфицированного осужденного // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 103–106. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13019

В России эпидемиологическая обстановка относительно распространенности ВИЧ-инфекции продолжает ежегодно ухудшаться. На 1 ноября 2017 г. число ВИЧ-инфицированных составило 1 193 890 чел., показатель инфицирования населения — 629,8 чел. на 100 тыс. С 2005 г. в стране регистрируется рост количества новых выявленных случаев заражения ВИЧ, в 2011–2016 гг. ежегодный прирост составлял в среднем 10%. По темпам роста заболеваемости ВИЧ-инфекцией Россия занимает 3 место в мире после ЮАР и Нигерии¹.

Аналогичная ситуация наблюдается и в местах лишения свободы. Количество ВИЧ-инфицированных осужденных ежегодно увеличивается в среднем на 5%, и на 1 января 2017 г. их численность составляла свыше 63 тыс. чел. Постоянный рост количества ВИЧ-инфицированных осужденных привел к тому, что распространенность ВИЧ-инфекции в исправительных учреждениях в 28 раз превышает общероссийские показатели².

В связи с тем что в исправительных учреждениях каждый десятый осужденный является ВИЧ-инфицированным, исследование их личностных особенностей в последние годы представляет повышенный интерес ученых [1–6]. К тому же указанная категория осужденных обладает дополнительными правами (ч. 3 ст. 18 УИК РФ, приложение 5 приказа Минюста России от 26 февраля 2016 г. № 48³) и ограничениями (ч. 5 ст. 80, ч. 2 ст. 96, ч. 3 ст. 97 УИК РФ). Для них характерны определенные психологические особенности, которые появляются в силу заболевания [7].

В ходе исследования в 2017 г. были проанкетированы 500 ВИЧ-инфицированных осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Омской области. Целью анкетирования являлось изучение социально-демографической, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной характеристик указанных осужденных.

Социально-демографическая характеристика осужденных отражает социальную сущность распространения ВИЧ-инфекции и позволяет определить социальный статус лиц, страдающих данным заболеванием, их возраст, гражданство, уровень образования, род занятий. Так, среди изученных лиц 96,2% составили мужчины и 3,8% женщины. По возрастному критерию осужденные распределились следующим образом: от 18 до 24 лет — 12,3%; от 25 до 29 — 34,1; от 30 до 39 — 45,5; от 40 до 49 — 5,5; от 50 лет и выше — 2,6%. Гражданами Российской Федерации являлись 93,0% респондентов, иностранными гражданами — 6,2%, лицами без гражданства — 0,8%.

Исследование выявило, что среди рассматриваемой категории осужденных 63% не состояли в браке; 17 — разведены; 12 — состояли в браке; 8% — в гражданском браке. Из тех лиц, кто состоял в браке, 5,2% заключили брак после того, как супругам стало известно о наличии заболевания.

Интересно отметить, что более 79% лиц, которые были не женаты, имели низкий уровень знаний норм гигиены,

¹ Эпидемия ВИЧ в России в 2017 году (свежая официальная статистика, кратко). URL: <https://spid-vich-zppp.ru/statistika/epidemiya-vich-spida-v-rossii-2017.html> (дата обращения: 07.01.2018).

² Распространенность ВИЧ в тюрьмах выше среднего по России в 28 раз. URL: <https://life4me.plus/ru/news/rasprostranennost-vich-v-tyurmah-vyishe-srednego-po-rossii-v-28-raz> (дата обращения: 11.01.2018).

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

у лиц, состоявших в браке, напротив, данный показатель существенно выше и составил 11%. Это обстоятельство определенным образом затрудняет проведение воспитательной работы с рассматриваемой категорией осужденных.

Немаловажное место при осуществлении просветительской деятельности в области ограничения распространения ВИЧ-инфекции занимает образовательный уровень осужденных. Так, 65,3% осужденных получили среднее общее образование; 21,7 — среднее специальное; 10,4 — начальное общее; 1,6 — высшее профессиональное; 1,0% не имеют образования. Установлено, что уровень образования респондентов коррелирует с их возрастом и по мере его увеличения соответственно увеличивается количество лиц, имеющих среднее общее и среднее специальное образование. Образовательный уровень опрошенных различается в зависимости от совершенного ими преступления. Например, в отличие от осужденных за преступления общеуголовной направленности (ст. ст. 105, 111, 158, 161, 162 УК РФ), более высоким уровнем образования обладают осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ (ст. ст. 228, 228¹, 228⁴ УК РФ).

На момент проведения анкетирования трудоспособными являлись 88,0% респондентов; 10,5 — ограниченно годными к физическому труду; 1,3 — инвалидами; 0,1 — беременными; 0,1% — пенсионерами. До заключения большинство респондентов не были трудоустроены, их количество составило 54%, из которых 78% являлись рабочими, 10 — служащими, 6 — предпринимателями и 6% занимались иной деятельностью.

Исследованием установлено, что большинство личностных свойств респондентов обусловлено их образом жизни до заключения. Так, 96,5% осужденных парентерально употребляли наркотические средства, 78,0% постоянно злоупотребляли спиртными напитками, 62,0% вели беспорядочную половую жизнь. Причем 87,2% опрошенных знали о негативных последствиях употребления наркотических средств, но тем не менее не отказались от этого.

Таким образом, за последние 15 лет существенных изменений в социально-демографической характеристике ВИЧ-инфицированных осужденных относительно пола, образования, рода занятий не произошло. Однако в настоящее время наблюдается увеличение количества осужденных в возрасте от 30 до 39 лет (подобных лиц большинство — 45,5%). Для сравнения: в 2002 г. доля ВИЧ-инфицированных осужденных указанной возрастной группы составляла 10%, а основная масса приходилась на лиц от 18 до 24 лет — 58% [8, с. 9]. Кроме того, растет число ВИЧ-инфицированных осужденных, являющихся иностранными гражданами.

Уголовно-правовая характеристика осужденного позволяет определить степень общественной опасности личности, ее криминальную направленность и взаимосвязь с факторами, которые привели к совершению преступления, и включает в себя квалификацию преступления, вид и срок наказания, наличие прежних судимостей, находящиеся ранее в исправительных учреждениях.

Исследование показало, что 48,8% изученных лиц были осуждены за совершение тяжких преступлений; 26,4 — особо тяжких; 21,0 — средней тяжести; 3,8% — преступлений небольшой тяжести. Большинство ВИЧ-инфицированных осужденных (34,5%) отбывают наказание за совершение преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. Остальные составы преступлений представлены более равномерно: по ст. 158 УК РФ отбывают наказание 15,6% осужденных, по ст. 161 — 11,5%; по ст. ст. 228¹–228⁴ — 9,7; по ст. 162 — 8,7; по ст. 105 — 8,6; по ст. 111 — 5,1; по ст. 159 УК РФ — 4,1%; на остальные составы преступлений приходится 2,2%.

В настоящее время наблюдаются определенные изменения в этом направлении. Так, А. П. Дьяченко, А. В. Датий и К. В. Митропольский выявили, что большинство осужденных (34,2%) отбывали наказание за совершение кражи; 27,8 — за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; 24,2 — за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; 13,8% — другие преступления [9, с. 72].

Анализ совершенных преступлений, за которые отбывают наказание ВИЧ-инфицированные осужденные, свидетельствует о том, что наркотическая зависимость выступает главной причиной совершения ими преступлений. В непреодолимом желании употребить наркотик они его незаконно приобретают или совершают кражу ради этого.

Следующим важным показателем, характеризующим личность осужденного и устойчивость его антисоциальных свойств, является количество судимостей. Так, 38,2% осужденных имели три судимости; 26,4 — одну судимость; 20,6 — две судимости; 14,8 — четыре судимости и больше. 37,5% ВИЧ-инфицированных осужденных были осуждены к лишению свободы три и более раз; 34,9 — впервые; 27,6% — во второй раз. Следует отметить, что приведенные показатели в период с 2013 г. по настоящее время существенно изменились. Причем это касается не только ВИЧ-инфицированных, но и всех категорий осужденных. По результатам исследования, проведенного Д. М. Адылиным в 2012 г., большинство ВИЧ-инфицированных осужденных (60,0%) имели одну судимость; 15,0 — две; 17,5 — три; 7,5% — четыре и более [2, с. 5]. А. П. Дьяченко, А. В. Датий и К. В. Митропольский выявили, что доля впервые судимых составила 85,5% [9, с. 73].

Анкетирование свидетельствует, что в соответствии с приговором суда 64,7% осужденных назначено лишение свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима; 19,2 — в колонии общего режима; 6,8 — в колонии особого режима; 5,5 — в колонии-поселении; 3,8% — в тюрьме. 27,6% респондентов были осуждены к лишению свободы на срок от 3 до 5 лет; 24,5 — от 1 до 3 лет; 22,9 — от 5 до 7 лет; 13,3 — от 7 до 10 лет; 5,2 — от 10 до 15 лет; 3,8 — от 1 года включительно; 2,7% — свыше 15 лет.

Таким образом, проанализировав уголовно-правовую характеристику ВИЧ-инфицированных осужденных, можно отметить, что за последние годы она существенно изменилась. Во-первых, увеличилось количество осужденных, отбывающих наказание за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Во-вторых, большинство лиц на момент анкетирования имели три судимости и были осуждены к лишению свободы три и более раз. Эта тенденция характерна для всех осужденных, отбывающих лишение свободы, и вызвана она, прежде всего, изменениями в уголовной политике: расширением применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и либерализацией ответственности за совершение кражи.

Уголовно-исполнительная характеристика осужденного отражает его поведенческие особенности в период отбывания наказания, отношение к труду, учебе и позволяет судить о характере его отношений с администрацией исправительного учреждения.

Исследование показало, что 65,7% ВИЧ-инфицированных осужденных отбывают наказание на территории Омской области по месту постоянного проживания; 25,6% являются иногородними; 8,7% отбывают наказание по месту осуждения. 72,6% осужденных отбывают лишение свободы, находясь в обычных условиях содержания; 22,9 — в облегченных условиях; 4,5% — в строгих условиях.

В период отбывания наказания 37,6% ВИЧ-инфицированных осужденных состояли на профилактическом учете. 42,5% респондентов привлекались к дисциплинарной ответственности, при этом 63,7% из них объявлялся выговор; 17,7% водворялись в штрафной изолятор; 9,1% назначался дисциплинарный штраф; 7,8% переводились в помещение камерного типа или в одиночные камеры; 1,7% — в единое помещение камерного типа. Из тех лиц, которым назначались дисциплинарные взыскания, 68,1% имели одно взыскание; 16,5 — два; 11,7 — три; 2,4 — четыре; 1,3% — пять и более взысканий. Злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания были признаны 9,6% осужденных.

Наиболее распространенными нарушениями опрошенных лиц являлись употребление спиртных напитков, психотропных веществ или наркотиков — 57%; изготовление, хранение и передача запрещенных предметов — 22%. Дисциплинарная практика относительно остальных нарушений выглядит следующим образом: мелкое хулиганство — 7,3%; угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление — 6,7; мужеложство, лесбиянство — 4,9; отказ от работы — 2,1%.

К 52,2% осужденных применялись меры поощрения, при этом 33,3% из них объявлена благодарность; 25,9% получили право на дополнительную посылку или передачу; 23,8 — на дополнительное краткосрочное или длительное свидание; в отношении 9,7% досрочно снято ранее наложенное взыскание; 7,3% награждены подарком. Из тех лиц, к которым применялись меры поощрения, 55,7% имели одно поощрение; 26,1 — два; 10,8 — три; 6,2 — четыре; 1,2% — пять и более поощрений.

78,5% опрошенных отметили, что знают неофициальные правила криминальной субкультуры, из них 37,7% соблюдают традиции и обычаи, присущие местам лишения свободы. 37,1% лиц вступали в конфликты с другими осужденными, 9,5% из них пребывают в конфликте постоянно. 28,2% ВИЧ-инфицированных отрицательно относятся к администрации исправительного учреждения.

62,5% осужденных не довольны условиями отбывания наказания и в связи с имеющимся у них заболеванием высказывают пожелания о предоставлении дополнительных прав, направленных на послабление определенных режимных требований. Так, 62,8% отметили право на предоставление дневного сна; 15,1 — передвижение вне строя; 14,5 — освобождение от физической зарядки; 5,1 — освобождение от выполнения работ по хозяйственному обслуживанию исправительного учреждения; 2,5% — ношение обуви неустановленного образца (тапки или сандалии).

Следует отметить, что 83,9% осужденных положительно относятся к труду. Среди опрошенных лиц 51,6% были трудоустроены; 40,2% не работали по причине отсутствия рабочих мест; 8,2% — по причине инвалидности. К учебе и воспитательной работе, проводимой в учреждении, 89% осужденных настроены положительно, 7% — отрицательно, 4% — нейтрально.

В силу положительного ВИЧ-статуса все осужденные постоянно прибегают к медицинскому обслуживанию, в частности, проходят регулярное тестирование CD4 лимфоцитов в качестве диагностической меры и обследуются у врача-инфекциониста. Помимо этого, 33,2% осужденных получают антиретровирусные препараты. Однако результаты анкетирования показали, что 55,8% осужденных склонны не доверять врачам, из них 17,3% отказываются от антиретровирусной терапии, 14,9% прибегают к лечению народными средствами.

В период отбывания наказания 89,5% осужденных воспользовались правом на получение посылок и передач; 75,9 — на краткосрочные свидания; 70,7 — на длительные свидания; 22,7 — на получение бандеролей; 21,1 — на телефонные переговоры; 20,9% получали денежные переводы. 63% осужденных ведут постоянную переписку с супругами или родственниками; 27% — периодическую; 10% не пользуются данным правом.

Анализ уголовно-исполнительной характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных позволяет утверждать, что в целом она существенно не отличается от свойственной остальной массе осужденных. Большинство осужденных имеют положительную характеристику, активно пользуются предоставленными им правами, добросовестно относятся к труду и учебе. Однако в силу имеющегося у них инфекционного заболевания осужденные склонны к злоупотреблению своим статусом и пытаются добиваться от администрации исправительного учреждения определенных послаблений режимных требований.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформировать следующий портрет ВИЧ-инфицированного осужденного, отбывающего наказание в местах лишения свободы:

1. Социально-демографическая характеристика: мужчина в возрасте от 30 до 39 лет, гражданин Российской Федерации, не женат, со средним общим образованием, трудоспособный, наркозависимый.

2. Уголовно-правовая характеристика: трижды судимый, не менее трех раз был в местах лишения свободы, осужден за незаконные приобретение или хранение

наркотических средств с отбыванием наказания от 3 до 5 лет в исправительной колонии строгого режима.

3. Уголовно-исполнительная характеристика: отбывает наказание по месту постоянного проживания, находится в обычных условиях содержания, нарушения дисциплины не допускает, склонен к употреблению спиртных напитков, психотропных веществ или наркотиков, добросовестно относится к труду и учебе, активно пользуется предоставленными правами, не доверяет медицинскому персоналу, стремится получить привилегии в связи с положительным ВИЧ-статусом.

Очевидно, что с учетом постоянного увеличения численности ВИЧ-инфицированных осужденных изучение их личностных особенностей является важным средством в поддержании установленного режима отбывания наказания, позволяющим сотрудникам исправительных учреждений эффективно организовывать профилактические и воспитательные мероприятия.

Список литературы

1. Никитин Д. А. Личность ВИЧ-инфицированного осужденного: криминологический и социально-демографический аспекты // Человек: преступление и наказание. 2008. № 4. С. 106–108.
2. Адылин Д. М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных

к лишению свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3. С. 3–8.

3. Адылин Д. М. Социально-демографическая характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 80–83.

4. Даты А. В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.

5. Даты А. В., Ковачев О. В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин в колониях общего режима // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 3(14). С. 11–15.

6. Воронин Р. М., Ковачев О. В. Криминологическая характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1, № 30. С. 194–198.

7. Бойко О. А., Теохаров А. К. Психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных и их влияние на процесс исправления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 30–33.

8. Зайцева И. В. Правовые и организационные основы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.

9. Дьяченко А. П., Даты А. В., Митропольская К. В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.

Поступила 27.12.2017

UDC 343.8

Characteristics of an HIV-positive Convict

Aleksandr K. Teokharov,

Candidate of Sciences (Law), senior lecturer at the Department of Criminology, Psychology and Pedagogy, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs Omsk, Russia. e-mail: teo_oma@mail.ru

Olga A. Boyko,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor at the Department of Criminology, Psychology and Pedagogy, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs Omsk, Russia. e-mail: Mario011@mail.ru

Aleksandr V. Revyagin

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor at the Department of Criminology, Psychology and Pedagogy, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs Omsk, Russia. e-mail: rav090@mail.ru

The paper examines personal peculiarities of an HIV-positive convict sentenced to imprisonment. The research is based on questioning five hundred convicts serving their sentence in correction facilities in Omsk region. The author provides characteristics of an HIV-positive convict viewed from aspects of social demography, criminal law and penitentiary law.

Keywords: convicted person; HIV-infection; correction facilities; characteristics given by criminal law; characteristics given by penitentiary law; questionnaire.

Citation: Teokharov A.K., Boyko O. A., Revyagin A. V. Characteristics of an HIV-positive Convict. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(74), 2018. P. 103–106. DOI 10.24411/1999-6241-2018-13019

References

1. Nikitin D. A. An HIV-positive Convicted Person: Criminological and Social-demographic Aspects. *Man: Crime and Punishment*. No. 4, 2008. Pp. 106–108. (In Russ.)
2. Adylin D. M. Characteristics of HIV-positive Convicts by Criminal Law and Penitentiary Law. *Bulletin of Vladimir Law Institute*. No. 3, 2012. Pp. 3–8.
3. Adylin D. M. Social-demographic Characteristics of HIV-positive Convicts. *Penitentiary Law*. No. 1, 2012. Pp. 80–83. (In Russ.)
4. Daty A. V. Characteristics of HIV-positive Convicts (according to a special 2009 census). *Applied Legal Psychology*. No. 1, 2014. Pp. 100–107.
5. Daty A. V., Kovachev O. V. Characteristics of Male HIV-positive Convicts in General Regime Colonies. *Bulletin of Perm Institute of the Federal Penitentiary Service*. No. 3(14), 2014. Pp. 11–15. (In Russ.)
6. Voronin R. M., Kovachev O. V. Criminological Characteristics of Female HIV-positive Convicts. *NovalInfo.Ru*. No. 30, vol. 1. 2015. Pp. 194–198.
7. Boyko O. A., Teokharov A. K. Psychological Specifics of HIV-positive Convicts and its Influence on Reforming. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 2(65), 2016. Pp. 30–33. (In Russ.)
8. Zaitseva I. V. Legal and Organizational Fundamentals of Imprisonment set for HIV-positive Convicts. Extended Abstract of Candidate of Sciences Dissertation (Law). Moscow, 2002. 25 p. (In Russ.)
9. Dyachenko A. P., Daty A. V., Mitropol'skaya K. V. Characteristics of Male HIV-positive Convicts Imprisoned in Correction Facilities of the Russian Federal Penitentiary Service. *Penitentiary Law*. No. 1, 2010. Pp. 71–74. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи, от 4 до 12 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность);

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 150 слов);

— ключевые слова (key words) (6-8 речевых единиц) из текста статьи.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — 20–25 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, большой объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна ссылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5–2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»). тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе в НЭБ (Научной электронной библиотеке), ERICH PLUS.

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы:

41979; 41980 — по объединенному каталогу «Пресса России»;

11310 — по каталогу «Почта России».

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!

INFORMATION FOR AUTHORS AND SUBSCRIBERS

Dear colleagues!

Regulations On Submitting The Manuscript By The Author

1. General rules. The submitted materials shall comprise the results of original and completed research. Descriptions of pilot researches, reports missing scientific outcomes, duplication of earlier published works as an article are not admissible. The submitted materials shall not contain inappropriate borrowings.

The author of the manuscript is responsible for observing the copyright law and other legislative norms, accuracy and information value of the data conveyed. Publication of the materials in the peer-reviewed journals is the means of scientific communication and contributes largely to the corresponding field of science. The editorial office supports the mentioned communications and observes publishing ethical requirements.

2. The authors provide the editorial office with:

— the article arranged according to the requirements (the title — from 4 to 12 words). The title shall be of much information value, concise, conform to scientific style of the text, contain the main keywords describing the subject-matter of the research and its content. The title shall be comprehensible for readers and search systems;

— universal decimal classification (UDC) index in accordance with the subject-matter of the article;

— data about the author (family name, middle name, first name in full form, science degree, academic rank, position);

— full name of the organization, describing the form of ownership, each author's membership in a department, address with a zip-code. It is advisable to use the uniform name of the organization usually given in the organization's bylaw. When giving address in English it is necessary to observe English grammar rules and give the information as follows (according to rules of punctuation): apartment number, street, city, zip-code, county;

— the abstract. It should be informative, original, meaningful, structured according to the logics of the material, concise (100–150 words);

— keywords (6–8 lexical units) from the text of the article.

To be put on the English version of the journal site and in the Russian Science Citation Index system the translation of metadata is carried out by the editorial board.

3. Requirements to the submitted materials:

— the articles are admitted in the doc, docx, rtf file format, Times New Roman font — 14 pt, with 1,5 line spacing;

— the volume of the manuscript — 20–25 thousand characters, including pictures and tables, a larger volume is admissible in certain cases only, upon the editorial office resolution. The text is thoroughly proof-read and signed by the authors. Graphs, schemes, diagrams etc. must be fulfilled in vector programmes (not in Word) and saved in EPS or AI formats;

— contractions and symbols, measure units must conform to the standards adopted (in the International System of Units and GOST 7.0.12-2011);

— in References the authors are mentioned as cited. All the references in the article are given in ciphers in square brackets, e.g. [5, p. 6]. It is admissible to refer to different resources from the Reference list, their running numbers being separated by a semicolon, e.g. [10, p. 9; 12, p. 50] (GOST R 7.0.5–2008). When the reference is repeated, it takes the number of its first mentioning;

— resources with no author, normative documents (rulings, laws, instructions, etc), explanations, notes which will not be indexed in citation databases are given in footnotes at the bottom of the page and are not included in the reference list;

— self-citation is admissible if not exceeding 20% of the whole number of resources from the references list.

The journal is peer-reviewed. All articles are peer-reviewed despite the authors' academic ranks or science degrees. Peer-reviewing is carried out by the experts in the fields of the materials under review, the experts have got publications in the mentioned field during the last three years.

Manuscripts are admitted by e-mail on-line. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. The authors can send the materials to the address: the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, journal "Psychopedagogy in Law Enforcement" (subject: "to Karavaev A. F."), 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, phone: +7 (913) 971-80-28.

The electronic versions of the journal are available at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> and the websites of the scientific electronic libraries: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. The issues are placed in the Russian Science Citation Index system, electronic archives of the journal are available at elibrary.ru

As for detailed requirements to the arrangement of the article you can consult section "Information for authors" at the website <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>.

The publications are free of charge.

Subscription codes:

41979; 41980 — United catalogue "Russian Printed Media";

11310 — "Russian Post".

Welcome to cooperate!